

ГИЙОМ

МЮССО

Guillaume Musso

я возвращаюсь
за тобой

*Чтобы быть счастливым, надо вернуть
любовь и – вернуться к себе.*

Annotation

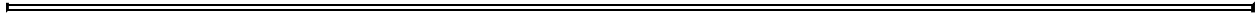
Итан родился в маргинальном квартале Бостона, и ему была уготована такая же участь, как многим его сверстникам: тяжелая работа, унылая, скучная жизнь. Но он сумел переиграть судьбу — получил образование, стал известным психоаналитиком. Теперь он богат и знаменит, но, увы, по-прежнему несчастлив. Ведь чтобы достичь жизненных вершин, ему пришлось совершить предательство. И словно в отместку за это судьба лишает его единственной любви — Селин, девушка, которая ему бесконечно дорога, выходит замуж за другого. Итан понимает: пришло время расплаты за ошибки. Но неужели у него не будет шанса их исправить?

- [Гийом Мюссо](#)
 - [Пролог](#)
 - [Пролог № 2](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [Часть третья](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [Эпилог](#)
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)

Гийом Мюссо

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ ЗА ТОБОЙ

*Я вырос среди книг, создавая себе невидимых друзей
на страницах, покрытых пылью, запах которых я все
еще сохраняю у себя на руках.*

Карлос Руис Сафон. «Тень ветра»

Пролог

Никто вам ничего не даст. Нужно брать.

Из фильма Мартина Скорсезе

«Отступники»

*Часто встречаются свою судьбу на пути, который
выбирают, чтобы ее избежать.*

Лафонтен

Представьте себе...

Нью-Йорк.

Волнение на Таймс-сквер.

Крики, смех и музыка.

Запахи попкорна, хот-догов, дыма.

Неоновые огни, гигантские экраны, световые вывески на фасадах небоскребов.

Пробки, такси, полицейские сирены и клаксоны.

И наконец, толпа, которая грозит раздавить и опрокинуть. Постоянный поток туристов, лоточников и карманников.

Вы песчинка в этой толпе.

Вам двадцать три года.

По тротуару, в двух метрах перед вами, бредут ваша невеста и ваш лучший друг. Ее зовут Мариса. Вы вместе с первого года лица, и ваша свадьба запланирована на конец этого месяца. С Джимми вы знакомы и того больше — вы выросли вместе в одном рабочем районе на юге Бостона.

Сегодня вечером — ваш день рождения. Чтобы доставить вам удовольствие, они организовали это маленькое путешествие на Манхэттен, и вы совершили переезд из Бостона на старом потрепанном «Мустанге».

Вам всего лишь двадцать три, но существование уже кажется вам отформатированным и безнадежным.

Надо сказать, что при вашем рождении феи явно не толпились у вашей

кроватки. Ваши родители очень много работали всю свою жизнь, но этого было недостаточно, чтобы платить за ваше образование, и в последние годы обучения вы уже работали на стройке вместе с Джимми. И вашей повседневной жизнью были мешки с цементом, строительные леса, пот и окрики мастера.

Ваш отдых? Несколько кружек пива после работы, поездка с Марисой в супермаркет, партия в боулинг два раза в неделю с друзьями.

Немного кружится голова, и вы даете толпе нести себя, задравши голову вверх, загипнотизированный игрой света. На ярких экранах мелькают рекламы автомобилей, за руль которых вы никогда не сядете, дорогих часов, которые стоят в десять раз больше вашей зарплаты, и одежды для женщин, которые никогда не попадутся на вашем пути.

Ваше будущее? Это брак без страсти, двое или трое детей, пахота до полусмерти, чтобы погасить кредит по ипотеке, и все ради того, чтобы купить дом, который вам не нравится.

И вы будете продолжать играть в боулинг, пить пиво и переделывать мир вместе с Джимми, на самом деле не особо в этом участвуя.

Вам только двадцать три, а вы уже застряли в жизни, которая вам не подходит. Вы уже давно чувствуете, что отличаетесь от мира, который вас окружает. Не то чтобы вы презирали свою семью или друзей. Нет, тут дело в другом: *унижение бедностью* — вот что вы чувствуете как постоянное оскорбление. Но это не влияет ни на Марису, ни на Джимми, который любит повторять: «Может, мы и бедные, зато, по крайней мере, мы счастливы».

Но так ли это?

Как можно быть уверенным в том, что жизнь не имеет другого вкуса по другую сторону барьера?

Вы продолжаете двигаться по незнакомой улице среди огромной толпы. Джимми и Мариса постоянно оборачиваются, чтобы кивнуть вам, но вы умышленно держитесь слегка позади.

В последние месяцы вы чуть ли не тайком начали покупать книги. Вы горите желанием получить образование и строить свою жизнь на иных основаниях. На вашем плеере Моцарт и Бах заменили рэп и соул. А на работе, несмотря на насмешки, вы теперь все время используете обеденный перерыв, чтобы просмотреть статьи в «Нью-Йорк таймс».

День начинает сходиться на нет. Вы продолжаете наблюдать за зрелищем улицы. Молодая пара выходит, смеясь, из роскошного отеля и садится в блестящий кабриолет. Как в модном каталоге, у них белоснежные зубы, они беспечны и элегантны в стиле Новой Англии.

Это то, чего у вас никогда не будет.

В стране, где принято говорить, что успех зависит от тебя самого, у вас складывается впечатление, что вы находитесь не на своем месте. Часто в ночной тишине у вас в голове вертится эта мысль — начать все с нуля, бросить все, возобновить обучение, чтобы урвать свою долю американской мечты.

Но для этого придется порвать с вашим кругом, с вашей семьей, с вашими друзьями, с вашими друзьями, и вы очень хорошо знаете, что это невозможно.

В самом деле?

Стоящий на углу 50-й улицы старый продавец хот-догов включает радиоприемник, настроенный на частоту рок-музыки. Песня *It's Now or Never* Элвиса Пресли громко льется на тротуар.

Сейчас или никогда.

Вы проходите мимо газетного киоска и бросаете взгляд на выпуск «Нью-Йорк таймс». И что именно в этот момент происходит в вашей голове? Зачем вам это немного сумасшедшее пари?

Однажды моя фотография появится на обложке этого журнала.

Через пятнадцать лет я буду там. Клянусь.

Вы хотя бы думаете о последствиях того, что собираетесь сделать? Вы уже понимаете, что до самой смерти будете каждую ночь вспоминать этот день?

День, когда вы поставили крест на своем существовании.

День, когда вы покинули всех, кто вас любил.

День, когда в надежде выиграть все вы вынуждены были потерять все.

Сейчас или никогда.

Затерявшись в массе туристов, вы пользуетесь остановкой движения, чтобы пересечь огромную улицу.

Ни Мариса, ни Джимми этого не заметили.

Сейчас или никогда.

Через тридцать секунд ваша невеста обернется, но вы уже исчезли.

Навсегда.

Через тридцать секунд вы будете на пороге самого большого и самого странного вызова.

Стать кем-то другим.

Пролог № 2

КОНЕЦ ЛЮБВИ

Я любил тебя, ты была влюблена. Это не одно и то же...

Из фильма Франсуа Трюффо

«Женщина рядом»

Десять лет спустя

Небольшое кафе в Вест-Сайде между Бродвеем и Амстердам-авеню.

Уютная тихая и очень теплая обстановка. Удобные темные кожаные кресла, над которыми возвышается длинная барная стойка, сверкающая хромом. Пряный аромат корицы, ванили и меда.

Вы сидите напротив молодой женщины, одетой в униформу стюардессы.

Это Селин Паладино.

Она прямо рукавом утирает слезы, текущие из ее зеленых с золотыми искорками глаз.

Вы знакомы с ней уже больше года. Это — своего рода трансатлантическая любовь, живущая в ритме рейсов Нью-Йорк — Париж, которые случаются раз в две недели.

Селин — это история любви, которой вы не ожидали. Невероятная вспышка молнии, продолжающаяся в состоянии блаженства и погружающая вас в мир, который до сих пор был вам неведом.

По логике, вы должны быть счастливейшим из людей.

Но вы не обычный человек.

И вы уже знаете, что в один прекрасный день вы ее потеряете.

И этот день — сегодня.

Ибо, хотя с каждой минутой вы влюбляетесь все больше и больше, именно это и делает вас еще более уязвимым, а вам этого не нужно. Вы ведь еще находитесь на стадии, когда не знают, что можно поддаваться чувствам, не будучи незащищенным.

И потом вы уверены, что ваши отношения основаны на недоразумении: хоть Селин и любит вас, но лишь потому, что она вас по-

настоящему не знает. И однажды она откроет глаза и увидит вашу истинную натуру, а это натура плохого и очень амбициозного парня.

Но не это главное.

Суть в том, что ваш внутренний голос постоянно давит на вас, и хоть вам и нравится Селин, но вы должны уйти, потому что рядом с вами ей грозит опасность.

Откуда это предчувствие? Вы этого не знаете, но оно так сильно, что вы просто вынуждены относиться к нему серьезно.

Вы смотрите на Селин в последний раз. Слезы текут на ее шоколадное пирожное.

А ведь когда она только входила в кафе, где вы обычно встречались, она вся сияла и была так счастлива, сообщая вам о своем перемещении в офис Эр Франс на Манхэттене.

— Мы сможем наконец жить вместе, завести ребенка...

И тут вы вдруг резко отдаляетесь от нее. Жить вместе? Вы еще не готовы. Ребенок? Вы выкладываете ей целый список причин, которые этому препятствуют: страсть угасает, ответственность давит, и вам неприятно, когда материнство возводят на высшую ступень ценностей...

Она в шоке. Потом наступает сокрушительное молчание, во время которого она остается неподвижной. Это уже слишком. Вы не можете больше этого терпеть, вы уже готовы встать и взять ее руки в свои, но коварный голос вновь заводит свою песню:

Если ты останешься с ней, Селин умрет.

И вы не смотрите на нее и начинаете наблюдать невидящими глазами за прохожими, бегущими под дождем.

— Все кончено? — спрашивает она, вставая.

А поскольку вы не смеее ей ответить, вы лишь подтверждаете это кивком головы.

* * *

Пятнадцать дней спустя вы вернетесь в это кафе. Один из официантов протянет вам конверт, на котором вы узнаете почерк Селин. Но вы не поддадитесь искушению вскрыть его. Вы просто вернетесь домой, сомневаясь, что когда-нибудь вам удастся преодолеть царящий там беспорядок. Затем вы соберете в коробку все, что от нее осталось из ее немногих вещей, или из того, на чем остались ее следы, — кое-какую одежду, туалетные принадлежности, духи «Кашарель», книжку «Любовь

властелина»,^[1] сборник стихов Арагона, компакт-диск Нины Симоне, репродукцию Модильяни, афишу американского фильма «Сердце зимой», черепаховый гребень, японский заварной чайник, ее последнее письмо, которое вы так и не вскрыли...

Вы выйдете на улицу, проходящую перед вашим небольшим домом в Гринич-Виллидж, сразу же за Нью-йоркским университетом, и бросите коробку в мусорный бак, стоящий на противоположной стороне улицы, и все это — с совершенно отрешенным видом.

Однако ночью, несмотря на холод, вы вернетесь, чтобы забрать письмо. Вы так никогда и не откроете его, но все же сохраните у себя, как некую иллюзию ее присутствия.

Возможно, это доказательство того, что вы на самом деле не такой уж и плохой парень.

А потом пройдут годы.

Один, два... пять.

Вы продвинетесь вверх, как и мечтали: слава, спортивные автомобили, путешествия в первом классе, модели в вашей постели, ваше лицо на экране телевизора...

Со временем вы заставите себя поверить, что Селин забыта.

Но без нее вы всегда будете чувствовать себя одиноким.

Часть первая

БЕЖАТЬ

1

ЭТОТ ДЕНЬ...

Наши настоящие враги — это мы сами.

Боссюэ

Манхэттен

Суббота, 31 октября 2007 года

7 ч 59 мин 57 сек

Итан Уитакер спит на своей роскошной яхте, пришвартованной в Гудзоне, и ему остаются три последние секунды сна.

Он сладко спит, плавая в тумане грез, которые ему предстоит покинуть, чтобы пережить кошмарный день.

7 ч 59 мин 58 сек

Еще две секунды.

На этот момент еще не началось это странное путешествие, которое приведет его в самую сердцевину тайн и страданий. Это секретное и одинокое паломничество, которое и перемелет, и возродит его, заставив при этом противостоять самым потаенным страхам, самым глубочайшим сожалениям, самым смелым ожиданиям.

Вот вы, например, точно знаете, что у вас внутри?

А если нет, что вы готовы отдать за то, чтобы узнать о себе все?

7 ч 59 мин 59 сек

Последняя секунда перед пробуждением.

Последняя секунда перед Пробуждением.

А если мы все еще гонимся за тем, что у нас уже есть?

* * *

8 ч 00 мин

Резкое пробуждение.

Итан наугад метнулся рукой и несколько секунд пытался на ощупь остановить все нарастающий звук будильника. Как правило, он его стимулировал, но сегодня этот звук привел его в бешенство. И ему потребовалось много времени, чтобы проснуться, его знобило, он задыхался, словно после физической нагрузки. В горле пересохло, как у человека, который не пил несколько дней. Его тошнило, и пульсирующая боль пронизывала его с головы до пят. Он попытался открыть глаза, но от этого пришлось быстро отказаться: веки слиплись, голова, казалось, вот-вот взорвется, и словно какое-то невидимое сверло методично долбило внутреннюю часть его черепа.

Неужели организм заставляет его так жестоко расплачиваться за эксцессы вчерашнего дня?

Он попытался успокоить биение сердца и нечеловеческим усилием все же открыл глаза. Мягкий свет проникал через иллюминаторы внутрь, оставляя на светлой древесине яркие блики. Просторная и комфортабельная каюта занимала всю ширину яхты. Весь ее интерьер, сочетавший дизайн с новейшими технологиями, дышал роскошью — огромная кровать, образец стиля хай-тек, мебель последнего крика моды, избегавшего острых углов.

Свернувшись калачиком, Итан постепенно приходил в себя и вдруг почувствовал чье-то присутствие рядом! Он резко повернулся и заморгал.

Женщина.

Это уже что-то.

Она была закрыта атласной простыней, не оставлявшей взгляду ничего, кроме голого плеча, усеянного веснушками.

Итан наклонился к ней, чтобы получше рассмотреть удлинённое лицо с тонкими чертами, частично скрытое под длинными прядями темнорыжих волос, волнами раскиданных по подушке.

Я ее знаю?

Мучимый страшной головной болью, он попытался вспомнить, кто такая эта женщина и при каких обстоятельствах она оказалась в его постели, но...

Ничего.

В голове была пустота. Память вела себя как компьютерная программа, которая отказывалась загружать запрашиваемые данные. Испугавшись, Итан удвоил усилия: он помнил, что вечером ушел с работы, потом пошел выпить стаканчик в «Социалист», новый модный бар на Вест-

Стрит. В атмосфере *Куба Либре*, напоминавшей Гавану 40-х годов, он выпил мохито, потом — второй, потом — третий... А потом... пустота. Ему удалось сосредоточиться, но он с огорчением вынужден был признать, что у него не осталось никаких воспоминаний о предыдущем вечере.

Блин!

Некоторое время он колебался, не разбудить ли спящую красавицу — в надежде, что она освежит его память, но быстро отказался от этой мысли, чтобы избежать разговора, который наверняка не сулил ничего хорошего.

Он тихо сполз с кровати и нерешительно двинулся по узкому коридору, который вел в ванную. Душевая кабина была покрыта ламинатом из экзотических пород дерева и оснащена, как сауна. Он установил ручки в положение «хаммам», и теплый влажный пар мгновенно вторгся в стеклянную клетку.

Он сжал голову ладонями и начал массировать виски.

Не паниковать!

Вся эта история с потерей памяти Лизи выбила его из колеи. Ему претила сама мысль о том, что он потерял контроль над собой. Быть ответственным, контролировать ход своей жизни — вот что он привык повторять в своих книгах, на лекциях и в телевизионных программах.

Не делайте, как я, делайте, что я говорю...

Постепенно паника рассеялась. Учитывая похмелье, не нужно было быть экстрасенсом, чтобы реконструировать сценарий прошлого дня: он потащился по барам, вот и все. Ночью он также выпивал, возможно, увенчав вечеринку парой дорожек белого порошка. А эта девушка? Манекен, встреченный где-то, он наверняка флиртовал с ней, когда был еще на ногах.

Он взглянул на часы, понял, что времени уже много, и сменил горячий пар струей холодной воды, надеясь, хоть и не особенно в это веря, что температурный шок поможет ему вернуть воспоминания.

* * *

Вернувшись в каюту, Итан обнаружил, что таинственная незнакомка все еще крепко спит. Он некоторое время постоял неподвижно, очарованный контрастом между белизной ее кожи и отдающим медью цветом волос. Он закончил вытираться и осмотрел женскую одежду, валявшуюся на полу: нижнее белье «Виктория Сикрет», черное платье с глубоким вырезом от Долче & Габбана, туфли «Джимми Чу», украшенные

стразами...

Все исключительно высококлассное.

Но что-то определенно не вязалось: девушка была слишком красива, слишком хороша для того, чтобы не вспомнить, как он к ней подкатывался.

Сев в кресло, Итан нашел ее сумочку с монограммой. И бесстыдно изучил ее содержимое. Никакого удостоверения личности или водительских прав, которые могли бы рассказать о том, кто такая спящая. Лишь солнцезащитные очки, пудреница, две стодолларовые купюры и небольшой сложенный конверт, в котором вполне мог находиться кокаин. Он с беспокойством закрыл сумочку.

А что, если это девушка по вызову?

Итан обязан был рассмотреть и такую возможность. Не то чтобы он сомневался в силе своего обаяния. Он умел быть обходительным с женщинами, но не тогда, когда напивался, не в четыре часа утра и не в том случае, когда от этого не оставалось никаких воспоминаний.

Хотя...

С тех пор как к нему пришла известность, как его начали показывать по телевизору и он зажил на яхте миллионера, ему уже не приходилось особенно бороться за то, чтобы «увлечься». Это была одна из приятных сторон известности, но он позволял себе обманываться, хотя иногда все это заканчивалось довольно печально.

В любом случае, если эта женщина была профессионалкой, он должен был заплатить. Но какова цена этой «услуги»? Тысяча долларов? Пять тысяч? Десять? Он, блин, не имел об этом никакого понятия.

Наконец, он выбрал промежуточное решение и сунул в конверт четыре пятисотенные купюры.

Потом положил конверт на видное место на тумбочке. Решение было не слишком удачным, и он готов был это признать, но что поделаешь? Жизнь так устроена. Конечно, ему хотелось добавить что-то еще, например, искреннее объяснение, но он посмотрел на часы и использовал это в качестве предлога, чтобы отказаться от этой мысли. У него нет времени. И так строились его отношения с женщинами уже несколько лет — у него никогда не было времени для объяснений. А ведь когда-то было. Но то — совсем другое. И к тому же было давно. Но он стер лицо той женщины из своей памяти. Вот только почему он вновь вспомнил о ней именно сегодня, ведь эта страница была перевернута много лет назад? Он снова посмотрел на часы и вышел на верхнюю палубу, совершенно уверенный, что сумел положить конец этой неприятной истории.

С кожаным кремовым диваном и панорамными окнами салон находился в полной гармонии с другими помещениями яхты — он был элегантным и залитым светом. Столовая, отделанная натуральным дубом и лакированным стеклом, примыкала к кухне, оснащенной самой функциональной техникой, выполненной в темных тонах.

Итан взял флакон одеколона, стоявший на полке между его снимками с Бараком Обамой и Хиллари Клинтон. И окропил себя мужским лосьоном с легкой ноткой табака и кожи. Он внимательно следил за своей «мужской» стороной и отвергал современные тенденции, склонявшие некоторых мужчин любой ценой подчеркивать женскую сторону своей личности.

Все это полная фигня.

Сегодня утром ему предстояло принять участие в серьезной программе на Эн-би-си. Требуется что-то идеальное, соответствующее имиджу, который он терпеливо выстраивал, — врач с человеческим лицом, полный сострадания, строгий в своей области, но крутой по внешнему виду, своего рода гибрид Фрейда, матери Терезы и Джорджа Клуни.

Он открыл шкаф и достал любимый наряд — костюм от Прада из шерсти и шелка, который дополнила рубашка «Оксфорд» и ботинки «Сантони».

Никогда не выходить в шмотках, которые стоят меньше 4000 долларов.

Правило для тех, кто хочет быть хорошо одетым.

Стоя перед зеркалом, он застегнул одну пуговицу на пиджаке — совет Тома Форда, чтобы сразу же сбросить десять кило, — и придал себе обманчиво беспечный вид, который он примерил в прошлом году, когда позировал журналу «Вог» для репортажа, посвященного нью-йоркским знаменитостям. Из своей коллекции часов он выбрал модель «Хэмптон» и завершил костюм плащом от Берберри.

В глубине души он знал, что вся эта роскошь не значит ровным счетом ничего и даже немного смешна. Но он находился на Манхэттене! И должен следить за упаковкой, ведь теперь все, в конечном счете, одна только видимость.

На кухне он съел половинку рогалика, а затем вышел на палубу, где сильный ветер, дующий со стороны Нью-йоркской бухты, тут же растрепал ему волосы. Он достал солнцезащитные очки, легкие и эргономичного дизайнера, а затем помедлил минуту, чтобы насладиться наступающим днем.

Небольшой порт Норт-Коув был местом, о котором многие вообще не знали. Это был очень красивый анклав в самом центре города — в нескольких шагах от Бэттери-парка и Граунд-Зеро.^[2] Он был окружен четырьмя башнями из гранита и стекла, а Всемирный финансовый центр стоял там лицом к лицу с элегантной площадью, над которой доминировал впечатляющий купол, укрывавший под собой сад, в котором росли высокие пальмы.

С айподами в ушах, одетые в спортивную форму последнего крика моды, сотни джоггеров совершали тут свои пробежки, а еще можно было увидеть Эллис-Айленд и статую Свободы. Итан закурил сигарету (это был своеобразный вызов), потирая руки, чтобы согреться. Ветер был сильным, но ему нравился этот первый осенний холодок. Подняв глаза к небу, он увидел дикого гуся, одиноко летевшего очень низко над водой. Он истолковал это как знак удачи.

День начался странно, это правда, но теперь он чувствовал себя свежим и готовым противостоять жизни. Сегодня будет великий день, он это чувствовал.

— Добрый день, мистер Уитакер, — поприветствовал его портовый охранник, когда он появился на небольшой парковке.

Но Итан ему не ответил. Он ошолбенел перед своей машиной — «Мазерати»-купе последней модели, черным с серебром гоночным болидом — и в ярости отмечал степень повреждений: решетка радиатора изогнута, левое крыло помято, одно из колес и дверь серьезно поцарапаны.

Этого не может быть!

Он не мог вспомнить никакой аварии. В последний раз, когда он садился в свою машину, она сверкала тысячами огней и демонстрировала идеальность линий.

Он содрогнулся. Прошлой ночью случилось что-то серьезное. Что-то, о чем в его памяти не осталось ровным счетом никакого следа.

Нет, ты, как всегда, напрасно беспокоишься. Ты был пьян и, вероятно, зацепил какое-то ограждение. Только и всего.

В понедельник он отвезет «Мазерати» в ремонт и заберет машину обратно, как новенькую. Это обойдется ему в несколько десятков тысяч долларов, но деньги — не проблема.

Итан отпер дверь и сел за руль, его окружила обстановка, дышащая безопасностью, — ценные породы дерева и итальянская кожа с едва заметной строчкой. Сладкий запах роскоши на миг успокоил его, но это чувство долго не продержалось. Он пожалел, что не разбудил рыжую девушку, спавшую рядом с ним. Если хорошенько подумать, она, пожалуй,

была единственным человеком, который мог бы рассказать, что произошло вчера ночью.

Итан поколебался, а не вернуться ли обратно к яхте, но передумал. А действительно ли он хотел все знать? Он не был в этом уверен. Все это уже прошлое, а за последние пятнадцать лет он научился не забивать себе голову прошлым.

Он повернул ключ зажигания и собирался уже покинуть паркинг, как вдруг какая-то неопределенная картина всплыла у него перед глазами, а вслед за ней полезли какие-то бредовые мысли. Девушка с медно-каштановыми прядями...

...а вдруг она мертвая?

Нет, это абсурд. С какой стати? Сегодня утром, он помнил это отчетливо, он чувствовал ее дыхание, такое мягкое и теплое. Он был почти в этом уверен.

Почти уверен, но не абсолютно...

Он сжал кулаки и опустил их на руль.

Да это черт знает что такое!

Это проявления его паранойи, которые он себе запретил. Это была его странность, которая возникла у него вместе с успехом и деньгами. Странность, питавшаяся страхом потерять в один миг все, на что он положил пятнадцать лет.

Кончай портить себе жизнь этими фантазиями!

Этот призыв к порядку сыграл роль электрошока, и Итан почти мгновенно выбросил из головы все эти жуткие мысли и страхи.

На этот раз он выехал с парковки, взяв себя в руки, и дал газу — просто для удовольствия, чтобы почувствовать мощь четырех сотен лошадиных сил восьмицилиндрового двигателя.

Сегодня будет хороший день.

Он в этом уверен.

Великий день.

Сумасшедший день.

ТОРОПЯЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

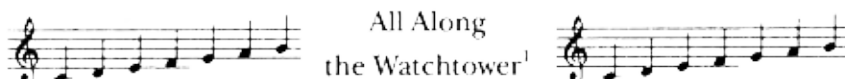
Я хорошо знаю, от чего мне нужно бежать, но не знаю, к чему стремиться.

Монтень

Манхэттен

Суббота, 31 октября

8 ч 53 мин

Гитарные аккорды Джими Хендрикса лились из одиннадцати колонок, установленных в машине. Звук идеального качества нарушал глухой и ровный рокот мотора.^[3]

Дав газу, Итан быстро пересек деловой квартал города, такой оживленный в будни и совершенно пустой утром по субботам, а потом свернул к Мидтауну.

Потребовалось всего ничего, чтобы вновь обрести уверенность в себе. Скорость, голубое небо, солнечные лучи, отражающиеся в окнах небоскребов, — все это вместе делало Нью-Йорк прекрасным.

А Итан обожал Нью-Йорк.

Город, где чувствуешь себя, как дома, когда некуда идти.

Но сегодня утром что-то было не так. Улицы казались декорациями к фильму, словно это был совсем другой, непривычный Нью-Йорк! Он нахмурился, всматриваясь в пешеходов, машины, здания, но ничего необычного не заметил.

Он нервно покрутил ручку приемника, пытаясь найти местную радиостанцию:

...тысячи водителей такси объявили сегодня утром сорокавосемичасовую забастовку, выступая против муниципального проекта по обязательной установке GPS-навигаторов и терминалов для оплаты банковскими карточками...

Вот чего не хватало на улицах, и вот почему движение было таким свободным: такси! Без своих легендарных желтых авто Манхэттен утратил

нечто важное, то, что делало его таким привычным и знакомым.

...по мнению водителей, это попытка вмешаться в частную жизнь, поскольку такие системы, не говоря уже об их стоимости, позволяют властям отслеживать перемещения машин. По данным Ти-си-эл, забастовка, число участников которой достигает почти 100 %, будет проходить очень активно и вызовет значительное волнение в обществе. Уже сейчас у аэропортов Кеннеди и Ньюарк, а также у Пенсильванского вокзала выстроились длинные очереди...

Итан взглянул на часы в машине и поморщился: сегодня он должен быть в эфире знаменитого утреннего шоу «Суббота в Америке». Это была познавательная передача, которую каждые выходные смотрело более шести миллионов телезрителей. Каждый раз после шоу продажи его книг и DVD просто зашкаливали, а в листе ожидания для участия в его тренингах и конференциях не оставалось места на много недель вперед.

Он стал популярным благодаря прессе года три назад. И хотя его все еще иногда величали Доктором, Итан не был врачом. Когда-то он действительно собирался изучать медицину в Сиэтле, но, проучившись в университете четыре года, понял, что ошибся. Обучение на медицинском факультете оказалось страшно дорогим, к тому же тянулось невероятно долго. Да и медицина его мало интересовала. Его не привлекала перспектива стать обычным терапевтом и посвятить жизнь насморкам и мигреням.

Зато ужасно интересовало все, что так или иначе связано с психологией. Очень скоро он понял, что язык у него отлично подвешен и что он обладает даром воздействия на людей. Почему же не использовать свои таланты и не заняться тем, что увлекает больше всего в жизни, — исследованием глубин человеческой психики? Но поскольку он был очень практичен и стремился преуспеть в жизни, надо было постараться найти популярную нишу на современном рынке. Книжки и журналы пестрели новомодными словечками: развитие личности, уроки счастья, гармония жизни, повышение самооценки, расширение сознания... И он понял, что в этой области ему открываются такие широкие возможности, за которые нужно просто ухватиться обеими руками. Тогда он бросил учебу и открыл небольшую частную практику по психотерапии на границе Монингсайд-Хайтс и Восточного Гарлема.

Несколько лет он помогал небогатым клиентам справляться с депрессией, разными формами зависимости, артритом и болями в спине. А потом понял, что именно это время определило всю его дальнейшую карьеру. Благодаря пациентам из соседних кварталов он окончательно

сформировался, совершенствуя знание психологии, подпитываясь книгами и даже участвуя в семинарах по псевдодуховным практикам, тренингах «как жить правильно» и слушая разных гуру, преуспевших в самосовершенствовании. Начав копать в этом направлении, он вскоре выработал собственную методику, в основу которой легли и уже давно опробованные техники, и всякие новшества: позитивное мышление, поведенческая терапия, софрология, ролевые игры, театр, психодрама,^[4] люминотерапия, акупунктура, аффективная коммуникация... Он был одним из первых на Манхэттене, кто предложил методику *walk and, talk*,^[5] которая состояла в том, что он заставлял пациентов говорить о себе во время прогулок по аллеям Центрального парка. Какая разница, что его лечение не имело под собой никаких научных обоснований — если сеансы давали результат даже в нескольких случаях, почему бы не продолжать в том же духе?

Четыре года назад его жизнь изменилась благодаря одному необычному происшествию. Вечером, уже собираясь закрывать кабинет, он увидел, что к нему направляется клиентка с мальчиком лет двенадцати. Несмотря на солнечные очки и скрывавший волосы шелковый платок, Итан сразу узнал Лоретту Краун, продюсера и ведущую знаменитого ток-шоу, названного ее именем. Как получилось, что эта афроамериканская телезвезда, одна из самых богатых и влиятельных дам в шоу-бизнесе, стояла перед дверями его скромного кабинета в Гарлеме? Ответ прост: все дело было в ее домработнице. Несколько месяцев назад Итан так умело и быстро помог ей избавиться от мучительной хронической мигрени (благодаря всего трем сеансам акупунктуры), что она всюду только о нем и говорила. В конце концов, история чудесного исцеления стала известна ее хозяйке.

Лоретта пришла из-за сына, страдавшего посттравматическим неврозом с тех пор, как два года назад трагически погиб его отец. Это случилось во время морской прогулки на яхте. Уступив просьбам сына дать ему порулить, отец в конце концов на несколько минут передал ему штурвал. Сам он в это время стал убирать паруса. И сильный порыв ветра сбросил его в море, а ребенок, не зная, что нужно сделать, чтобы остановить лодку, прыгнул в холодные волны Атлантики вслед за ним. Час спустя спасателям удалось достать из воды только его одного.

С тех пор мальчик ужасно страдал от чувства вины, его преследовали страхи, ночные кошмары и навязчивые воспоминания, вновь и вновь заставлявшие его переживать трагедию. Когда Итан познакомился с ним,

ребенка мучили бессонница и лихорадка, он не мог ни на чем сосредоточиться и уже много месяцев не ходил в школу.

Лоретта Краун обращалась к самым известным психологам Восточного побережья, но ни антидепрессанты, ни бета-адреноблокаторы, ни гипноз не помогали.

Итану же сыграли на руку удача и интуиция. Несколько сеансов по методу ДПДГ^[6] помогли ребенку «оживить» этот болезненный эпизод, давая мозгу возможность реорганизовать воспоминания и «переварить» пережитую трагедию.

После того, как мальчику стало легче и опасность миновала, Лоретта Краун захотела отблагодарить врача. Она уговорила его написать книгу о своем опыте терапевта, а потом стала приглашать на свою передачу. За двадцать лет работы в эфире королева ток-шоу создала из своей программы настоящую общественную организацию. Лоретта руководила передачами на почти ста пятидесяти местных каналах. Иногда ее аудитория насчитывала больше пятнадцати миллионов зрителей, при этом на 80 процентов она состояла из женщин. Как и Ларри Кинг, Лоретта была идиолом поп-культуры и имела огромное влияние на миллионы людей. После того как она расхвалила книгу Итана в эфире, он обнаружил, что продажи выросли в несколько раз. О молодом терапевте сразу же стали выходить статьи в прессе, его стали приглашать на другие радио- и телепрограммы. В конце концов не прошло и полугода, как он стал постоянным гостем телепередач, посвященных психологии.

Итан немедленно воспользовался подаренным шансом и сейчас уже был главой маленькой финансовой империи. Он активно распространял свое «учение» при помощи книг, конференций, дорогостоящих стажировок, интернет-сайтов, DVD, аудиокниг, дзен-календарей и компакт-дисков для релаксации. А недавно несколько университетов даже предложили ему вести «курсы счастья» — предмет, ставший очень модным на многих факультетах после того, как молодой психолог Таль Бен Шакар стал развивать эту тему на своих лекциях в Гарварде.

У зрителей Итан вызывал доверие. Он был умен и уверен в себе, но не высокомерен. Никогда не пытался выставить себя духовным гуру, что делало его слова еще убедительнее. Говорил он гладко и убеждал здравомыслием, прекрасно понимая современных зрителей, всегда исполненных сомнений. Он предлагал решать проблемы, обходясь без психоанализа и антидепрессантов, хотя сам не мог прожить без прозака.^[7] Он проповедовал простую жизнь без привязанности к материальным

благам (а сам жил роскошно и суетно), превозносил семейные ценности, дружбу, общественную деятельность (а сам жил в полном одиночестве)...

Делайте то, что я говорю...

* * *

Перед тем, как свернуть на Бродвей, Итан снизил скорость. Хотя время поджимало, ему хотелось проехать по Тайм-сквер — последняя дань прошлому. Это продолжалось пятнадцать лет, пятнадцать лет изо дня в день, с того осеннего вечера, когда он оставил прежнюю жизнь, надеясь стать кем-то совершенно другим.

Он остановился около гостиницы «Мариотт», отдал ключи от машины, чтобы ее поставили на стоянку, но вместо того, чтобы войти в отель, перешел на другую сторону улицы.

Тайм-сквер была почти совсем пуста. Посреди улицы скакала группа подвыпивших японцев, которые фотографировали друг друга, пародируя любимый телесериал и выкрикивая: «ЯТТА».^[8]

Итан закурил. Газетный автомат так и стоял на прежнем месте, как ему и помнилось. Он сунул монетку и взял сегодняшнюю «Нью-Йорк таймс». Газету он купил ради приложения «Искусство и культура», где на первой полосе красовалась его фотография и подпись к ней:

ПСИХОАНАЛИТИК,
КОТОРЫЙ СОБЛАЗНЯЕТ АМЕРИКУ

Вначале планировалось, что приложение выйдет на следующей неделе, но благодаря своим связям Итан смог ускорить публикацию, чтобы отметить странную дату, о которой знал он один. Он быстро проглядел статью — она была довольно комплиментарная и выглядела как посвящение. Он ударил кулаком по железной дверце уличного телефона-автомата. Вуаля, удалось! Он сдержал обещание: передовица в «Нью-Йорк таймс» ровно через пятнадцать лет! Он выбрался из грязи в князи, а тут принято говорить: *Если ты чего-то добился в Нью-Йорке, то уже нигде не пропадешь...*

На другой стороне двое рабочих меняли стекло в витрине «Верджин Мегастор». Поглядев на них, Итан вспомнил, как пятнадцать лет назад работал на стройке с Джимми. Возможно, он впервые по-настоящему задумался о пройденном пути. Эту же самую улицу он пересек пятнадцать

лет назад. Пятнадцать метров, чтобы оказаться на другой стороне, пятнадцать лет, чтобы добиться славы. На него нахлынули воспоминания, но он отогнал их прочь.

Конечно, чтобы достичь этого, многим пришлось пожертвовать, остаться в полном одиночестве, но игра стоила свеч.

Наблюдая за толпой,двигающейся в южном направлении, он почувствовал легкую грусть. Немного странно, что рядом нет никого, с кем можно было бы разделить радость успеха, разве нет?

На миг перед глазами мелькнула картина — зеленые глаза Селин, смотрящей на него. Она опустила ресницы, и видение исчезло. Итан подавил внезапно охватившую его дрожь. Затем нахлынуло чувство абсолютной потерянности.

Да нет же, возьми себя в руки! Жизнь прекрасна. У тебя есть все, что хочешь. И ты прекрасно знаешь, что человек одинок. В самые тяжелые и важные моменты жизни человек всегда один. Ты совсем один, когда проходит любовь, один, когда рано утром заявляются копы, один, когда врач сообщает, что у тебя рак, один, когда подыхаешь...

Он заставил себя отогнать печаль. Чтобы избежать депрессии, всегда следующей за большим достижением, нужно было во что бы то ни стало придумать новую цель на следующие несколько лет. Он на минуту задумался: может, заняться политикой?.. Ему уже намекали на возможность стать членом команды в муниципалитете. Он чувствовал, что если целиком посвятит себя этому, то может стать мэром Нью-Йорка. Не на этих выборах, а на следующих, через восемь лет.

Вот о чем он мечтал, когда в кармане загудел «Блекберри». Продюсер Эн-би-си волновалась, почему он опаздывает.

* * *

Итан пробежал несколько кварталов до Рокфеллер-центра. Добравшись до Пятой авеню, он свернул между 49-й и 50-й и проскользнул в цветущий Ченнел-Гарденс, парк рядом с «Тауэр-Плаза». Ветер трепал флаги и нарушал идеальную симметрию водяных струй, бьющих из фонтанов. Только сегодня программа шла не из студии, расположенной в Дженерал Электрик-билдинг, а транслировалась прямо с улицы, у всех на виду, на знаменитой эспланаде в двух шагах от катка, под взглядом сверкающего бронзового Прометея.

Итан едва успел к гримеру. И вот уже на съемочной площадке его

встречает Мэделайн Дэвин, звезда утреннего эфира. Беседа с ним должна была занять минут пять — между прямым включением Джеймса Бланта^[9] и журналистским расследованием загадочного исчезновения Элисон Харрисон, богатой наследницы, скандально известной благодаря беспорядочному образу жизни.

Конец рекламной паузы. Эфир через тридцать секунд. Мэделайн Дэвин в костюме пастельных тонов в последний раз перечитывала свои заметки. У нее были кукольное личико, фарфоровые зубки и платиновые волосы, убранные в хвост на затылке. Гример закончила освежать ее макияж, и ведущая жизнерадостно объявила:

— Наш следующий гость размышляет о мудрости в проявлении чувств и самоуважении. Его советы помогают пережить сложные периоды в жизни и разглядеть ее светлую сторону. Его имя возглавляет все списки лауреатов, а его книги помогают раскрыть неожиданные стороны нашей личности. Дамы и господа, встречайте Итана Уитакера!

Итан занял свое место под грохот аплодисментов. Нелегко идти после самого Джеймса Бланта, но он им сейчас покажет силу своей всепокоряющей харизмы.

Казалось, что на съемочной площадке «Субботы в Америке» страшно жарко из-за дымящихся кружек с кофе, стоявших перед каждым гостем. Большие корзинки с венскими булочками и фруктами создавали ощущение, что вы пришли на завтрак к друзьям. Мэделайн Дэвин начала беседу самым дружеским тоном. Программа выходила в самое лучшее время, когда у экранов зрителей больше всего, все было согласовано, Итан знал, что подводных камней и заковыристых вопросов бояться не стоит. Самое главное — быть достаточно убедительным и улыбаться. Он поудобнее уселся в кресле и расслабился, отдаваясь гладкому ходу беседы.

Ведущая: В своих книгах и выступлениях вы постоянно напоминаете о необходимости позитивного отношения к жизни...

Итан: Это правда. Для своего же блага мы должны гнать от себя негативные мысли, всегда видеть стакан наполовину полным, а не пустым. Чтобы добиться этого, нужно избавиться от внутренней предвзятости по отношению к самому себе, которая мешает идти вперед. Прочь сомнения! Не говорите себе больше — я бы хотел, говорите — я хочу! Не говорите больше — я бы мог, говорите — я могу!

Вынужденный из раза в раз повторять одни и те же фразы, Итан

чувствовал себя какой-то заводной куклой.

Ведущая: Не следует путать удовольствие и счастье, не так ли?

Итан: Это верно: поиск простейших удовольствий не приводит к длительному счастью. Настоящее счастье возникает, когда ты повернут к другим, нацеливаешься на долгие отношения, на дружбу и на любовь, совершаешь бескорыстные поступки... Индивидуализм — это иллюзия. Только делая хорошо другим, мы получаем шанс добиться чего-то хорошего для себя.

Сколько красивых фраз, которых он никогда не говорил самому себе! Ах, как легко играть в профессора и выдавать перлы мудрости, и совсем другое дело — жить так самому...

Итан: Мы живем в обществе, которое все богатеет и богатеет, но вовсе не становится от этого счастливее.

Ведущая: Почему вы так думаете?

Итан: Видите ли, Мэделайн, наша страна потребляет три четверти производимых в мире антидепрессантов...

Ведущая: И как вырваться из этого порочного круга?

Итан: Нужно придавать больше смысла повседневному существованию.

Ведущая: То есть?

Итан: Мэделайн, у вас никогда не возникало ощущения, что жизнь от вас ускользает? Никогда не возникало ощущения, что вы живете в мире, где царит баракло? В мире, где наши желания формируются рекламой, где то, что мы покупаем, зависит от точки зрения соседа, а наши мысли — от того, что передают по телевидению?..

Все чаще и чаще на него стала накатывать усталость от участия в этом медиацирковом представлении, но как еще в наше время выгодно показать себя перед конкурентами?

Ведущая: Существует ли рецепт счастья?

Итан: Мы должны дерзнуть измениться, стать хозяевами собственной жизни, рискнуть заглянуть в глубь себя.

Ведущая: А у каждого ли есть шанс достичь счастья?

Итан: Я уверен, что не существует такой штуки, как судьба. Я думаю, мы должны брать на себя всю полноту ответственности за то, что

происходит, и еще мне кажется, что у каждого есть шанс стать счастливым, только нужно развивать эту способность в себе.

Итан несколько раз прищурился, чтобы скрыть зевоту — следствие бурной ночи. Необходимо было сосредоточиться. Он настороженно относился к прямому эфиру, ведь малейшая оговорка способна оказаться роковой. И если удачная передача может вознести до небес, то провал наверняка разрушит карьеру. Несколько секунд он в шутку себя запугивал. Что произойдет, если он позволит себе некорректное замечание по поводу национальных меньшинств, женщин, религии, секса? Что произойдет, если он, например, разоткровенничается: *Знаете, Мэделайн, вчера вечером я отдрючил девочку по вызову, к тому же так торопился, что по дороге домой раздолбал машину...* День-два этот эпизод был бы № 1 на Ютубе и Дейлимоушн, камня на камне не оставляя от его репутации терапевта и прокладывая ему прямую дорогу к безвестности и нищете. Он попытался сосредоточиться, кинул быстрый взгляд на монитор (голубая рубашка неплохо смотрелась на экране, а благодаря автозагару казалось, что он только что вернулся из отпуска), слегка откашлялся и уверенно объявил...

Итан: Нужно научиться жить в настоящем. Слишком часто, оглядываясь на прошлое, мы мусолим чувство сожаления и вины. Слишком надеяться на будущее означает убаюкивать себя иллюзиями. Единственное, что имеет значение в жизни, — настоящий момент...

Ведущая: И последний совет для наших телезрителей...

Итан: Торопитесь жить, торопитесь любить, ведь вы не знаете, сколько времени вам осталось. Нам всегда кажется, что время еще есть, но это не так. В один прекрасный день мы понимаем, что прошли точку невозврата и уже слишком поздно.

Ведущая: Точку невозврата?

Итан: Это момент, когда понимаешь, что назад пути нет. Момент, когда понимаешь, что шанс упущен...

* * *

Итан в гримерной смывал экранный макияж. Он был доволен выступлением: эта мысль, которая пришла ему в голову в конце интервью — про *точку невозврата*, — была интересной находкой, которую, пожалуй, имеет смысл доработать на семинарах или в книжке.

Мэделайн Дэвин зашла к нему, чтобы поздравить с удачной передачей. Ей было нужно снять несколько кадров с Итаном «в жизни», чтобы выложить на сайт программы.

— Идеально было бы поснимать вас в кабинете, если вам удобно.

Итану было неудобно, но он не подал вида. Никакого желания тащить за собой какого-нибудь любопытного проныру у него сегодня утром не было.

— Фрэнк может поехать прямо сейчас, — предложила Мэделайн, указывая на оператора. — Через час все будет отснято.

Итан секунду поколебался. Мэделайн Дэвин нельзя говорить «нет», и Эн-би-си нельзя говорить «нет». Это деловой вопрос, а Уорхолл был убежден: бизнес есть бизнес. С другой стороны, он не планировал появляться в офисе сегодня утром. Образ рыжеволосой девушки — загадочной и опасной — не выходил у него из головы, и он испытывал только одно желание: вернуться на яхту и убедиться в том, что она исчезла из его постели.

— Ну, что же, Итан, договорились?

«Нет, Мэделайн, давайте не сегодня», — наконец решился он. Но вместо этого услышал, как его собственный голос произносит:

— Конечно, скажите Фрэнку, пусть едет за мной.

*Дверь, через которую проникает к нам печаль,
ведет в мир обманчивых образов и суетности.*

Элен Гримо

Манхэттен

Суббота, 31 октября

10 ч 35 мин

Прочно вросший в берег Ист-ривер, небоскреб в стиле ар-деко занимал целый квартал на Уолл-стрит — самой знаменитой финансовой артерии мира. Он был не так высок, как его сосед, постмодернистский восьмиугольник Континентал-центра, сверкающий зеркальными окнами. Но высота не имеет значения. Интересно впечатление, которое он производит, сила его воздействия. А ослепительно-белые известковые стены, резкие углы и четкий силуэт дома № 120 по Уолл-стрит полностью соответствовали нужным параметрам.

Итан молниеносно пересек холл, оператор почти бежал за ним по залу, отделанному розовым мрамором, красным гранитом и блестящими никелированными деталями. Перед тем как войти в лифт, он позвонил Лиззи, своей секретарше. «Беседа» заняла не больше двух секунд, Итан коротко сообщил:

— Буду через минуту.

* * *

На тридцатом этаже Лиззи повесила трубку, размышляя, что же сегодня утром за настроение у патрона. В последнее время ей стало казаться, что он стал раздражителен, ничем не интересуется и выглядит усталым и разочарованным. Она работала с Итаном все эти годы, наблюдала за его взлетом от маленького кабинета в Гарлеме до роскошного здания на Уолл-стрит. Первый раз они встретились девять лет назад, Лиззи была тогда безработной. Толстая, невзрачная, без образования и

квалификации, с нулевой самооценкой.

За талоны на питание бюро социальной помощи требовало несколько часов в день работать уборщицей в районных конторах, которые нуждались в подобного рода услугах. Так она и появилась у Итана, но тому больше требовалась секретарша, чем уборщица. Она так хорошо справлялась, что Итан, в конце концов, взял ее на работу. Добившись признания, он сразу же продал свой кабинет и переехал в шикарный комфортабельный район. Лиззи не питала никаких иллюзий насчет своих шансов остаться на прежнем месте. Она знала амбициозность Итана и ни минуты не сомневалась, что молодой терапевт будет искать секретаршу, соответствующую уровню новых клиентов. Красивую блондинку с ясными глазами, изящной фигурой, тонкой талией, хорошими манерами и чувством юмора. Таковую, какой она никогда не была и никогда не станет. Но Итан против всех ожиданий предложил ей последовать за ним. Она была тронута таким доверием, но сочла, что следует отказаться:

— Очень сожалею, но не могу.

— А в чем дело?

— Я не подхожу для того, чтобы встречать ваших новых пациентов. Мне кажется, я буду не к месту. К тому же мне не хватает образования.

Он покачал головой, одним жестом отбрасывая все ее аргументы, и на том разговор был окончен.

Это было проявлением того, что она по-настоящему любила в нем: он умел мотивировать людей. Это было его даром, истинной причиной его успеха. Это было то, что он сам не всегда осознавал и не всегда отдавал себе отчет, на что он способен. Хватало одного его слова, одного взгляда, чтобы вернуть пациентам уверенность в себе.

Она хотела соответствовать уровню и начала с того, что сбросила двадцать кило, сделала пластическую операцию носа, короткую стрижку и сменила привычные джинсы, свитера и майки на брючные костюмы от Донна Каран.

С тех пор она ходила к парикмахеру, у которого стриглась Дженнифер Коннелли, купила абонемент в салон красоты Сары Джессики Паркер и несколько недель делала инъекции ботокса, сначала убедив себя, что без этого никак не обойтись.

Теперь, когда она смотрелась в зеркало, ей казалось, что это не ее тело. Это было странное, необъяснимое и легкое чувство. Иногда у нее возникало ощущение, что даже кожа стала светлее.

На первый взгляд казалось, что жизнь стала проще. Зарплата и премии, которые выписывал Итан, позволяли ей отправить двух своих

детей в лучшую школу и оплачивать содержание матери в доме для престарелых. Тем не менее она иногда с сожалением вспоминала старые добрые времена в Гарлеме, когда клиентами были простые люди, в большинстве темнокожие. Были тогда и насилие, и страх, и неустроенность, но жизнь, по крайней мере, была ключом. А сейчас деньги лились рекой, так что и ей перепало немало, но здесь все было слишком большим, слишком правильным, слишком спокойным и гладким. Прежние *пациенты* сменились немногочисленными *клиентами* из касты избранных: люди из мира бизнеса, профессиональные спортсмены, политики, псевдознаменитости из прессы. Это не было настоящей жизнью.

Что думал обо всем этом Итан? В сущности, она понятия не имела. Она видела его каждый день, но он хорошо охранял свои тайны. Что она действительно о нем знала? Немного. Отношения у них были странные. Друзьями в прямом смысле слова назвать их было нельзя, но они без слов понимали, что могут друг на друга положиться. Лиззи была обязана ему всем, что имела, и на многое пошла бы ради него. Она даже составила такой список: солгать под присягой в суде, взять на себя его вину, посреди ночи помочь спрятать труп...

Но вот уже некоторое время она чувствовала, что патрона охватила странная подавленность, которая порой доходит до саморазрушения. Уже не однажды она заставляла его по утрам спать на диване в кабинете, а на низком стеклянном столике стоял стакан со спиртным и виднелись следы кокаина. Это ее очень встревожило, потому что патрон раньше был трезвенником. Что на него нашло? Сегодня утром она видела его выступление по телевизору. К концу программы телефон звонил не переставая, и она записала на прием больше народу, чем было возможно. Сайт, где велась запись на семинары, тоже готов был взорваться, а на Амазоне последняя книга Итана соперничала по количеству продаж со Стивеном Кингом и Джоном Гришомом.

Лиззи подумала, что выступление патрона было довольно обычным, кроме самого конца, когда он стал говорить более убедительно. А слова, которые он обронил вскользь — *точка невозврата*, — она была уверена, что это название следующей книги или доклада на ближайшей конференции.

И все-таки за уверенной манерой держаться и обаятельной улыбкой она угадала скрытую усталость и опустошенность. Он всегда все держал под контролем: свой имидж и речь, всегда был настороже, чтобы не сделать неверный шаг. В последние дни она почувствовала, что им грозит крушение, ощутила, что вот-вот все опрокинется. Но в какую сторону? Где

хранится ключ к пониманию этого человека? Она чувствовала, что он завершает какой-то цикл, и хотела помочь ему пережить стресс и тревогу, которые он пытался скрывать при помощи всегда бодрой улыбки и лихорадочной деятельности. Возможно, стоит поговорить с ним напрямую, но пока ей не хватало смелости. В любом случае не сегодня, когда у него и других дел достаточно.

Рано утром, придя на работу, перед дверью кабинета Лиззи обнаружила совсем молоденькую девушку. Как ей удалось проскользнуть незамеченной мимо портье? Загадка. В любом случае она была красива и уже сидела перед кабинетом, прислонившись спиной к стене и стиснув в кулаке газету «Нью-Йорк таймс» со статьей, посвященной Итану.

— Мне надо видеть Итана Уитакера, — заявила она враждебным тоном.

Чтобы успокоить ее, Лиззи широко улыбнулась и очень спокойно объяснила, что сначала нужно договориться о встрече.

— Но поскольку ты несовершеннолетняя, о встрече придется договариваться твоим родителям, — добавила она, по-прежнему улыбаясь.

— Мне надо увидеться с ним сегодня же, — ответила девочка.

— Это невозможно.

— Я подожду.

Лиззи уже взялась было за телефон, чтобы вызвать охрану, но передумала. Решать проблемы при помощи силы слишком легко и к тому же бесчеловечно. И она разрешила девочке остаться в приемной, прекрасно зная, что Итану это не понравится.

* * *

— Ну, и как я вам? — спросил Итан у Лиззи, пока оператор устанавливал камеру.

— Великолепны, как всегда, — ответила она, протягивая ему чашку кофе. — И все-таки вы немного устали, верно?

— Выглядело так?

— Да нет, все было отлично, не беспокойтесь. — Она положила перед ним разобранную почту и утреннюю прессу, а потом заметила: — В любом случае, вы отлично подметили насчет *точки невозврата*.

— Ага, тем лучше. Мне тоже понравилось. А статья в газете?

— Очень лестная. А потом еще и фото — вы просто вылитый Клуни. Это была неправда, но она знала, что ему будет приятно.

— Что-нибудь уже получилось?

— Я вам переслала последние цифры — вы будете приятно удивлены.

Итан, очень довольный, уселся за стол и включил «МакБук», синхронизированный с обновлениями в его «Блэкберри». Лиззи предложила кофе оператору Стиву, который затаив дыхание наслаждался видом на город, открывавшимся из окна.

Потом она наклонилась к Итану и прошептала:

— Нужно кое-что уладить. — И сделала ему знак выйти из комнаты.

— Что случилось?

— Вас кое-кто ждет в приемной.

— Я же сказал вам, никаких встреч сегодня.

— Я знаю, но...

— Кто это?

— Совсем молоденькая девушка. Настаивает на встрече с вами.

— Объясните ей, что это невозможно, и все. Это же ваша работа.

Перед тем как вернуться в кабинет, Итан подошел к столу Лиззи и, не смущаясь, полез в ящик ее стола.

— У вас еще остались таблетки от мигрени? У меня с утра жутко болит голова!

Лиззи хозяйской рукой закрыла ящик, твердо решив не дать собой командовать. Она вытащила из сумочки две таблетки и молча протянула их патрону.

Итан посмотрел на таблетки адвила с презрением.

— Мне нужно что-то посильнее!

Лиззи повернулась к полкам, вытащила одну из книг и бросила ее на стол. На обложке светилось улыбкой знакомое лицо, спокойное и уверенное.

Итан Уитакер

ВЫЛЕЧИТЬСЯ ЭФФЕКТИВНО

И БЕЗ ЛЕКАРСТВ

Продано уже 400 000 экземпляров

— Возможно, вам стоит самому следовать тем советам, которые вы даете другим!

Итан стойко выдержал атаку. Лиззи дала ему вполне заслуженный отпор. Его охватила глубокая тоска. Опустошенный и подавленный, он чувствовал лишь легкую тошноту и страх. Этот страх не покидал его, он безуспешно боролся с ним с тех пор, как проснулся рядом с той женщиной,

а потом обнаружил царапины на машине. Он снова попытался собрать воедино обрывки воспоминаний об этой безумной ночи. Он ясно помнил, как входил в «Социалист» примерно в девять часов. Помнил кубинскую музыку и текилу. Но что было потом? Несколько сцен промелькнуло перед глазами, болезненно сплетаясь в одну картину: фыркающие мотоциклы, танцующие на стойке девушки, официантки в кожаных лифах, которые выкрикивали в микрофон какие-то ругательства. Ему было знакомо это место! «Хогс & Хейферз», *байкерский* бар в Митпекинг-дистрикт: сдержанно-декадентское местечко, которое вдохновило создателей фильма «Безумный Койот». А потом? Он вспоминал... вспоминал... и ничего не мог вспомнить...

А голова просто раскалывалась.

Ни в коем случае нельзя было соглашаться валять дурака перед этим оператором. Надо было прямиком отправиться на яхту и все выяснить.

Поддавшись внезапному порыву, он сел за стол Лиззи и взглянул на телефон. В конце концов, телефон есть и на яхте. Нужно просто позвонить, возможно, таинственная незнакомка ответит на звонок. И правда, после трех гудков трубку взяли.

— ...

— Алло?

— ...

На другом конце линии молчали, только ровное дыхание выдавало чье-то присутствие.

— Алло? — повторил Итан. — Кто вы?

Ответа не последовало.

Этот разговор в одну сторону продолжался еще секунд двадцать, а потом на яхте повесили трубку.

Лиззи скорбно качала головой, наблюдая за странным поведением патрона.

— Я вам все потом объясню, — заверил ее Итан, поднимаясь со стула.

Его все больше и больше беспокоил поворот, который принимали события.

А у Лиззи была другая забота.

— Мне кажется, вы очень нужны одной пациентке.

Вот какой сюжет интересует меня больше всего: любовь, отсутствие любви, смерть любви, боль, сопровождающая потерю того, что было самым необходимым.

Джон Кассаветис

Итан открыл дверь в приемную плохого настроения.

Безупречно чистая комната купалась в холодном голубоватом свете, типичном для Манхэттена. Съежившись и положив подбородок на колени, на светлом кожаном диване сидела девочка лет тринадцати-четырнадцати и пустым взглядом смотрела в окно. Глаза ее ожили, когда Итан вошел в комнату, и секунды две терапевт и девочка молча изучали друг друга. Она была бледная и усталая, под глазами синяки. Черт лица было почти не разобрать под светлыми, очень длинными волосами, которые падали ей на лоб. Но она производила впечатление существа нежного и хрупкого, несмотря на джинсовый жилет и слишком большую для нее летнюю куртку.

— Где твои родители? — спросил Итан без предисловий.

— Умерли, — в тон ему ответила она.

Итан покачал головой.

— Нет, ты врешь, — не колеблясь, заявил он. — Я умею определять, когда люди говорят неправду. Ты сейчас лжешь.

— Вы знаете, как отличить правду от лжи?

— Да, это моя работа.

— А я думала, ваша работа — помогать людям.

Итан постарался взять себя в руки.

— Итак, как тебя зовут?

— Джесси.

— А сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Нет, сколько тебе лет на самом деле?

— Четырнадцать.

— Послушай, Джесси, ты еще ребенок, поэтому я не могу консультировать тебя без родителей или опекуна, понимаешь?

— Вы знаете, что я не смогла бы вам заплатить.

— Дело не в деньгах.

— Конечно, в деньгах! Вы разговариваете со мной таким тоном, потому что думаете, что я бедная!

Итан вздохнул. А потом машинально полез в карман за сигаретами.

— А я думала, это запрещено. — Она кивнула на сигарету, которую он поднес к губам.

— А разве кто-нибудь курит? — спросил он, показывая, что она не зажжена.

— Если бы я была одной из этих богатеньких девчонок и пришла бы с родителями, вы бы по-другому себя вели, ведь правда же?

— Ага, правда, — ответил Итан, теряя терпение.

— Такова жизнь, да?

— Да, такова жизнь, и иногда она бывает несправедливой и отвратительной. Тебя устроит такой ответ?

— А по телевизору вы казались симпатичным, — с досадой протянула она.

Итан посмотрел на часы. Он думал о типе, который ждет его в кабинете, о девушке на яхте, о череде странных событий, совершенно выбивших его из колеи, о презрении, только что мелькнувшем в глазах Лиззи, и о разочаровании, которое, насколько он понимал, испытывает сейчас эта девочка.

— Ты зачем сюда пришла?

— Хотела... чтобы вы мне помогли.

— Послушай, моя секретарша даст тебе адрес коллеги, специалиста по психологии подростков. Скажи, что ты от меня.

— Но я пришла к вам!

— А я тебе помочь не могу.

— А вот в газете писали, что вы...

— Не стоит верить всему, что пишут в газетах, — перебил он.

Она откинула с лица спутанные волосы, и Итан на миг поймал ее взгляд — потерянный взгляд, который, безусловно, тронул бы его раньше, в те времена, когда у него еще было сердце. Он немного подумал, а потом сказал:

— Ладно, ты сейчас возьмешь свои вещи и пойдешь домой.

— А вы знаете, где я живу?

— Нет, и знать не хочу.

Она покорно опустила голову и взяла рюкзак, лежавший рядом на диване. Оттуда выпала салфетка с ярким логотипом кафе на Фронт-стрит.

Потом направилась к двери, по дороге сильно его толкнув.

Рассердившись, он резко схватил ее за руку.

— Да что с тобой такое?

Некоторое время они пристально смотрели друг на друга, пытаясь угадать, что же на самом деле скрывается у каждого в душе. Джесси увидела поселившуюся в нем бесконечную усталость. А он был поражен невыразимым страхом в глазах девочки.

— Так что с тобой такое? — повторил он.

Она отвернулась.

— Я бы хотела... я бы хотела перестать бояться.

— А что тебя пугает?

— Все.

Впервые за долгое время Итан почувствовал, что испытывает какое-то хорошее человеческое чувство.

— Подожди меня здесь, — попросил он. — Я приду минут через десять.

* * *

Вернувшись в кабинет, Итан обнаружил, что оператор уже с ума сходит от нетерпения. Он извинился за задержку и, чтобы побыстрее закончить, стал послушно выполнять все указания телевизионщика. Не без помощи Лиззи все было готово меньше чем через полчаса. Пока оператор складывал оборудование, Итан мельком просмотрел почту, лежавшую на столе. Один конверт из плотной бумаги, перевязанный ленточкой, привлек его внимание: приглашение на свадьбу.

С того момента как он сегодня утром открыл глаза, он не сомневался, что ему предстоит тяжелый день. Прочитав женское имя, указанное на приглашении, он понял, что день будет просто чудовищным.

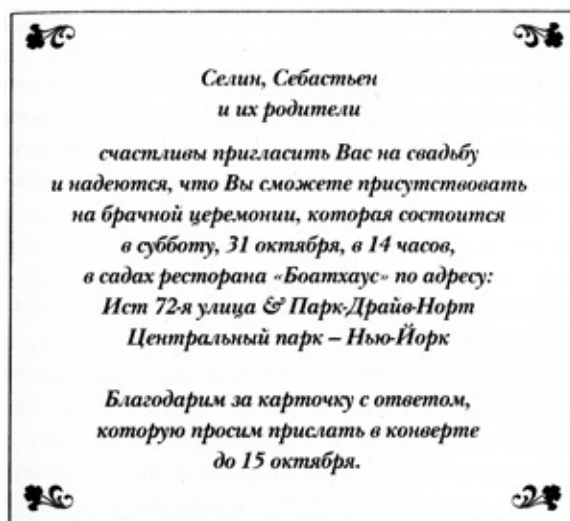
СЛУЧИТЬСЯ МОЖЕТ ВСЕ

Все, что я любил когда-то, неважно, удалось мне это сохранить или нет, я буду любить всегда.

Андре Бретон. «Безумная любовь»

Итан сидел неподвижно, зажав письмо в руке, парализованный тем, что только что прочел.

Селин...

Селин сегодня выходит замуж и хочет, чтобы он об этом знал. Он поискал на конверте адрес, но ни штампа, ни указания отправителя не было. Без сомнения, кто-то должен был доставить письмо сегодня утром, но с какой целью? Просто сообщить новость или поиздеваться?

В ушах его прозвучал голос бывшей возлюбленной, которая шептала: «Видишь, ничтожество, я могу жить и без тебя, я счастлива без тебя, я люблю другого...»

Он закрыл глаза и отчетливо представил себе ее лицо — нежные черты, светящийся взгляд, пряди непослушных волос, изящно выбившихся из прически. Он почувствовал запах ее кожи, услышал ее заразительный смех и то, как меняется ее голос, когда она произносит его имя.

И почувствовал, что сломлен.

Он пытался бороться, отгоняя воспоминания, — он же с таким успехом справлялся с этим долгие годы. *Это все старая история. Тем*

лучше, что Селин наконец счастлива. Не забывай, ты сам ее бросил. Для ее же блага. Но прежние механизмы защиты сегодня не работали. Вместо того чтобы обрести видимость спокойствия, он вынужден был признаться себе, что чуть не плачет.

Где бы он был сейчас, если бы не бросил Селин?

Кем бы он стал?

Он отвернулся, чтобы избежать любопытных глаз оператора, и подошел к окну, оставшись один на один с городом и ослепительным небом над ним. Глаза его были полны слез, он оперся руками о стену и прислонился лицом к стеклу. И словно в зеркале, увидел свое отражение. Сколько уже он не смотрел на себя в зеркало *по-настоящему*?

Перед ним был одинокий, слабый человек, раздираемый противоречиями. Человек, стоявший на краю пропасти, убитый горем и стыдом. Человек, постоянно борющийся с самим собой. Это была беспощадная борьба против личного врага: любезного терапевта — такого «идеального зятя», вполне подходившего самому себе, — которого он создал по кусочкам, безупречное совершенство, принесшее ему богатство и славу и, в конце концов, разрушившее его, полностью подчинив себе его жизнь.

Он закрыл глаза и почувствовал, как слезы текут по щекам. Это было странно, потому что в последнее время он плакал, только напившись. Возможно, никогда еще он не чувствовал себя таким уязвимым, словно внутри прорвалась плотина, выпуская все чувства на свободу. Никто не может жить, постоянно контролируя себя и не поддаваясь никаким эмоциям.

Он все время ощущал за спиной присутствие оператора, и это мешало полностью отдаться своему горю. Почему этот тип все никак не выйдет из комнаты?

Ну хватит уже, пожалуйста! Вали отсюда!

Итан готов был уже повернуться и крикнуть, чтобы тот убирался, но боялся, что голос сорвется.

Единственное, чего ему сейчас хотелось, так это остаться одному, совершенно одному. Задернуть занавески и напиться до полусмерти. Погрузиться в мир иллюзий, промыть мозг водкой, этим временным пропуском в призрачные дали, в легкую счастливую жизнь, где Селин все еще любит его, в искусственный рай, где люди не спят в коробках, где на улицах не взрывают машины, где ледники не тают со скоростью света и где слово «рак» — просто название одного из знаков Зодиака.

Всего несколько миллиметров сейчас отделяло его лицо от стеклянной

стены, последней защиты от пустоты. Он посмотрел вниз. Картина была захватывающая, перед ним открывался вид на Ист-ривер и Саут-стрит-сипорт, морской порт Манхэттена. Огромные яхты, пришвартованные вдоль пирса, были отчетливо видны на фоне стальных столбов и готических колонн Бруклинского моста.

Сто двадцать метров вниз: на улицах, в ресторанах, парках и магазинах жизнь текла своим чередом, но Итан уже не чувствовал, что принадлежит ей. В этот миг его охватило желание броситься в пустоту, прекратить боль любой ценой. Он закрыл глаза и представил себе, как вставляет пули в обойму пистолета. Потом почувствовал, как тяжелое холодное дуло касается виска. Палец на спусковом крючке, еще немного...

Ужасный взрыв, похожий на выстрел, прогремел совсем рядом, а вслед за ним раздался душераздирающий крик.

* * *

Резкий звук взрыва сразу же заставил Итана прекратить жалеть себя.

Лиззи?

Все остальное происходило в пелене растерянности и ярости, криков и крови.

Итан бросился к кабинету. В коридоре никого не было. Из-за двери в приемную послышался новый вопль... Он метнулся туда и обнаружил секретаршу, склонившуюся над Джесси. Все было забрызгано кровью. Но Итан не мог понять, что произошло: фигура Лиззи заслоняла собой девочку, и он спрашивал себя, кто же из них ранен. Он сделал шаг вперед, потом второй, и перед ним открылась ужасная картина. Почти половина головы Джесси была снесена выстрелом. Ее детское лицо было деформировано кровавой раной, из которой вываливались куски мозга.

Это невозможно.

Двигаясь, словно робот, Итан тоже встал на колени около девочки. В ее правой руке был пистолет.

Джесси покончила с собой.

Этого не может быть. Девчонки четырнадцати лет не пускают себе пулю в голову даже в наше безумное время.

Итан повернулся к Лиззи. Она звонила в «Скорую», прекрасно зная, что это бесполезно: не нужно быть врачом, чтобы понять — девочка мертва. Итан беспомощно склонился к Джесси и погладил ее по щеке.

В ее мертвых глазах до сих можно было увидеть панический ужас,

который до этого так поразил Итана.

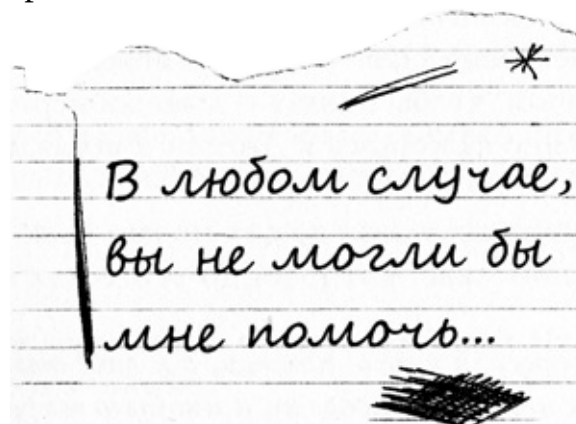
Ты попросила у меня помощи, а я тебе отказал. Ты показала мне, как страдаешь, а мне было все равно...

Отражение в оконном стекле заставило его обернуться: в нескольких метрах позади них стоял оператор, снова включивший камеру.

Этот мерзавец снимал все на пленку!

Охваченный бешенством, Итан вскочил и замахнулся на папарацци. Тот увернулся от удара и бросился к выходу, сгорая от счастья, что первым снял скандальный сюжет. Итан бежал за ним до пожарной лестницы, но, несмотря на тяжелую камеру, оператору удалось намного опередить преследователя. Итан быстро сдался. Он чувствовал, что сил бежать дальше у него нет. Вместо этого он вернулся в кабинет и снова опустился на колени подле Джесси. Какая-то загадочная сила заставила его взять девочку за руку, словно он не хотел оставлять ее одну во время перехода в иной мир, в существование которого, он, по правде говоря, не особенно верил.

Взяв в руку ее влажную ладонь, он обнаружил зажатую в ней скомканную бумажку, предсмертную записку, которую она оставила для него, прежде чем умереть:

*Судьба — это то, что случается с нами тогда,
когда мы этого не ждем.*

Марсель Пруст

Манхэттен

Суббота, 31 октября

13 ч 08 мин

Итан в сопровождении адвоката вышел из полицейского участка 66-го квартала после тяжелого двухчасового допроса. Когда он спускался по лестнице, его ослепила яркая вспышка. Он заслонил рукой глаза и увидел объектив фотоаппарата — фотограф прятался за мраморной колонной. Чтобы его защитить, адвокат сделала решительный жест, показывая, что нужно вернуться в центральное здание.

— Вы читали «Костры амбиций»? [\[10\]](#) — поинтересовалась она, указывая на боковой выход.

— А что?

— Там описано все, что может с вами произойти, — сдержанно предупредила она. — Пресса, которая души в вас не чаяла, пока вы были на коне, будет первой аплодировать вашему провалу...

— Но я же ничего не сделал! — возразил он.

— Вы оказались не в том месте и не в то время, а порой этого достаточно, чтобы все рухнуло.

— Мне казалось, вы здесь, чтобы меня защищать!

— Мужество человека измеряется его способностью глядеть правде в глаза: ведь именно это вы пишете в своих книгах?

Итан открыл было рот, чтобы возразить, но не нашел убедительных доводов.

Они подошли к служебной лестнице, выходившей на узенький внутренний двор, зажатый между вереницами полицейских машин и строительными лесами.

Она предложила подвезти, но Итан предпочел пройти пешком. Контора находилась всего в нескольких улицах от этого места, он быстро

дошел до дома № 120 по Уолл-стрит и обнаружил, что полиция опечатала его офис. Раздосадованный, Итан отправился в подземный паркинг и сел в машину. Долго сидел, бездумно вглядываясь в зеленоватый сумрак стоянки. Почему он чувствует себя преступником? Почему *детектив*, который его допрашивал, сделал все, чтобы заставить его себя так чувствовать? Официально Итан отнюдь не считался подозреваемым, но, учитывая возраст жертвы и чудовищное отчаяние того, что она совершила, происшествие наделает шуму, и общественность будет искать козла отпущения.

Как быстро все перевернулось с ног на голову.

Он закрыл глаза и стал массировать пальцами веки. Утренние события, горестные и жестокие, мелькали перед ним, словно кадры из фильма: выстрел, последующее безумие, полиция, конфискация из приемной камер слежения, и самое ужасное — белые носилки, на которых унесли тело девочки, совсем ребенка.

Эта девочка, Джесси... Копы не обнаружили у нее в рюкзаке ни одного документа, подтверждающего личность. Так что о ней ничего не было известно наверняка, даже имя.

А он не проявил к ней абсолютно никакого интереса и нисколько не посочувствовал. Не задал ей ни одного вопроса о том, что ее тревожит и пугает. А она между тем пришла именно к нему, *к нему и ни к кому другому*. Вырезала из газет посвященные ему статьи, смотрела передачи с его участием. И вот к чему это все привело. Она искала союзника, просила о помощи, а он оставил ее с отчаянием один на один.

Конечно же, теперь он готов был отдать все на свете, чтобы вернуть время на три часа назад. Так всегда бывает после трагедии: *если бы я знал, если бы я мог все вернуть, если бы у меня был второй шанс, которого никогда не бывает...* Но, увы, назад вернуться нельзя.

Вспышка фотоаппарата папарацци вывела его из задумчивости.

Итан открыл глаза, и вспышка осветила того же фотографа, который преследовал его раньше: он безостановочно снимал салон машины. Каждая вспышка парализовывала его, словно это была не вспышка, а электрический разряд. Пытаясь спастись, он повернул ключ зажигания, и «Мазерати» резко рванулась с места, вынуждая папарацци отпрянуть назад. Итан поехал зигзагом между столбов, преследуя фотографа еще метров пятьдесят, а потом выехал с парковки.

Итан без определенной цели поехал по Фултон-стрит и добрался до Бродвея. Перед его глазами вновь всплыло лицо Джесси.

Немыслимо, что он сразу обо всем не догадался. Сейчас он ясно вспомнил то, что должно было его насторожить: шрамы на руке, призрачную бледность, придававшую девочке сходство с увядшим цветком, циничную откровенность, совершенно не подходившую ей по возрасту. Но теперь уже поздно.

Самоубийство в подростковом возрасте — это не свободный выбор. Какая роковая сила могла толкнуть девочку четырнадцати лет разmozжить себе голову прекрасным осенним утром? Какое горе? Какое унижение? Какая ярость? Какая обида? Что за страх сломил ее?

Все эти вопросы ты должен был задать ей, когда она стояла перед тобой... Должен был поговорить с ней, вызвать на откровенность. Ты обязан был сделать именно это, но вместо этого ты по уши погряз в собственных проблемах.

Он свернул с Бродвея и поехал по району Маленькая Италия, а потом двинулся к Нолита и Ист-Вилледж. Он ехал бездумно, без определенной цели. Ему хотелось сбежать, только и всего.

С другой стороны, он понимал, что должен принять на себя ответственность за все последствия своих действий.

Конечно, это не ты нажал на курок, но вину за это тебе придется нести до конца жизни.

В телепередачах и на конференциях он часто рассуждал о самоубийстве, бросаясь направо и налево цифрами, которые знал наизусть: «Около 3000 человек по всему миру каждый день совершают самоубийство, таким образом каждые 30 секунд кто-то сводит счеты с жизнью».

Жертва самоубийства каждые тридцать секунд? Ну-ка, давай, посчитай, чтобы представить себе яснее:

1... 2... 3... 4... 5... 6... 7... 8... 9... 10... 11... 12... 13... 14... 15...
16... 17... 18... 19... 20... 21... 22... 23... 24... 25... 26... 27... 28... 29...
30...

СМЕРТЬ.

1... 2... 3... 4... 5... 6... 7... 8... 9... 10... 11... 12... 13... 14... 15...
16... 17... 18... 19... 20... 21... 22... 23... 24... 25... 26... 27... 28... 29...
30...

Две смерти.

1... 2... 3... 4... 5... 6... 7... 8... 9... 10... 11... 12... 13... 14... 15...
16... 17... 18... 19... 20... 21... 22... 23... 24... 25... 26... 27... 28... 29...

30...

Три смерти.

1... 2... 3... 4... 5... 6... 7... 8... 9...

Быстро, да?

Но ты сразу же растерял все свои знания, умник, когда эта девчонка умирала у тебя на руках, размозжив себе голову. Смерть, которая происходит у тебя на глазах, это не цифры в книжках, не так ли?

* * *

«Мазерати» выдохлась на пересечении Бауэри и Стювесант-стрит. Словно песенка со старой пластинки, ритмичная мелодия мотора постепенно стихла. Машина медленно проехала еще несколько метров и остановилась.

Только этого не хватало.

Итан хлопнул дверью машины и встал на тротуар. Осмотрелся. Он стоял в начале Сент-Маркс-плейс, в самом сердце Ист-Вилледж. Это был странный район, один из последних кварталов Манхэттена, который избежал «чисток» в последние десять лет.

Вздыхнув, он открыл капот. Машина-то совсем новенькая, он заплатил за нее 140 тысяч долларов...

Он склонился над мотором, с сомнением покачав головой.

Ладно, бессмысленно делать вид, что ты разбираешься в моторах...

Он порылся в портфеле, нашел страховую карту, набрал номер и попросил прислать эвакуатор.

— У нас нет машин экстренного вызова, можем прислать помощь только через два часа, — извиняющимся тоном сказала оператор.

— Два часа! — чуть не поперхнулся Итан.

— Забастовка такси повлияла на дорожное движение, — объяснила она, — много аварий.

На том разговор и закончился. В крайнем раздражении он захлопнул капот и закурил: обычно это помогало успокоиться.

Улица была подозрительно пустынна, дул южный ветер, поднимавший столбы пыли, крутивший вдоль тротуаров опавшие листья и газеты, выпавшие из мусорных бачков. Надо признать, не самый чистый уголок Манхэттена. Ист-Вилледж был запущенным, пользующимся дурной славой районом, где обосновались наркодилеры, проститутки, люди, имевшие проблемы с полицией, и вообще маргиналы всех мастей. Но это также было

и место, где творили битники, играл джаз, расцветала контркультура, рок и панк. Здесь сразу вспоминались легендарные имена: Телониус Монк, Энди Уорхол и Жан-Мишель Баския; Патти Смит, «Полис» и «Клэш» выступали в клубе CBGB, ^[11] который находился чуть дальше по улице. Конечно, со временем район изменился, стал гораздо оживленнее, но сохранял репутацию места, где царят андерграунд и независимая культура.

Итан сделал несколько шагов по Сент-Маркс-плейс. Он уже бывал здесь пару раз и помнил эту оживленную улицу с барами, секонд-хендами, лавочками, где продавались старые диски, и салонами татуажа и пирсинга. Но в эту субботу Сент-Маркс-плейс, казалось, оцепенела и была похожа на улицу какого-то города-призрака.

Резкий визг тормозов заставил его обернуться. Мчавшееся сзади на всей скорости такси, чуть не сбив его, дернулось и затормозило всего в нескольких метрах.

Странно...

Это был не традиционный «Форд Краун Виктория», который обычно ждет пассажиров на углу улицы, а давно вышедшая в тираж модель — «Чекер» с округлыми формами, который можно увидеть только в старых фильмах. За рулем такого сидел Де Ниро в «Таксисте».

Итан нахмурился.

Наверняка, коллекционная машина...

На крыше машины горели три световых знака, что означало — такси свободно. И что еще удивительнее, аварийная лампа, которую обычно используют, чтобы предупредить полицию об опасности, тоже была включена.

Охваченный любопытством, Итан подошел к автомобилю поближе. Когда он наклонился к окну, стекло опустилось, и он увидел огромное лицо.

— Куда-нибудь подбросить?

Шофер был чернокожим, могучего телосложения, лицо выбрито, кожа лоснилась. Правый глаз был незрячим, и закрывавшее его веко придавало таксисту меланхолический вид.

Итан попятился, удивленный неожиданным предложением.

— А вы работаете?

— Можно и так сказать.

Терапевт заколебался. Предложение казалось заманчивым: он ни в коем случае не собирался два часа дожидаться аварийки, а, по счастью, «Мазерати» стоял в таком месте, что совершенно не мешал движению. В

конце концов, он открыл дверь *желтой машины* и устроился на заднем сиденье.

Таксист тронулся с места, даже не спросив, куда ехать.

* * *

Как только Итан понял, что в такси нет счетчика, он спросил себя, в какую передрыгу опять ввязался. Как и любой житель Нью-Йорка, он слышал о том, как в нелегальных такси грабят туристов, но сомневался, что это тот самый случай: несмотря на телосложение как у регбиста, этот *таксист* почему-то казался странно кротким.

— Тяжелый день? — спросил он, поглядев на Итана в зеркало заднего вида.

— Уф... да, хуже некуда, — признался Итан, растерявшись. И внимательнее взгляделся в шофера. Как у Роберта Митчема в фильме «Ночь охотника», на каждой руке у него были татуировки, на пальцах синели буквы LOVE и FATE, ^[12] видимо, судьба у него была непростая. На лицензии таксиста, прикрепленной к спинке сиденья, можно было прочесть его имя — Кертис Нэвилл — и то, откуда он родом, — из Бруклина.

— Вы в этом вообще не виноваты, — вдруг произнес он ободряющим тоном.

— В чем?

— В самоубийстве девочки.

Итан вздрогнул.

— Вы о чем?

— Вы сами прекрасно знаете.

— Вы... вы видели меня по телевизору, да? — спросил терапевт, вспомнив убегающего оператора. — Уже успели показать!

Кертис уклонился от прямого ответа.

— Нельзя противостоять естественному ходу событий, — пробормотал он. — Нельзя ничего сделать со смертью и предотвратить ее.

Итан вздохнул, даже не пытаясь возражать. И глянул на зеркало заднего вида — свисавшие с него четки из серебра и перламутра тяжело покачивались в такт движению машины.

— Делать вид, что борешься с судьбой, — это просто иллюзия, — продолжал чернокожий.

Итан покачал головой и опустил стекло, чтобы глотнуть немного воздуха. Не первый раз ему приходилось выслушивать излияния

просветленного. Главное — просто не дать втянуть себя в эту игру.

— Мне кажется, что судьба этой девочки была умереть, — опять заговорил шофер. — Я думаю, вы все равно не могли бы ее спасти, даже если бы и уделили ей больше внимания.

— То есть мы ни за что не отвечаем, так, что ли? — не удержался Итан, таким наивным показалось ему это рассуждение.

На этот раз Кертис немного подумал, прежде чем уверенно ответить:

— Я думаю, существует определенный *порядок вещей*. И этот порядок нельзя ни нарушить, ни отменить.

— Вы действительно верите, что все предначертано заранее? — не скрывая презрения, спросил Итан.

— Абсолютно. Время похоже на страницы в книге: вы читаете 51-ю, но 52-я и 53-я уже написаны.

— А как насчет случайностей?

Кертис покачал головой.

— А я считаю, случайностей не бывает. Или, вернее, случайность — это... это Бог. Да-да, именно *случай — это Бог, который действует инкогнито...*

— А свобода воли?

— То, что вы называете свободой воли, — всего лишь притворство, иллюзия, в которую мы хотим верить, притворяясь, что решаем что-то в том, что от нас совершенно не зависит. Вам это никогда не приходило в голову? Есть те, кому жизнь всегда улыбается, и те, на кого постоянно сыплются удары судьбы.

Итан знал эту речь наизусть. Некоторые из его пациентов — в особенности те, кто был не способен признать своей вины в каком-нибудь трагическом происшествии, — рассуждали примерно так. Но какая тайная вина угнетает Кертиса Нэвилла?

Итан внимательно огляделся. Салон был полон всяких странных безделушек — статуэтка Девы Марии, фигурка ангела-хранителя, засушенные цветы, прикрепленные к сиденьям, карты «Марсельского таро», ^[13] там и сям затейливо прикрепленные скотчем и, казалось, связывающие между собой многочисленные детские рисунки, которые даже слегка закрывали окна. Все это напоминало убранство... мавзолея. В голове Итана все разом встало на свои места.

— Это ваш сын? — спросил он, указывая на снимок маленького мальчика в серебряной рамке, укрепленной на приборной доске.

— Да, это Джонни.

— Сколько ему лет?

— Шесть.

Итан не сразу задал следующий вопрос. А если он ошибается? А если...

— Он погиб, не правда ли?

Слова сами сорвались с языка.

— Да, — едва слышно признался шофер. — Два года назад во время летних каникул.

— И как это произошло?

Кертис ответил не сразу, в салоне воцарилась тишина, а он пристально смотрел на дорогу, словно не слышал вопроса. Потом неожиданно стал рассказывать о своей трагедии, с трудом, словно через силу, вытаскивая на свет обрывки горьких, глубоко похороненных в сердце воспоминаний.

— Был прекрасный день, — начал он, полузакрыв глаза. — Я делал в саду барбекю... Джонни плескался рядом в надувном бассейне, а его мать сидела на веранде и напевала песенку... На лужайке Зефир, наша собака, ирландская борзая, забавлялась со старым «Фрисби»... Она жила у нас уже три года... Это был большой пес, очень сильный, но добрый и преданный... Мы его выдрессировали как надо: несмотря на рост, он был совершенно безопасен, очень спокоен и даже лаял редко.

Итан сидел молча, внимательно слушая рассказ Кертиса, и следил за малейшим изменением его голоса.

— ...и вдруг без всякой причины... собака резко бросилась на Джонни, стала кусать его за грудь и за шею, потом схватила зубами за голову... — Кертис опять надолго замолчал, шмыгая носом и протирая невидящий глаз, а потом заговорил снова: — Я бросился оттаскивать его от сына голыми руками, но сразу понял, что уже слишком поздно: пес разорвал его на куски, как какой-то кусок говядины. Джонни умер, держа меня за руку, в вертолете по пути в больницу.

* * *

Тишина.

Казалось, облака перепрыгивают с одного здания на другое, отражаясь в зеркальных стеклах.

* * *

— После смерти сына я пережил такое горе, что и словами не выразишь, никак мог справиться, и жена меня бросила — так и не смогла простить мне того, что случилось с Джонни, — и я не раз думал о том, чтобы тоже умереть, пока не понял.

— Пока вы не поняли чего?

— То, что я был не виноват.

Автомобиль продолжал ехать, они миновали Медисон-сквер, Гранд-Сентрал и направлялись к Мидтауну.

— Никто не виноват, — продолжал Кертис. — Как ни ужасно это звучит, но я думаю, что час нашей смерти уже где-то отмечен, и мы не в силах ничего изменить.

Итан слушал таксиста со смешанным чувством жалости и скепсиса. Безусловно, Кертис создал систему верований, которая позволила ему выстроить защиту. Вся эта галиматья насчет предначертанного хода событий давала ему силы жить дальше, отстранившись от чувства вины и горя, связанных со смертью сына.

— Есть вещи, которые мы не можем предотвратить, — продолжал Кертис. — То, что должно произойти, произойдет, несмотря на все наши усилия не дать этому случиться.

— По вашей логике получается, что никто ни за что не несет ответственности: ни за агрессию, ни за изнасилование, ни за убийства...

Кертис раздумывал над его словами, проезжая отель «Плаза» и направляясь к Центральному парку.

— Можете вы объяснить мне одну вещь? — наконец спросил он.

— Все, что хотите.

— Почему вы не сказали, куда ехать, когда сели ко мне?

— Я и сам не знал, — признался Итан. — Мне, наверное, было все равно, куда ехать.

Они миновали музей «Фрик Коллекшн»,^[14] машина въехала в Центральный парк, а потом стала медленно подниматься по Ист-драйв.

— Я же мог вас ограбить, — заключил Кертис, ухмыльнувшись, — тем более вы еще спорите...

Итан покачал головой.

— Нет, у вас ясная голова, — шутливым тоном ответил он, — и вы внушаете доверие.

В этот момент оба почувствовали странное единение, словно были сообщниками.

Итан посмотрел в окно: была середина осени, и Центральный парк переливался огненными красками. Вдоль Парк-драйв-Норт дети расставили

в ряд тыквы разных размеров, скоро Хэллоуин... За деревьями угадывались обрывистые берега озера...

Итан вдруг скривился: Центральный парк, озеро... Это случайность или нет?

Ответ на этот вопрос он получил несколько секунд спустя, когда такси остановилось на пересечении Ист 72-й улицы и Парк-драйв-Норт. Прямо напротив «Боатхауса», ресторана, где Селин устраивала прием по случаю свадьбы!

Перепуганный Итан наклонился к Кертису.

— А на самом-то деле вы кто?

— Обыкновенный водитель такси, который пытается вам помочь.

— Почему вы привезли меня именно сюда? — с угрозой в голосе спросил терапевт. — Как вы узнали, что...

Кертис вышел из такси первым и открыл пассажиру дверь. Вzbешенный тем, что оказался жертвой манипуляции, Итан выскочил из машины и встал рядом с громадным чернокожим, который оказался на голову выше. Теперь он уже не выглядел таким симпатичным.

Не меняя благодушного выражения лица, Кертис снова занял место водителя и завел мотор.

— Почему вы привезли меня именно сюда? — повторил Итан, постучав в окно машины.

Кертис опустил стекло и, прежде чем уехать, ответил, словно это было нечто, само собой разумеющееся:

— Потому что это ваша судьба.

Влюбившись, мы видим в возлюбленных то, чего в них никто никогда не видел.

Эрри де Лука

Центральный парк, «Боатхаус»

Суббота, 31 октября

13 ч 32 мин

Итан показал на входе приглашение, и его провели в «гостиную с видом на озеро», огромную центральную залу с паркетом, натертым до такого блеска, что он напоминал каток. Группки гостей беседовали у столов, накрытых шелковыми скатертями и украшенных орхидеями цвета слоновой кости. Специально для этого вечера знаменитый ресторан был оформлен в сине-бело-красной гамме. Везде слышалась французская речь, большинство приглашенных только что прибыли на церемонию из аэропорта Руасси имени Шарля де Голля.

Итан оглядел зал, никого не узнавая. Их роман с Селин продолжался больше года, но он так и не познакомился ни с ее семьей, ни с друзьями. Тогда им хватало друг друга, и время, проведенное с кем-то еще, считалось потерянным.

Он прошел на террасу, где был расположен бар, и заказал «Мартини кей лайм».^[15] От ванильной водки по телу сразу же растеклось уютное тепло, и он почувствовал некоторое облегчение впервые с тех пор, как проснулся. Но это чувство длилось недолго. Пытаясь его удержать, он заказал еще одну порцию, потом вторую, третью, пятую, а потом просто попросил бутылку... Он чувствовал себя не в своей тарелке и вдруг понял, что ему даже не на чем вернуться домой. Он вытащил из кармана телефон, набрал номер такси класса люкс, которым пользовался и раньше. Дал адрес ресторана, и ему пообещали машину не позже, чем через три четверти часа.

Он отошел от бара, чтобы больше не поддаваться искушению. Терраса была огромна, она нависала над озером, и с нее открывался потрясающий вид на залитую солнцем водную гладь. Именно на фоне этой прелестной картины Селин и ее будущий муж приветствовали гостей перед началом

церемонии. Итан издали наблюдал эту сцену: в воздушном подвенечном платье из белых кружев Селин была похожа на ангела. Длинные волосы, собранные в узел, открывали красивый затылок. Прическа делала ее похожей на балерину. За пять лет она почти не изменилась, но Итан заметил в ней какую-то серьезность, которой не было раньше. Она была почти неуловима: улыбка стала чуть сдержанней, взгляд не такой открытый, а от непосредственной манеры держаться осталась только внешняя приветливость.

Несмотря на то, что курить было запрещено, он зажег сигарету и, словно под гипнозом, продолжал молча ее рассматривать. Его охватило незнакомое чувство, одновременно горькое и приносящее облегчение. Ему стало жарко, а потом забил озноб, и у него появилось ощущение, что его тело превратилось в какую-то дрожащую оболочку. Сердце его обливалось кровью, по венам разливался сладкий жгучий яд, от которого бросало в жар.

В какой-то момент Селин повернула голову в его сторону, их взгляды встретились, они словно поддерживали друг друга. Итан тщетно пытался понять, какое чувство светилось в глазах бывшей возлюбленной: сожаление? остатки чувства? ненависть? желание отомстить? Несмотря на то, что его не покидало ощущение, что он находится на вражеской территории, Итан подошел к небольшой группе гостей, облокотился о перила и притворился поглощенным созерцанием проплывающих по зеркальной глади лодок и венецианских гондол.

— Значит, все-таки пришел, — негромко сказала Селин, подойдя к нему через несколько минут.

— Но ты же сама прислала мне приглашение, если не ошибаюсь! — а потом прибавил: — Очень рад снова тебя видеть. Сколько времени прошло!

Селин покачала головой.

— Нет, это было вчера. Для меня все это было вчера.

Она увлекла его в сторону — ближе к полыхавшим осенними красками кустам, затенявшим уголок террасы. Некоторое время они молчали, наблюдая за любителями гребли, которые скользили по озеру на байдарках под звуки любительского оркестра, игравшего джаз на противоположном берегу у фонтана «Бетеза».

Она нарушила молчание первой:

— Приятно снова побывать в Нью-Йорке. Всегда мечтала о свадьбе на Манхэттене. Ты помнишь последний раз, когда мы здесь были?

Я помню каждую секунду, проведенную с тобой.

— Не очень.

— Озеро замерзло и было все в снегу. Да, ты прав — это было очень давно.

— Ты живешь во Франции?

— Да, в Энгиен-ле-Бен, курортном городке с минеральными водами неподалеку от Парижа, Себастьян открыл там ресторан. Скоро получит Мишленовскую звезду.

Итан прищурился и обернулся, чтобы посмотреть на мужчину в черном рединготе и белой жилетке, который болтал с приятелями, искоса поглядывая на невесту. Ослепительная улыбка, обаятельная физиономия, телосложение а-ля «Бог стадиона».^[16] Тип современного мужчины, успешного во всех областях, — глава преуспевающего предприятия, спортсмен, заботливый отец, в постели хорош...

— Ты все еще работаешь в Эр Франс?

— Нет. Надоело. Пять лет назад я уволилась и получила диплом школьного учителя. Преподаю в Бельвиле в классе для детей-инвалидов. Эта работа дает мне очень много.

Селин замолчала. Поднялся ветер. Она поежилась и поплотнее закуталась в накидку с жемчужно-серыми блестками, прикрывавшую декольте. Ее платье от Карвен на бретельках из тонких кружев позволяло разглядеть татуировку в виде арабески у нее на плече. Этот символ был важен для них обоих когда-то, но теперь выглядел смешно.

— Я прекрасно знаю, о чем ты думаешь, Итан: толстенские чиновники, домик в пригороде, славенький муж... Ты говоришь себе, что я стала такой, какой никогда не хотела становиться.

Удивленный ее словами, он попытался ответить по-дружески:

— Нет, ты ошибаешься. Ты выбрала то, что тебе подходит, и я за тебя счастлив.

— Не говори ерунды: я выбрала то, что ты сам всю жизнь презирал, — семью, стабильный брак, жизнь середнячка!

Она заговорила громче, и часть гостей стала оглядываться на них, удивляясь, видимо, кто этот никому не известный тип, так разволновавший новобрачную за пятнадцать минут до венчания.

— Я главным образом думаю о том, что мне здесь совсем не место, — заметил Итан. — По правде говоря, я не очень понимаю, зачем ты меня пригласила.

— Хотела получить от тебя подарок.

— Подарок?

— Да, в качестве подарка ты наконец скажешь мне правду.

— Какую правду?

— Назовешь причину, почему ты меня бросил.

Он слегка попятился, почувствовав опасность.

— Мы уже все сказали друг другу тогда.

— Нет, не все: ты просто поставил меня перед фактом, разговор длился три минуты, потом я ушла, и больше мы не виделись.

Итан попытался уйти от разговора.

— В жизни необязательно находить ответы на все вопросы.

— Прекрати говорить языком своих книжек! Думаешь, ты где сейчас находишься? В романе Паоло Коэльо? Прибереги свои красивые фразы для телепередач!

Итан покачал головой.

— Послушай, это было давно, — медленно проговорил он. — Мы бы не были счастливы вместе. Ты хотела семью, детей, надежность... Я бы не смог тебе этого дать.

Селин отвернулась. Ее лучшая подруга Зоэ сделала ей знак поторопиться, показав на часы. Приехал священник, и гости стали занимать свои места на стульях, расставленных в саду.

— Я пойду, — сказал Итан, взяв ее руку в свою. — Желаю тебе счастья.

Несмотря на это, он остался стоять на месте, вглядываясь в даль. Вдали на фоне ярких красок осени, взрывающихся желтыми, пурпурными и оранжевыми всполохами, вырисовывались острые линии небоскребов.

И чем дольше Итан стоял так, тем острее чувствовал удивление в глазах гостей, недоумевающих по поводу его присутствия и поведения. Он с сожалением отпустил руку Селин и закурил новую сигарету.

— Ты так и не избавился от этой дурной привычки, — заметила она. — А я думала, что в Нью-Йорке уже никто не курит!

— Я буду последним, кто бросит, — сказал он, выпуская струю дыма.

— Что, считаешь себя молодцом...

— Стив МакКуин курил, Джеймс Дин курил, Джордж Харрисон курил, Кшиштоф Кислёвски, Альбер Камю, Наг Кинг Коул, Серж Гинсбур...

— Все они умерли, Итан, — мягко возразила она, вытаскивая сигарету у него изо рта и заливая огонек водой из стакана.

Поступок из прошлого, из забытых времен, когда она заботилась о нем. Тогда мысли о будущем имели смысл.

Но Селин не позволила этим чувствам взять верх.

— Сегодня утром я видела тебя по телевизору. Сейчас сложно тебя где-нибудь не увидеть. Ты же везде — на экране, в журналах...

Он пристально посмотрел ей в глаза. Поколебавшись, она решила

выложить последнюю карту:

— Мне кажется, у тебя не все хорошо, Итан. Мне кажется, ты несчастен, несмотря на успех.

Он нахмурился.

— Что заставляет тебя так думать?

— Ты помнишь, почему мы влюбились друг в друга? Помнишь, почему это чувство было таким сильным? Потому что я была способна видеть в тебе то, что другим недоступно. И то же самое было с тобой.

Он попытался уйти от разговора.

— Все это чепуха, шутики, которые придумывают, чтобы почувствовать себя, как в мелодраме.

— Ты прекрасно знаешь, что это правда.

— Послушай, не хочу тебя разочаровывать, но, вообще-то, у меня в жизни все отлично: я богат, известен, у меня завидная работа, яхта, дом в Хэмптоне...

— И что это доказывает?

Он наклонился к ней, растерянный, выбитый из колеи ее нападками, стремясь как-то защититься.

— Ну, раз уж ты так уверена, скажи, что в моей жизни не так.

— Все не так, Итан: твоя жизнь пуста и одинока. Ты один, у тебя нет ни друзей, ни семьи, нет никаких желаний. И что самое печальное, ты сам это прекрасно понимаешь, но ничем не можешь себе помочь.

Он поднял вверх палец и уже открыл было рот, чтобы возразить, но передумал, так же как передумал рассказывать ей о том, что несколько часов назад Джесси покончила с собой практически у него на глазах.

— Ты опоздаешь, — только и сказал он.

— Подумай о себе, Итан, — ответила она и отошла.

Прошла несколько метров и вдруг обернулась.

— Я слышала, что ты сказал сегодня в интервью — эту фразу о *точке невозврата*...

Он вопросительно посмотрел на нее. Некоторое время она молчала, а потом, после некоторого колебания, все же сказала, словно бросая вызов:

— Так вот, понимаешь ли, в нашей истории *точка невозврата* будет через десять минут.

Удача — это словно «Тур де Франс»: сначала ты очень долго ждешь, а потом все очень быстро заканчивается.

Диалог из фильма Жан-Пьера Жене

«Удивительная судьба Амели Пулен»

Центральный парк, «Боатхаус»

Суббота, 31 октября

14 ч 05 мин

В саду, окружавшем ресторан, вдоль прохода к небольшому подиуму были расставлены стулья из крашеного дерева. Под звуки песни «Солнце восходит»^[17] отец Селин вышел на аллею, чтобы повести свою дочь к алтарю, где уже стоял благодушный священник, который дал знак начинать церемонию.

— Дорогие братья и сестры!

Мы здесь собрались сегодня, чтобы с радостью и молитвой отпраздновать священный союз мужчины и женщины, которые поклялись любить друг друга, и...

Итану не удалось уйти из «Боатхауса». Он сидел на одном из барных стульев и искоса наблюдал за церемонией, ломая голову, что имела в виду Селин, произнося эти загадочные слова? И почему она выбрала «Солнце восходит», песню Джорджа Харрисона, для прохода к алтарю? Песню, которую он поставил ей когда-то, сказав, что для него солнце — это она. Единственный человек, который освещает его жизнь.

А что еще говорят, кроме ерунды, когда влюблены? — вздохнул он, заказывая еще одну водку в надежде, что алкоголь немного притупит его страдания.

— ...Дорогая Селин, дорогой Себастьян, сейчас вы сделаете самый важный в жизни выбор. Выбор, который приведет вас к Божьей благодати. Именно Ты, Господи, держишь в своих руках наши судьбы, Ты единственный Владыка прошлого, настоящего и будущего, и Ты подарил

Селин и Себастьяну любовь, которая связала их воедино...

Она предупредила: «в нашей истории точка невозврата будет через десять минут». Через десять минут я выйду замуж, через десять минут дверь закроется навсегда.

Последний призыв, последний шанс.

— ...В этот день, исполненный надежд, ваши отношения станут другими, вы должны будете давать друг другу силы и помогать друг другу. В этот исполненный надежд день, Селин и Себастьян, вы объявляете всем о своей любви, привязанности и уважении. Мы все, собравшиеся здесь, станем свидетелями вашего бракосочетания, поддерживая вас и желая счастья...

Итан слез с табурета и подошел к дверям в сад. Он чувствовал себя чудовищно одиноким, всеми покинутым. Голова кружилась. Опять началась эта назойливая мигрень, которая преследовала его с утра и еще усилилась после самоубийства Джесси, нескольких часов допроса в полицейском участке и двух коктейлей «Мартини» с водкой. Его мучил страх, бил озноб. Он плотно застегнул куртку и постарался идти, не шатаясь.

Стоявший перед женихом и невестой священник вновь начал говорить, на этот раз более торжественным тоном:

— ...Брак призван освятить союз мужчины и женщины. Его цель — это рождение и воспитание детей, взаимопомощь и поддержка в богатстве и бедности, в болезни и здравии...

Селин была права, сказав, что его жизнь пуста. Для кого он жил, заперевшись в своем одиночестве и саморазрушительном индивидуализме? Сострадание, любовь, нежность — эти чувства давно были ему незнакомы. Он внезапно понял, что у него не было ни одного друга с тех пор, как пятнадцать лет назад он вероломно бросил Джимми на улицах Нью-Йорка. Он совершенно одинок, это правда. Чтобы убежать от серых будней, которые приготовила для него жизнь, он бросил все и остался в полном одиночестве. Он всегда верил, что быть одному — значит быть сильным, а любить — значит растерять всю энергию. Теперь он понял, что все не так просто, но было уже поздно.

— ...Брак — это серьезное решение, которое исключает, легкомысленное отношение к жизни, капризы или безответственность. Это окончательный выбор, потому что люди не вправе разорвать узы, освященные Богом...

Вот она, точка невозврата — сейчас. Даже не через десять минут, а едва ли не через десять секунд. А что произойдет, если он прямо сейчас все

это прекратит, выйдет вперед и во всеуслышание признается Селин в любви? В кино именно так и происходит. В кино все бы решилось за три минуты, в кино Итан был бы положительным, уверенным, легким человеком. Но все это происходит не в кино, и он кто угодно, но только не герой. Он остановился, растерянный и охваченный сомнениями.

— ...Поэтому, если есть здесь кто-нибудь, кто знает серьезное препятствие, мешающее этому союзу, пусть говорит сейчас или никогда...

Пусть говорит сейчас или никогда... Фраза эхом отдалась в застывшем саду. Стоящая перед алтарем Селин слегка обернулась, словно искала его глазами. Мгновение, казалось, застыло в вечности, и вдруг Итан в одну секунду понял, что он сейчас прервет церемонию. Потому что их роман не окончен.

Потому что их любовь очевидна.

Потому что это он, потому что это она.

Но это — только слова. А что он в действительности может предложить Селин? Он снова вспомнил ее вопрос: «Почему ты меня бросил?» Он ответил уклончиво, но правда-то заключалась в том, что он и сам не знал. Долгое время после их разрыва он продолжал думать, что опасен для Селин. Останься он с ней, то вне всяких сомнений его любовь в конце концов превратилась бы в отраву, в бомбу, в острый нож. Вначале эта уверенность немного утешала. Именно тогда он с головой ушел в работу. Потом произошло знакомство с Лореттой Краун, и он стал знаменит. По мере того как он поднимался по социальной лестнице, а горестное чувство притуплялось, ему все легче удавалось убедить себя, что его страхи — всего лишь плод воображения. Легкий способ закрывать глаза на то, что он поступил как мерзавец. А правда была в том, что он бросил Селин так же, как до этого бросил Марису и Джимми. Просто потому, что не хотел ни от кого зависеть, хотел быть свободным от всех привязанностей и от ответственности. «Делать все, что хочу, когда хочу и как хочу». Правда и то, что какое-то время он наслаждался своей свободой. Но вместе с успехом и деньгами в его жизнь проникли цинизм и его двусмысленные удовольствия — алкоголь, женщины, наркотики, азартные игры. Это продолжалось до тех пор, пока он уже не смог выносить того человека, в которого превратился.

И теперь, когда его жизнь разваливалась на куски, он наконец-то решил быть честным с самим собой, Итан понял, что уже ни в чем не уверен. За секунду до того, как Селин произнесла решающее «да», его снова охватило острое ощущение, что он для нее опасен. Он снова пережил

то глубоко иррациональное чувство, которое отгонял все это время, отчетливое предчувствие угрозы. И он понял, что если и готов взять ответственность за что-либо в жизни, то вот она: защитить женщину, которую он любит, даже если это и значило отказаться от нее.

Итан взглянул на Селин в последний раз, словно хотел навсегда врезать в память ее черты, а потом отвел глаза.

История их любви закончилась.

Точка невозврата пройдена.

* * *

После небольшой паузы церемония возобновила свое плавное течение: последовали обещания и обмен кольцами. Гости, вооруженные камерами и фотоаппаратами, спешили обессмертить самые трогательные моменты: все это будет так славно смотреться в фильме из семейной хроники, его потом покажут детям и будут пересматривать, смахивая слезу, каждую годовщину.

— Селин, ты берешь в мужья Себастьяна. Обещаешь ли ты быть бла-бла-бла бла-бла-бла бла-бла бла-бла бла-бла?

— Да.

— Бла бла-бла бла-бла-бла бла-бла-бла бла-бла бла-бла бла-бла нести все эти годы в знак вашей любви и вашего желания оставаться верными друг другу.

Пока дети, участвующие в церемонии, радостно обходили гостей с корзинками для пожертвований, Итан заказал еще одну порцию спиртного и просмотрел сообщения и электронную почту, которые скопились в его «Блэкберри»: встревоженные послания от Лиззи и от агента, просьбы об интервью, явный знак того, что медиа уже начали травлю, и отказ клиентов от участия в семинарах. Это его не удивило. Кадры с самоубийством Джесси, должно быть, уже показали по всем каналам. Так всегда и бывает в эпоху расцвета массовых коммуникаций: один кадр может разрушить репутацию в мгновение ока. Несколько часов назад он был «психоаналитиком, который соблазняет Америку», а теперь превратился в убийцу четырнадцатилетней девочки.

Sic transit gloria mundi. Так проходит мирская слава.

В последнем сообщении говорилось, что заказанная машина уже ждет перед «Боатхаусом».

Он залпом осушил бокал и вышел из ресторана как раз в тот момент, когда Селин, под руку с мужем, шла между рядами гостей под дождем из

розовых лепестков.

不知彼，不知己，每战必殆

Доктор Шино Мицуки рассекал толпу, спешащую по Чэннел-стрит. Была самая середина дня, и жизнь в Чайна-тауне бурлила. [\[18\]](#)

Манхэттен — Китайский квартал

Суббота, 31 октября

14 ч 32 мин

Район напоминал жужжащий красочный пчелиный улей. В воздухе носились острые запахи, они одурманивали и вызывали тошноту — специи, кухонные отходы, камфора и сандал. Повсюду стояли пестрые лотки — дешевые украшения, шелковые ткани, лампы, ласточкины гнезда, сморщенные грибы и сушеные крабы, пиратские DVD, поддельные сумки «Луи Вуиттон» по десять долларов и прочие подделки всех видов... Здесь звучали кантонский и пекинский диалекты, бирманская, филиппинская и вьетнамская речь. Можно было подумать, что находишься одновременно в Гонгконге, Шанхае и Гуанчжоу...

Китайский квартал первоначально возник в районе Мотт-стрит, занимая около десятка зданий, и вокруг «Конфуциус-плаза», в двух шагах от Маленькой Италии. Это был густонаселенный район, вдоль узких улочек теснились маленькие разукрашенные домики с коваными лестницами. В середине девятнадцатого века, когда первые китайские моряки, к которым вскоре присоединились их соотечественники, приехавшие из Калифорнии на строительство железной дороги, начали заселять эту подозрительную часть Нижнего Ист-сайда, никто и представить себе не мог, что она станет самым масштабным китайским поселением в Западном полушарии. В последние годы в связи с экономической экспансией Срединной империи Чайна-таун даже поглотил Маленькую Италию, старинный итальянский квартал, который сжался до небольшого райончика на Малберри-стрит с ресторанами для туристов.

Шино Мицуки спокойно спустился к Коламбус-парк и решил завернуть в ресторанчик на Мотт-стрит, где был завсегдатаем. Он сел за

столик в глубине зала перед позолоченной статуей Будды. Официантка принесла зеленый чай, а потом подкатила тележку, на которой были расставлены разные виды *димсам*^[19] в бамбуковых коробочках. Шино Мицуки взял себе дымящиеся равиоли, маринованные куриные ножки и два рисовых шарика, обсыпанных кунжутом. И стал наслаждаться обедом под благостным, нездешним взглядом Шакьямуни.^[20]

Шино Мицуки заступал на дежурство только через час, но он всегда приезжал в больницу раньше. Это давало ему возможность прийти в себя и сосредоточиться, а это необходимо для работы хирурга. Сегодня он работал в отделении скорой помощи, и, как и каждый год, вечер Хэллоуина был богат на несчастные случаи, в больницу все время привозили раненых пьяных, попавших в переплет.

Шино заканчивал обед, не поднимая глаз. Время от времени он отваживался поднять голову и украдкой посмотреть, как, игриво улыбаясь, двигается по залу красивая официантка. И ей его внимание нравилось. Если бы он пригласил ее пойти вечером на выставку Мома, в кино или на караоке, он был почти уверен, что она согласится. Но Шино Мицуки давно отказался от личной жизни. Он выбрал спокойствие, жизнь в мире с самим собой, лишенную страданий и страсти. Поскольку мы почти никогда не пожинаем того, что посеяли, он решил посвятить свою жизнь очищению кармы. Конечно же, все его благонамеренные поступки заканчивались ничем, но какая разница: он жил в ожидании следующей жизни и многих других после нее. Цикл перерождений длится века — до тех пор, пока не сольешься с Вечностью.

Он вышел из-за стола, оживленная улица поглотила его, и, увлекаемый потоком людей, он пошел вдоль Мотт-стрит. Через десять минут он уже был около больницы Сент-Джуд, на границе Чайна-тауна и Финансового района. А еще через пару минут у дверей возник измученный, теряющий сознание человек — костюм от Прада и рубашка «Оксфорд» были темны от крови...

* * *

*Манхэттен — Центральный парк
Суббота, 31 октября
За двадцать минут до этого*

— Вот машина, которую вы заказывали, сэр.

Итан взял ключи, которые протягивал ему молодой служащий, и с сомнением оглядел старый «Феррари» красного цвета начала восьмидесятых, припаркованный около ресторана.

— Ничего получше не нашлось? — спросил он, подписывая путевой лист.

— Учитывая забастовку таксистов, мы сделали что могли, — извиняющимся тоном ответил молодой человек.

Скорчив гримасу, Итан уселся за руль старого 308 GTS. Ему казалось, что он Том Селлек из первых серий «Честного детектива Магнума».

— Гавайская рубашка и накладные усы в багажнике или в бардачке?

— Простите, сэр?

— Да ладно, не берите в голову, вы еще слишком молоды, — ответил он, заводя мотор.

Он выехал из района Центрального парка через Пятую авеню. Было время массового шопинга, тротуары самой известной в мире улицы были полны народа, и отсутствие такси, совершенно выбившее город из колеи, создавало у пешеходов ложное впечатление, что можно переходить улицу в любом месте и в любое время.

Старенький V8 уносил Итана вниз к Баттери-парк. Мысли путались, его преследовали расплывчатые образы: Селин, светящаяся как ангел в своем подвенечном наряде, и искаженное, обезображенное смертью лицо Джесси.

Приблизившись к Мэдисон-сквер, он заметил громадный внедорожник «Хаммер» с затемненными стеклами, который ехал от него на опасно близком расстоянии. Одновременно он заметил, что слева и справа от него едут два мрачных седана. Забеспокоившись, Итан несколько раз посигналил, но в Нью-Йорке гудки машин сливаются с уличным шумом и, как правило, ничего не значат.

Он попробовал их напугать и прибавил скорость, но машины не отстали и продолжали ехать следом за ним. Он поехал еще быстрее: «Феррари» хорошо справлялся, но машина была старая, низкой посадки, и похожий на танк «Хаммер» легко его догонял.

Неожиданно седан, ехавший справа, резко прибавил газу и поехал впереди, тем самым дав ему возможность свернуть на Купер-сквер. Но этот трюк не прошел. Три машины быстро его нагнали и снова взяли в тиски, вынудив притормозить и в конце концов остановиться на обочине Бауери.

Итан едва успел отстегнуть ремень безопасности, как два похожих на горилл парня, напоминавших агентов ФБР, набросились на него, схватили

за плечи, выволокли из машины и потащили к «Хаммеру».

* * *

Манхэттен

Двумя неделями раньше

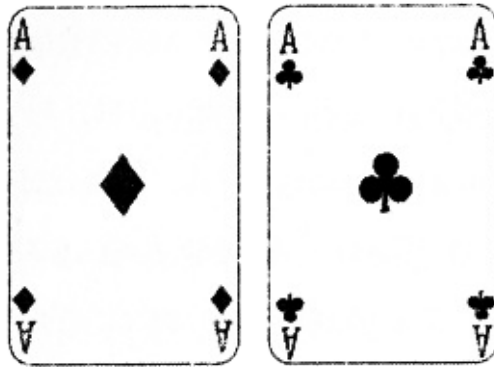
Квартира люкс в «Рокфеллер-центре»

Огромное помещение — не меньше трехсот квадратных метров — было оборудовано под лофт, всю стену занимали большие окна, через которые открывался вид на нью-йоркский skyline.^[21] Обстановка старомодная, но уютная. Музыкант, сидевший в углу за роялем, играл великолепную джазовую импровизацию. Вокруг огромного лакированного стола сидели семь мужчин и одна женщина, которые играли в покер, ожидая начала вечера.

Мужчины были одеты в соответствии с дресс-кодом, на всех были смокинги. А женщина, наоборот, привлекала взгляд необычным ярким стилем: джинсы известной марки, отороченные каракулем, лакированные леопардовые туфли-лодочки, облегающая поплиновая блузка, тяжелая подвеска в виде головы пантеры. Она сдавала, точнее, она играла роль крупье, который распределял карты. Итан сидел как раз напротив нее. У него уже было больше жетонов, чем у всех играющих. Он научился играть в покер еще в ранней юности — вместе со своим приятелем Джимми. С годами он превратился в настоящего мастера. Даже много раз участвовал в «Мировых сериях покера» — мировом чемпионате, проходящем в Лас-Вегасе, где пару раз добирался до стола финалистов в «No Limit Hold'em»^[22] со ставкой в тысячу долларов. У него был опыт и умение разгадывать ходы других игроков. Он незаметно следил за обстановкой: за взглядами противников, за движениями их рук, тел, за тем, как бьется кровь в жилке на чьем-то виске. Он умел выжидать и знал, как реагировать на блеф, мгновенно принимал решения и виртуозно вводил соперников в заблуждение, искусно скрывая свой страх.

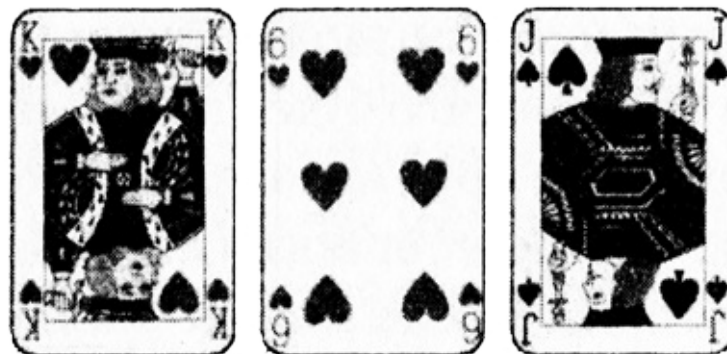
Два игрока справа от женщины оплатили блайнд,^[23] и крупье раздала всем по две карты, которые видели только они. Итан несколько секунд растягивал удовольствие, а потом взглянул. В последние несколько недель он многое потерял, но этим вечером удача снова ему улыбнулась. Он как можно дольше оттягивал этот момент и наконец быстро поглядел на карты,

прикрыв их рукой.

Сердце его бешено заколотилось. Два туза: знаменитое *Американ Эйрлайнз*,^[24] лучшая комбинация, которая выпадает один раз из двухсот.

Ставки делали по часовой стрелке. Когда очередь дошла до девушки, она повысила ставку, даже не перевернув своих карт. Итан понял, что она хочет сыграть эту партию вслепую — риск и блеф. Это была Максин Джардино, дочь одного из богатейших промоутеров города. Она была известна любовью к блефу и фантастической манерой игры, которая совершенно выбивала из колеи тех из ее противников, кто не мог похвастать подобными финансовыми возможностями. После первого круга половина стола пасанула, и осталось только четверо. Крупье открыла одну карту, а потом сделала флоп:^[25] три карты оказались на столе, доступные взглядам всех игроков. В комбинации с двумя скрытыми картами они могли послужить для построения очень сильной комбинации.

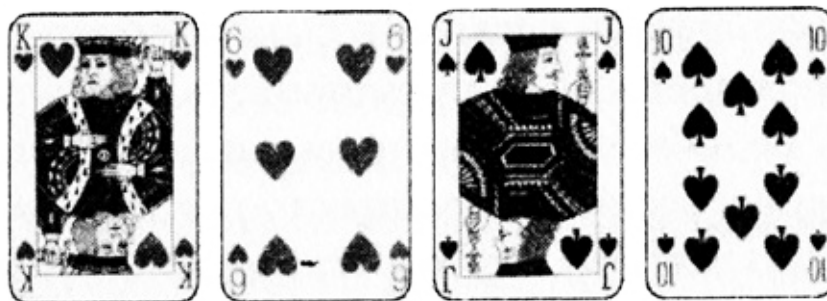
Итан изо всех сил пытался скрыть разочарование. Это не улучшало его шансов, но, как бы там ни было, его тузы оставались сильным оружием.

Новый круг. Максин по-прежнему не смотрела своих карт и поднимала ставки. Пятый игрок пасанул. Итан продолжил игру. Он знал, что, несмотря на расхожее мнение, покер — это не игра со случаем, это «игра души», сложная и тонкая, истинная метафора жизни, в ходе которой сталкиваешься с опасностями, искушениями, блефом, в которой просчитывать

возможности важнее, чем полагаться на удачу.

А сейчас возможности у него были самые широкие.

Раздающая перевернула новую карту.

На этот раз желание рискнуть и возбуждение достигли пика. В этот момент он понял, что у него чуть меньше одного шанса из десяти получить пять карт по порядку. Один шанс из десяти, что следующая карта окажется дамой, и это позволит ему иметь такую пятерку с тузом во главе, что будет прямым пропуском к победе. Следующий круг начался с того, что вышел шестой игрок. Теперь их оставалось лишь двое — Итан и Максин, которая до сих пор не взглянула на свои карты. Размер банка уже перевалил за миллион долларов, и Максин не собиралась на этом останавливаться. Они играли безлимитку со свободными ставками. Каждый раз, когда Максин повышала ставку, Итан делал то же, пока не закончились все жетоны. Максин предложила сделать ребай^[26] как раз перед тем, как в качестве крупье перевернула последнюю карту.

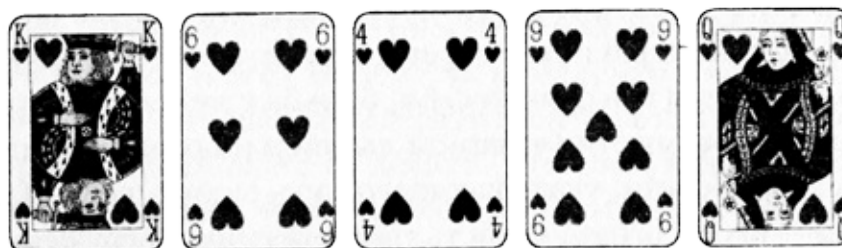
Он сохранял бесстрашие, взгляд его был прикован к пяти картам на столе. Максин искала сигареты в сумочке из кожи питона с металлическим отливом. Она наслаждалась моментом, настоящим началом партии, потому что в конце все всегда сводится к этому — ты оказываешься лицом к лицу с тем, что скрывает партнер.

Последние ставки были очень высоки, они пытались погубить друг друга, искушая. В этой битве один на один каждый искал своего. Для него это было путешествие внутрь самого себя, борьба с детскими страхами, забвение потерянной любви и иллюзорный поиск луча света, указывающего путь сквозь тьму. Для нее — игра с огнем, страсть уничтожения, погружение в мир жестоких женских фантазий.

На кону было около двух миллионов. Этой суммы у него не было, впрочем, какая разница, если он все равно выигрывает. Перед глазами у него стояла комбинация, которую он считал беспроигрышной: стрит с тузом.

Он был в прекрасном настроении, ему было так хорошо, что хотелось продлить этот момент. Он даже позволил себе роскошь помечтать о том, как потратит выигранные деньги. Но вот настал *шоудаун*.^[27] В мертвой тишине он выложил карты на стол. Настала очередь Максина. Ситуация была странная, потому что она так до сих пор и не посмотрела свои карты, и они вместе ждали, что будет. Она перевернула обе скрытые карты — четверку и девятку червей — и соединила их с общими, так что получилась такая комбинация.

Черви — пять карт одной масти, а это флэш, то есть комбинация, которая сильнее, чем стрит.

Максин подняла глаза на Итана, в них светилось злое торжество, мрачное наслаждение, которое давал ей только покер.

Итан переживал поражение, застыв, словно мраморное изваяние. Он прекрасно понимал, что попал в неприятнейшую историю.

* * *

От первого удара носом пошла кровь, второй пришелся по печени, а третий — в живот.

Манхэттен
Сегодняшний день

В «Хаммере» Итана избили по всем правилам. Черные очки, квадратные челюсти и кулаки Терминаторов — двое «людей в черном» крепко держали его, пока третий громила от всей души заставлял его пожалеть о том, что он не оплатил карточный долг. У того, кто его избивал, вид был не такой ухоженный, как у его «коллег», зато выглядел он более живописно. Обнаженный торс под смокингом, стетсон,^[28] плотно облегающий голову, длинные грязные волосы и трехдневная щетина — он был похож на сербского наемника и получал явное удовольствие от своей работы. Вначале Итан рефлексивно сжался, но удары следовали один за другим с такой быстротой, что он, в конце концов, оставил попытки защититься. И теперь просто молился, чтобы все это побыстрее закончилось. Сколько еще он сможет продержаться? Кровь хлестала из носа фонтаном, заливая одежду и пластиковые чехлы, которыми гориллы заботливо укрыли задние сиденья «Хаммера». Машина тем временем снова поехала, а то, что происходило внутри, надежно защищали затемненные стекла.

Наконец настал момент, и «серб», поглаживая свой тяжеленный кулак, сказал:

— Мадемуазель Джардино желает получить свои деньги через пятнадцать дней.

— Я... я постараюсь успеть, — едва переводя дыхание, прохрипел Итан, — но... мне нужно... мне нужно еще немного времени...

— У тебя уже было достаточно времени.

— Это такая огромная сумма... нельзя же так просто найти два миллиона!

— С сегодняшнего дня ты уже должен два миллиона пятьсот тысяч.

— Что? Нет, так не пойдет!

— Считай, проценты набежали, — объяснил громила, со всего размаху ударив его кулаком в живот.

На этот раз Итану показалось, что внутри что-то оборвалось. Синхронным движением подручные ослабили хватку, позволяя жертве соскользнуть на пол между сиденьями.

От ужаса он закрыл глаза. Где он возьмет такие деньги? Теоретически он богат: консультации, семинары, баснословная выручка от продажи книг — все это приносило огромные деньги. Но и жизнь он вел недешевую, к тому же вложил круглую сумму в строительство шикарного медицинского центра неподалеку от Майами. Это была ультрасовременная клиника для лечения от зависимостей, и она принесла бы целое состояние после

открытия, но пока требовала все больше вложений. Он мог бы продать свою долю, но этого бы все равно не хватило. Яхта? Но он пользуется ею на условиях лизинга. Машина? Она сейчас не в самом лучшем состоянии... Акции? Он много потерял во время последнего кризиса *subprimes*.^[29] А ведь самое худшее еще впереди, учитывая, что сюжет о смерти Джесси крутят по всем каналам. Скорее всего, именно это и ускорило расправу над ним. Пока дела у Итана шли хорошо, клан Джардино его не трогал, но теперь они поняли, что удача скоро от него отвернется.

— Так что, есть у тебя деньги или нет? — нетерпеливо переспросил «серб».

Итан с трудом поднялся и вытер кровь с лица полой рубашки.

— Я достану, — заверил он, — но не сразу. Мне нужно...

— Сколько времени?

— По крайней мере, две недели.

— Две недели, — пробормотал громила, — две недели...

Он вытащил из кармана огромную сигару, которую принялся мусолить во рту, так и не закурив. Затем, порывшись в бардачке, вытащил оттуда что-то типа кусачек с длинными тяжелыми рукоятками. Вдохнул, и сразу же два «агента Смита» снова схватили Итана. Один крепко взял его за кисть и протянул ее в сторону «серба». Тот прищепил Итану палец кусачками. Итан стал отбиваться, пытаясь сжать кулак, но все усилия были тщетны.

Только не правую руку, только не указательный палец!

До последней минуты Итан все же думал, что его просто пугают. Одно дело избить человека, пусть и до крови, но отрезать ему палец — это уже что-то из ряда вон. Все-таки семья Джардино должна заботиться о своей репутации. Но, конечно, следовало бы больше о них разузнать...

Он услышал глухой хруст и через секунду увидел, как его указательный палец отделился от кисти и упал в пластиковый пакет. Секунду ему казалось, что это сон, — из-за шока он не сразу почувствовал боль и еще мог надеяться, что ничего на самом деле не происходит. Затем брызнула кровь, и жуткая боль вернула его к реальности. Итан издал глухой вопль, но и это был еще не конец.

— Две недели — два пальца! — садистски ухмыльнувшись, объявил «серб».

И своим кошмарным инструментом отрезал Итану еще и средний палец.

— Радуйся, что другого чего не отстригли, — сказал он, резко щелкнув кусачками.

Второй палец тоже отвалился, и тут Итан почувствовал, что взгляд

затуманился. Тело стало одним непрекращающимся страданием, ему не хватало воздуха, словно от полученных ударов легкие отказали. Он уже терял сознание, когда «Хаммер» резко затормозил. Дверь открылась, и гориллы выбросили его на залитый солнцем тротуар. А машина, мягко шурша шинами, снова тронулась с места.

* * *

Итан лежал, уткнувшись лицом в землю, не в силах встать на ноги. Он смутно, словно издалека, слышал крики толпы и шум машин, но чувствовал, что сознание оставило его. Спасут его или оставят околевать здесь, посреди улицы? Он собрал все силы и отчаянно попытался прийти в себя. С трудом приподнялся, стараясь не задевать искалеченную руку, и с тревогой осмотрелся, разыскивая на тротуаре свои отрезанные пальцы. Подобрал сначала один, а потом и второй. Зажал их в здоровом кулаке. Локтем вытер кровь, до сих пор лившуюся из носа. Главное не смотреть на эти раны. Вокруг него стояла озабоченная толпа, люди разглядывали его с недоумением. В основном азиаты, но и туристов много. Он же в Чайнатауне! Приглядевшись внимательнее, он определил, что находится рядом со знаменитой извилистой Доер-стрит, местом, где члены китайской Триады в былые времена проводили сходки, с легкостью решая любые сложные вопросы. Определенно, у его мучителей было своеобразное чувство юмора.

Скорее!

Он очень плохо знал этот район, но действовать нужно было быстро. Сжимая свои отрезанные пальцы в руке, он пошел по Мотт-стрит, главной улице квартала. Его била дрожь, он двигался наугад, задыхаясь, совершенно потерянный среди леса непонятных вывесок. Среди бесчисленных магазинчиков, над которыми мигали неоновые вывески, он разглядел лавку народной медицины, на витрине которой красовались сушеные морские коньки, кости тигра, рога носорога и чудесные средства излечения от птичьего гриппа. Итан толкнул дверь и быстро оглядел магазин. Дюжины пластиковых контейнеров с корнями, стеблями, цветами и листьями доброй сотни растений... Минуту он постоял, озираясь, пока не нашел то, что было нужно, — герметично закрывающиеся пластиковые пакетики, в которых клиенты уносили драгоценные покупки. Он схватил один пакетик и запихнул туда отрезанные пальцы.

Скорее!

С пакетом в руке он метнулся из лавки и поспешил в сторону

ресторанчиков на Малберри-стрит. Он проходил их один за другим, пока не заметил витрину со свежей рыбой. Он чуть было сам не рухнул на нее, но из последних сил удержался на ногах. Отодвинув огромную рыбу-меч, покоившуюся на ложе из колотого льда, он набрал побольше ледяных кубиков и сложил в одну из бамбуковых коробочек, стоявших рядом на столе, служившем для приготовления блюд на пару. Нельзя было допустить, чтобы начался некроз тканей отрезанных пальцев. Он закопал пакет в лед и закрыл крышку.

А теперь, беги!

Беги!

Беги!

* * *

Обычный субботний день в Чайна-тауне.

Чайна-таун, город в городе, со своими правилами и законами. Чайна-таун, толпа на улицах, надписи на китайском и крыши-пагоды.

Наслаждаясь прохладой Коламбус-парк, пожилые китайцы увлеченно играли в маджонг. Другие же в одиночку упражнялись в медленных, но точных движениях тайцицюань.

А по Чатем-сквер мимо буддийского храма со всех ног бежал человек. Он был весь в крови и в поту. У него страшно болел бок, на руке не хватало двух пальцев, одно ребро было сломано, печень и желудок почти отказали. По щекам его, смешиваясь с кровью, текли слезы. Он давно уже должен былдохнуть, как собака, от усталости, боли, нанесенных ему увечий, но он продолжал бежать, сжимая в руках бамбуковую коробочку.

Это было странно. Впереди его ждали самые черные дни, а смерть, несомненно, дышала ему в затылок, и все-таки...

И все-таки в этот момент, каким бы невероятным это ни казалось, он чувствовал себя живым, как никогда.

Он знал, что только что, лежа на тротуаре, он достиг дна той бездны, в которую его затягивало уже много месяцев. Но он заставил себя подняться, он сам дал себе пинка, не позволив погибнуть окончательно. Он не знал, будет ли этого достаточно, чтобы вынырнуть на поверхность и окончательно спастись. Возможно, и нет. Возможно, точка невозврата уже пройдена. Но сейчас он думал только об одном: удержаться на ногах и продолжать бежать. Добежать до больницы Сент-Джуд, открыть дверь и без сознания рухнуть на пол.

В костюме от Прада и рубашке «Оксфорд», потемневшей от крови.

*Слушай того, кто знает, что он знает.
Учи того, кто знает, что он не знает.
Разбуди того, кто не знает, что он знает.
Беги от того, кто не знает, что он не знает.*

Китайская поговорка

*Больница Сент-Джуд
Суббота, 31 октября
15 ч 25 мин*

Доктор Шино Мицуки внимательно осмотрел искаленную руку. Прежде всего нужно было остановить кровотечение. Он наложил тугую повязку, а потом обработал два фрагмента кисти, герметично упаковал и положил на ледяную подушку. Отрезанные пальцы оказались в хорошем состоянии, пациенту — а он все еще был без сознания, — хватило ума не дать им соприкоснуться со льдом, так что ткани, лишенные притока крови, не были повреждены безвозвратно.

Теперь нужно было действовать быстро, но без суеты. Несколько минут Шино обдумывал, имеет ли смысл реимплантация. Пальцы были отрезаны ровно, это гораздо лучше, чем если бы их оторвало или раздробило. То, как будет приживаться удаленный палец, во многом зависит еще и от того, в каком месте он перерезан. Успешнее всего проходят операции с пальцами, отрезанными у самого основания, зато в этих случаях чаще всего палец остается нечувствительным и неподвижным. Пациент потерял много крови, но он сравнительно молод, что позволяет надеяться на быстрое восстановление. А вот пачка сигарет у него в кармане — очевидный минус, привычка к табаку способствует развитию атеросклероза и увеличивает риск тромбоза сосудов.

— Доктор, что будем делать? — поинтересовалась старшая медсестра, ассистировавшая ему в приемном покое.

Шино подумал еще минуту, а потом сказал:

— Попробуем оперировать.

Пока он подписывал запрос на местную анестезию, в голове у него пронесся вихрь разных мыслей. Он не мог не задаться вопросом, откуда взялись столь странные увечья. По инструкции он должен был позвонить в полицию, если предполагал, что они возникли в результате нападения или пыток, и было очевидно, что этот тип лишился пальцев не потому, что неловко подстригал газон или пытался сам смастерить полку для своих ребятишек.

* * *

17 ч 30 мин

— Самое главное, не двигайтесь!

К моменту, когда Итан открыл глаза, Шино Мицуки работал уже два часа. Он соединил места разрывов и теперь сшивал сосуды и нервы. Итану потребовалось несколько минут, чтобы окончательно прийти в себя. Разум был одним пылающим страшным лабиринтом, в котором его подстерегали мучительные образы: Джесси, Селин, загадочная рыжая женщина, два громилы, похожие на агентов ФБР, клон Кустурицы с его кошмарными кусачками...

— А пальцы... — вдруг забеспокоился он, повернувшись к врачу.

— Все на месте, — заверил его Шино. — У вас только местная анестезия, поэтому не шевелитесь!

Сшив сухожилия и нервные окончания, хирург, вооружившись микроскопом, принялся тщательно соединять сосуды с помощью иглы толщиной в сотую долю миллиметра. Операция продолжалась еще около трех часов, а врач и пациент то и дело обменивались репликами.

* * *

18 ч 05 мин

— Мне плохо, — жаловался Итан, кивая на живот.

Шино не поддавался.

— Вся наша жизнь — страдание. Рождение — страдание. Жизнь — страдание. Потеря любви — страдание. Смерть — тоже страдание...

* * *

18 ч 52 мин

Итан был не в состоянии лежать совсем неподвижно, и Шино в конце концов сделал ему замечание, строго сдвинув брови:

— В вас слишком много нетерпения и гнева.

Извиняясь, Итан сделал вид, что пожимает плечами, наклонив голову.

— Гнев, — повторил Шино словно про себя, — вас убьет.

— Гнев может оказаться спасением, — возразил Итан. — Гнев — это протест.

Азиат покачал головой, потом на мгновение оторвался от работы и сурово посмотрел на пациента.

— Гнев — это незнание, а незнание — значит страдание.

* * *

19 ч 28 мин

Не зная, как начать, Шино все же решился задать Итану мучивший его вопрос, медсестра уже тоже спрашивала об этом, но ответ был им все еще неизвестен.

— Как вы получили эти увечья?

— Я уже сказал, что это несчастный случай.

— И по чьей вине он произошел?

— По вине судьбы, — ответил Итан, вспомнив Кертиса Нэвилла, заботливого водителя такси, с которым познакомился сегодня днем.

— Не существует такого явления, как судьба, — холодно отрезал Шино. — Судьба — это лишь оправдание для тех, кто не хочет брать на себя ответственность за свою жизнь.

Какое-то время казалось, что хирург больше ничего не скажет, но тот не смог удержаться и продолжил свою мысль:

— Правда в том, что мы всегда пожинаем то, что сеем.

— Закон кармы, да?

— Да, именно этот закон, — убежденно подтвердил врач. — Добродетельные поступки приводят нас к счастью, а грех порождает страдания... — А через несколько секунд добавил: — ...как в этой жизни,

так и в последующей.

Итан промолчал. Что можно ответить хирургу, который разговаривает, как мастер Джедай? Его всегда интересовала в буддизме философия очищения кармы: осознать ошибки, испытать раскаяние, принять решение больше их не повторять, искупить вину... С этой точки зрения, все было просто, но действовать по такому принципу — совсем другое дело.

Рассуждения врача вернули его на несколько часов назад — к разговору с Кертисом Нэвиллом, водителем такси, убежденным, что все происходящее с нами отмечено перстом судьбы.

Сколько же у нас остается настоящей свободы?

Кто на самом деле с помощью судьбы или кармы управляет нашей жизнью?

* * *

20 ч 52 мин

Операция была окончена. Одетый в больничную пижаму Итан лежал на кровати в одноместной палате. Рядом — капельница с обезболивающим и антикоагулянтами...

За окном незаметно для него наступила ночь.

Доктор Шино Мицуки вошел в палату, чтобы дать последние рекомендации. В руке он держал пачку сигарет, которую вытащил из кармана Итана.

— Одна сигарета, и у вас может произойти спазм сосудов, — пригрозил он.

Он подошел и осмотрел прооперированную руку пациента, слегка нажимая на пришитые пальцы, чтобы проверить, насколько они теплы и чувствительны.

— Ай!

— Одна сигарета, и вы поставите под вопрос жизнеспособность ваших пальцев. Одна такая вредная штука, и вы погубите мою работу, занявшую полдня!

— Понял.

— Соединение очень хрупкое, — продолжал хирург. — Придется ждать не одну неделю, прежде чем станет понятно, прижились ли реимплантанты.

— ОК, будем держать кулаки, — пошутил Итан, пытаясь как-то

разрядить обстановку.

Но Шино пропустил шутку мимо ушей. Его лицо оставалось таким же суровым. Итан попытался заглянуть доктору в глаза, и хоть и не сразу, но ему это удалось.

— Спасибо вам, — просто сказал он.

Врач отвел взгляд.

— Я бы с удовольствием помог вам и дальше, — сказал он, отвернувшись к окну. — Помог бы вам найти дорогу, чтобы выбраться из ямы, в которую вы попали из-за своего незнания.

Вот оно...

Хирург не сказал ничего, кроме довольно банальных вещей, но Итану почему-то показалось, что он знает больше, чем хочет показать. То же ощущение возникло у него и раньше, когда он беседовал с таксистом. Странное ощущение, когда не можешь с уверенностью сказать, кто перед тобой, мудрец или фанатик.

— Путь вы должны найти сами, — закончил Шино, направляясь к двери. — Знание не приносят на блюдечке. Иначе это перестало бы быть знанием.

* * *

После того, как он ушел, Итан понял, что сил раздумывать над словами врача у него нет. Совершенно измученный, он уже хотел заснуть, но тут на столике около кровати завибрировал «Блэкберри». Он дотянулся до него здоровой рукой и с грехом пополам попытался посмотреть электронную почту. Очень много сообщений было от Лиззи, умолявшей его позвонить. Итан уже почти готов был набрать ее номер, но передумал. Он понятия не имел, что ей сказать. Быстро просмотрел остальное — нападки журналистов, отмена консультаций, — а потом остановился на одном огромном сообщении, к которому прилагалось видео из офиса охраны порта.

Что еще случилось?

В прошлом году его яхту ограбили, и он добавил в контракт специальный пункт о том, чтобы ему присылали видео любых подозрительных лиц, приближавшихся к судну. На экране он увидел какого-то типа в бейсбольной кепке, который стоял на палубе и барабанил в дверь каюты. Картинка была мутная, и ничего нельзя было разглядеть ясно. Но в какой-то момент человек поднял голову, и Итан сразу его узнал.

Это был Джимми!

Он не видел друга почти пятнадцать лет. Зачем он пришел к нему и почему именно сегодня, когда его жизнь потерпела крах?

* * *

23 ч 57 мин

Была уже почти полночь, когда Итан открыл глаза. В конце концов, он все-таки заснул в мирной тишине больницы, не получив на свои вопросы никакого ответа. Сон его был каким-то неестественным, скорее всего, из-за обезболивающих. Итана все время будили приходы медсестры, которая проверяла, как циркулирует кровь. Он уже чувствовал себя лучше. Впервые за долгие годы он отчетливо увидел свою жизнь со стороны. Сегодня он ходил по краю бездны, почти касаясь точки невозврата. На первый взгляд казалось, что он все потерял — деньги, репутацию, любовь. Зато он четко осознал одну вещь: не важно, что это — Бог, Провидение, Судьба, Любовь или Семья, — но большинство людей верит в несколько основных принципов жизни, на которых строится их существование. А он сам, во что он верил? Не считая честолюбивых устремлений и денег, в его жизни не было никаких ценностей. Но все это еще можно было изменить.

Он с трудом распрямился. Болело везде, и кости казались стеклянными. Итан с трудом встал с кровати, потянув за собой капельницу. Комната выходила на очень маленькую террасу, с которой открывался вид на Ист-ривер. Снаружи слышалось завывание ночного ветра и шум дождя, небо прорезали молнии.

Итан опустил жалюзи, но остался стоять на пороге террасы.

Сегодня он все потерял, но остался жив.

Но самое главное, он чувствовал в себе силы начать новую жизнь, как и пятнадцать лет назад. Силы обрести второе дыхание, построить все заново на новом основании. Нужно ликвидировать все активы, найти способ вернуть долг, а потом уехать из Штатов. Все это казалось безумием, но в этот момент он чувствовал себя способным даже опять броситься на завоевание Селин. *Все еще только впереди*, думал он, любуясь отражением фонарей в зеркальной глади реки.

Из-за дождя и ветра он не услышал, как открылась дверь. Но заметил в оконном стекле отражение движущейся тени и почувствовал, что кто-то подходит сзади. Повернувшись, он увидел, что стоит под прицелом.

Кто это?

Он замер. Комната была погружена в полумрак. Лица нападавшего было не различить. Только серебристое дуло, направленное на него, ярко блестело в темноте при свете молний.

Первая пуля пробила грудь, отбросив его на террасу. Оглушенный, он изо всех сил прижал руку к животу.

Фигура решительно сделала еще один шаг по направлению к нему.

Кто это?

Второй выстрел.

На этот раз пуля была пущена в голову.

Итан испустил отчаянный вопль и попытался выставить вперед руки, чтобы защититься. На лице он чувствовал ледяные струи дождя, которые, смешиваясь с кровью, заливали глаза. Перед глазами все помутилось, но он пытался рассмотреть черты лица нападавшего.

Кто это?

Он должен был это узнать.

Третья пуля опять попала в голову, выбросив его вместе с капельницей за перила.

Странно. Несколько секунд назад он думал, что стоит на краю новой жизни, но вот его жестоко вырывали из мира живых.

Кто это?

Он падал с балкона вниз головой, лететь было больше тридцати метров. Вот это и было его судьбой — разбиться о бетонные плиты больничной парковки? Он подумал, что, пожалуй, это слишком жестокий исход, и, словно, удар грома, его снова оглушил вопрос: кто же мог иметь достаточные причины, чтобы его убить?

Он никогда этого не узнает.

Он чувствовал порывы ветра и дождевые струи, хлеставшие по лицу, казалось, он видит свое тело, летящее в пустоту, со стороны. Перед глазами стояли два образа: первое — это лицо девочки, Джесси, которой он не захотел уделить минутку. А потом — воспоминание детства: первая сигарета с Джимми, единственным настоящим другом за всю жизнь.

Какая неразбериха.

Жаль, что он так часто принимал плохие решения. Жаль, что он так часто растрачивал жизнь попусту.

Последняя мысль была о Селин, женщине, которую он никогда не переставал любить. Он был рад, что увидел ее сегодня. Она была так красива в подвенечном платье! Красива, но несчастлива. Он порылся в памяти, отыскивая другую картинку. Фотография, на которой они вдвоем, в

самом начале их романа, сделанная как-то весенним днем на Уотер-Такси-Бич, невероятном кусочке пляжа, прямо перед линией небоскребов Манхэттена на горизонте.

Как и полагается, они улыбались, были счастливы, влюблены и уверены в будущем.

Итан изо всех пытался удержать в памяти этот образ.

С этой картиной перед глазами он и хотел умереть.

В черноте души всегда три часа ночи.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Манхэттен — 44-я улица

Ночь с субботы на воскресенье

2 ч 45 мин

Селин Паладино снимала макияж в ванной комнате номера в гостинице «Софитель».

В соседней комнате только что заснул Себастьян, ее муж, Селин в свадебном платье без ложного притворства посмотрела в зеркало.

И что теперь делать?

Она взбила свои длинные жесткие волосы, внимательно всмотрелась в свое еще молодое лицо с высокими скулами и миндалевидными глазами. На плече виднелась индийская надпись, которую она вытатуировала, когда роман с Итаном только начинался. *Итан...*

Сегодня она провела с ним несколько минут, но лишь для того, чтобы тут же снова потерять. Они обменялись несколькими резкими словами, лишь взаимно раздражив друг друга. Теперь, вечером, она понимала, насколько он был уязвим к ее нападкам. При этом она не осмеливалась признаться себе, что надеялась, будто что-то нарушит ход церемонии. И все потому, что всегда считала, что именно он и есть мужчина ее жизни — тот самый, которого ищешь всю жизнь, кому можно решиться показать хоть черта внутри себя, а он все равно будет любить, несмотря ни на что.

И что теперь делать?

Сейчас, в номере великолепной гостиницы, ее не покидало ощущение, что она играет какую-то комедию. Слишком давно она примерила на себя роль, которая ей совершенно не подходила. Она вынужденно пошла на уступки, подстраиваясь под ожидания семьи, друзей, общества, и стала какой-то посторонней в своей собственной жизни. На нее вновь нахлынуло ощущение одиночества, которое порой просто опустошало ее.

Бежать.

Она надела джинсы, блузку, черный пуловер, старые кроссовки

«Кикерз». Даже не попробовав себя урезонить, она отдалась некоей иррациональной силе, которая вдруг ожила внутри ее.

The bitch is back. [\[31\]](#)

Она знала, что разочарует всех — в первую очередь Себастьяна, а также его родителей и родственников, прибывших в Нью-Йорк, чтобы отметить то, что должно было стать самым знаменательным днем ее жизни.

Никто бы ее не понял: невозможно же вот так взять и все бросить.

Она бесшумно открыла дверь ванной. Себастьян спал. Около входной двери ждал багаж, готовый для завтрашнего свадебного путешествия на Гавайские острова. Селин схватила свою сумку и сунула туда косметичку.

Раньше Итан ее понимал. Там, где другие видели только милую Селин, серьезную студентку, красивую стюардессу, великодушную преподавательницу, он сумел разгадать пропасть, одиночество и внутреннюю надломленность.

Она накинула пальто жемчужно-серого цвета, бросила последний взгляд на то, что совсем недавно было ее жизнью, и вышла из номера.

Коридор.

Лифт.

Ни о чем не жалеть.

В Париже она принимала участие, как волонтер, в нескольких благотворительных проектах: рестораны «От всего сердца», «Розовые блузы», «Скорая помощь». Работала с бомжами, наркоманами, проститутками. И каждый раз их боль становилась ее собственной болью. В конечном счете, это единственное, что она действительно умела в жизни: спасти утопающих. Но разве не это самая благородная цель?

Куда ты пойдешь?

В глубине души она все время надеялась, что не сегодня завтра у нее родится ребенок от Итана, и материнство позволит превратить огонь страсти в тепло любви. Теперь она знала, что этому не бывать. А ребенка ни от кого другого она не хотела.

Бежать, но куда?

В холле гостиницы она остановилась перед одним из терминалов, чтобы зайти на сайт своего банка. Парой кликов перевела деньги со своих книжек на текущий счет.

Но едва она вышла на 44-ю улицу, на город обрушилась жуткая гроза, сметая все на своем пути, обрушивая на крыши потоки воды, заливая тротуары и входы в метро. Портье предложил ей машину с шофером, одну из тех, что отель заказал из-за забастовки «желтых такси». Она уже собиралась согласиться, но тут в нескольких метрах от нее остановилось

неожиданное такси. Она заколебалась: на крыше старой колымаги горел сигнал «Не на линии», что говорило о том, что машина не готова обслуживать клиентов.

— Ну что, садитесь, мисс? — спросил шофер, опуская стекло.

Это был огромный негр с бритым черепом, но с вполне благодушным лицом. Селин устроилась на сиденье. С интересом, к которому примешивалось удивление, она посмотрела на детские рисунки и карты «Марсельского таро», которыми был оклеен салон. В автомобильном приемнике хриплый голос Тома Уэйтса напевал что-то меланхолическое и успокаивающее из альбома «The Heart of the Saturday Night».^[32]

— Аэропорт «Кеннеди», — сказала она, прижавшись лбом к холодному и влажному стеклу.

* * *

Аэропорт Кеннеди

3 ч 42 мин

Селин оставила таксисту чаевые и направилась в терминал отправлений.

Несколько минут побродила по холлу, позволяя безграничности и пустоте себя оглушить. На ее айпode леденящие выкрики Бьорк сменились сворой волков-вампиров из группы «Radiohead», а затем вдруг зазвучала старая песня Беко,^[33] в которой говорилось о ней:

И что же мне делать теперь,
Теперь, когда нету тебя,
Ты всю землю оставила мне.
Но земля без тебя пуста.

Она подняла глаза к табло отправлений.

Рим, Лос-Анджелес, Оттава, Майами, Дубай...

Куда надо убежать, чтобы излечиться от потери?

Йоханнесбург, Монреаль, Сидней, Бразилиа, Пекин...

Куда надо убежать, чтобы оторваться от своей боли, от своей тени, от своей жизни?

У стойки Америкэн Эрлайнз она купила билет в одном направлении до

Гонконга.

Самолет улетал через два часа.

* * *

Манхэттен

Гостиница «Софитель» — номер 2904

3 ч 51 мин

Глазами, покрасневшими от слез, Себастьян пристально смотрел на надпись, сделанную губной помадой и пересекавшую огромное зеркало ванной:

ПРОСТИ

Он был раздавлен, но не удивлен.

Поняв, что Селин уходит, он сделал вид, что спит. И так и остался — окаменевшим, не способным ни на какой поступок.

Что ему делать теперь? Как объяснить это родственникам, друзьям по регби, клиентам ресторана?

Если вдуматься, корни этого разрыва очень глубоки, даже если он и старался закрывать на это глаза. Он перебрал в уме все виды ее профессиональной деятельности: рестораны «От всего сердца», работа волонтером в «Скорой помощи» и больнице. Он не понимал такой формы самоотдачи, равно как и привычки, заставлявшей ее маниакально заполнять свои дневники размышлениями, впечатлениями и тотчас же зачеркнутыми мыслями. Да еще ребенок, которого у них так и не получилось зачать, ведь после всех консультаций с врачами и бесчисленных анализов так и не удалось понять, а была ли у этого хоть какая-то биологическая причина. Плюс все те случаи, когда среди ночи он видел ее застывшей перед окном — мысленно в тысячах километров от дома. Он не раз задавался вопросом, о чем или о ком думает Селин в эти минуты. Вот и сегодня, когда за несколько минут до начала церемонии бракосочетания появился этот странный тип, он почувствовал серьезную угрозу. В глазах у этого человека застыло то же страдание, что и в глазах его жены, и при взгляде на обоих становилось заметно, что между ними циркулирует что-то вроде электрического тока. Высокое напряжение, мощное, точно молния, способное как убить, так и заставить сердце — подобно дефибрилятору —

вновь заработать. Он испугался тогда, что его вот-вот постигнет унижение, но во время церемонии оно его пощадило — только для того, чтобы потом по полной распять в спальне.

В последние месяцы он много раз спрашивал себя, не больна ли его жена. Даже говорил об этом с одним другом-врачом, который посчитал, что у нее что-то похожее на депрессию.

Но все оказалось куда серьезнее.

Причиной болезни оказалась любовь.

* * *

Аэропорт «Кеннеди»

4 ч 07 мин

Селин ожидала своего рейса. В книжном магазине в зоне посадки она купила «Геральд Трибьюн», роман Харуки Мураками и последний номер «Пари матч» с Сесилией^[34] на обложке.

В витрине с бестселлерами в разделе, посвященном развитию личности, служащий проводил перестановку. Он убирал экземпляры последней книги Итана Уитакера и складывал в картонные коробки, а потом принялся демонтировать рекламный силуэт терапевта, изготовленный в натуральную величину.

Висящий над кассами телевизор показывал новости на канале NSNBC. На плазменном экране подрагивало изображение человека, стоящего на коленях возле залитого кровью тела. Потом последовал комментарий:

...девочка четырнадцати лет покончила сегодня с собой в кабинете знаменитого терапевта Итана Уитакера. Того самого, которого «Нью-Йорк таймс» еще сегодня утром называла психоаналитиком, очаровавшим всю Америку. Теперь его репутация запятнана и...

Услышав имя Итана, Селин подняла глаза к экрану именно в тот момент, когда журналистка сделала паузу и приложила палец к уху, чтобы удостовериться, что правильно поняла то, что говорят ей в наушнике. Параллельно шла картинка — ночь, паркинг, мигающие огни «Скорой помощи» и полицейских машин, желтые ленты, запрещающие проход.

...нам только что сообщили дополнительную информацию. По словам

нашего репортера, тело Итана Уитакера, изрешеченное пулями, только что обнаружено на стоянке больницы Сент-Джуд, куда его госпитализировали за несколько часов до того. Месть, сведение счетов или какой-то иной мотив? Полицейское расследование должно выяснить что-то в ближайшие дни. А пока же...

— Мэм?

Обеспокоенный продавец вскочил со стула: покупательница грохнулась в обморок прямо в его магазине.

— Мэм? Вам плохо? Мэм?

* * *

Больница Сент-Джуд

4 ч 20 мин

Кертис Нэвилл поставил такси на больничный паркинг и толкнул дверь закусочной «Элвис Динер». Когда он работал по ночам, часто делал привал в этом ретро-фастфуде, устроенном в металлическом фургоне, стоявшем прямо перед входом в отделение «Скорой помощи». В такой час заведением пользовался в основном медицинский персонал в перерывах на дежурстве. Кертис подошел к стойке, чтобы заказать бургер, картофель фри и пару ломтиков жареной ветчины.

В глубине помещения, уставившись на салат и пиалу с супом, выпрямив спину, сидел доктор Шино Мицуки.

Совершенно бесстрастно.

— У вас свободно?

Азиат медленно поднял глаза и увидел перед собой черного гиганта. Кивком головы он пригласил его за стол.

Кертис Нэвилл поставил поднос и устроился на сиденье, обтянутое молескином. ^[35] Мицуки заметил его незрячий левый глаз и буквы LOVE и FATE, вытатуированные на пальцах.

На секунду их взгляды встретились.

В тот вечер Судьба и Карма ужинали за одним столом.

* * *

4 ч 30 мин

Чайки кружат и кричат во мраке ночи.

Прямо напротив острова Рузвельта стоит старинное здание, вытянутое в длину, — Институт медэкспертизы Нью-Йорка.

В здании много огромных подвалов.

В одном из этих подвалов есть пустая комната, отгороженная стеной из матового стекла. Комната холодная, освещенная слабым светом. Комната, в которой ощущаются больница, страх, смерть. Наивысшая степень одиночества и человеческого горя.

В этой комнате бок о бок стоят две стальные тележки.

На первой лежит человек, чье тело изрешечено пулями. Он не всегда делал правильный выбор и все-таки заслуживал того, чтобы узнать, почему его убили.

На другой — труп девочки-подростка, часть ее черепа разбита вдребезги. Ее восковое лицо приобрело синюшный оттенок из-за цианоза, ее черты деформированы ужасом насильственной смерти.

Она просила о помощи, но тщетно.

Сегодня им суждено было встретиться, но установить контакт не получилось.

Их остекленевшие глаза, похоже, созерцают какую-то иную реальность.

Что-то неизвестное и опасное.

Место, куда мы все когда-нибудь попадем.

Часть вторая

СРАЖАТЬСЯ

Жизнь — большой сюрприз. Возможно, смерть окажется еще большим сюрпризом.

Владимир Набоков

Манхэттен

Сегодня

7 ч 59 мин 58 сек

7 ч 59 мин 59 сек

8 ч 00

Резкое пробуждение.

Итан наугад метнулся рукой и несколько секунд пытался на ощупь остановить все нарастающий звук будильника.

Испуганный, задыхающийся, трясущийся, как в лихорадке, он тотчас пришел в себя и осмотрелся. На яхте все было спокойно, и красивый позолоченный свет проникал через иллюминаторы. Он у себя, на своей лодке!

Но это же невозможно: в его теле три пули, он грохнулся с тридцатиметровой высоты! Он же умер!

Он проверил дату на часах: суббота, 31 октября.

Он повернул голову — завернутая в одеяло рыжая девушка все так же лежала рядом. Тот же макияж, та же огненная шевелюра, та же россыпь веснушек.

Он вскочил с кровати. Охваченный паникой, поднялся по лестнице, которая вела в салон, а затем вышел на палубу.

Солнце, ветер с моря, крик чаек, первый осенний холод, башни из гранита и стекла, зимний сад, посаженный деревьями, променады с бегунами, море, город, движение...

ЖИЗНЬ!

Сердце колотилось так, словно вот-вот выскочит из груди. Через несколько секунд паника уступила место эйфории. Сон! Это был просто сон! Все это произошло только у него в голове! Это лишь игра его сознания, обычное отклонение здорово подавленного человека, в последнее

время слишком часто мешавшего спиртное с кокаином и антидепрессантами.

Чертов кошмар!

Промокшая от пота футболка, сухость во рту, слипающиеся глаза — он рухнул на стулья тикового дерева. Он весь дрожал, по щекам текли слезы. Но его лицо обдувал ветер, и он испытал самое приятное ощущение в мире — быть живым, избежав самого худшего. Эта жуткая химера позволила ему, пусть это оказалось и болезненно, заглянуть внутрь себя. И пришло осознание, которое освободило его от лжи, страха и уловок, которые совсем запутали его существование. И вот жизнь снова приобрела вкус. Она была священна, удивительно богата. И ее нельзя было растрачивать понапрасну. И надо было что-то с ней делать.

Он снова спустился вниз и наскоро принял душ, а его разум был при этом поглощен размышлениями. То есть на самом деле ничего этого не было: ни свадьбы Селин, ни самоубийства девочки, ни встречи с символическими персонажами, воплощавшими судьбу и карму, не было и его собственной смерти! Но что все это могло означать? Он читал Фрейда. И знал, что в снах реализуются потаенные желания, этот механизм играет роль предохранительного клапана для равновесия психики. Однако кошмар, который он только что пережил, казался чем-то более существенным, чем обычное окошко в сферу его бессознательного. И как обычный сон мог оказаться столь реалистичным, столь всеобъемлющим, столь четко выстроенным, при этом дав результат, достойный многолетних психоаналитических сеансов?

Когда он вернулся в каюту, от вида молодой женщины у него мурашки пошли по коже. Если эта спящая красавица — лишь видение, что она делает в это утро в его постели? Так и сяк обдумывая этот вопрос, он пришел к заключению, что сам привел ее накануне и что давешний кошмар был как-то связан с тем, что он делал в пятницу вечером.

Слегка успокоившись, он механически оделся. На этот раз никакого вычурного костюма — обычные джинсы, черный свитер с большим воротом и старая кожаная куртка. Как и во сне, он колебался, как поступить с незнакомкой. Разбудить? Было бы любопытно ее послушать, но в то же время он опасался услышать, что она скажет, ибо единственное, что не изменилось, — это было почти полное отсутствие воспоминаний относительно того, что происходило накануне. Что случилось вчера вечером, если в его голове не сохранилось об этом ни малейшего следа? Опасаясь худшего, он опять предпочел не будить ее и довольствовался тем, что вытащил из своего бумажника и сунул в ее сумочку все те же две

тысячи долларов, после чего поспешно покинул яхту.

* * *

— Добрый день, мистер Уитакер, — поприветствовал его портовый охранник, когда он появился на небольшой парковке.

— Добрый день, Фелипе.

— Что с вашей машиной? Она в ужасном состоянии.

С моей машиной?

В очередной раз реальность догнала фантастические видения: его «Мазерати» оказалась помята и поцарапана в тех же самых местах, что и во сне. Это был удар. А не содержалось ли в его кошмаре какого-то предупреждения? Нет, он никогда не верил в подобные вещи. Может, сон просто отразил воспоминание о какой-то аварии накануне. Только и всего. Он сел в машину, повернул ключ зажигания и поехал к выходу.

Гитара Джими Хендрикса чуть не разрывала плеер. Итан вынул компакт-диск и принялся вращать ручку приемника, пока не нашел нужную станцию.

...тысячи водителей такси объявили сегодня утром сорокавосемичасовую забастовку на Манхэттене, выступая против муниципального проекта...

Это терзало ощущение дежавю, точно играла заезженная пластинка. С другой стороны, все вокруг талдычили про эту забастовку уже несколько дней. Ничего удивительного, что это просочилось в его сон.

Он выехал из Финансового квартала и двинулся по Бродвею, а потом остановился у двойной линии на Таймс-сквер. Та же группа подвыпивших японских студентов выкрикивала «ЯТТА» посреди улицы, те же рабочие заменяли стекло в витрине «Вирджин»...

Он бросил несколько монет в автомат с газетами и развернул «Нью-Йорк таймс», где была напечатана его фотография:

Психоаналитик,
который соблазняет Америку

Почему же он не так уж и удивлен? Он пробежал глазами первые строки и обнаружил, смирившись с этим, что там написано то же самое,

что и в его сне! И, очевидно, не только это. Слишком много повторяющихся фактов, слишком много таких вот дежавю, чтобы можно было говорить о простом совпадении.

Вдруг, он ощутил странную боль в правой руке, похожую на мышечный спазм. Он перевел взгляд на руку, и то, что он увидел, заставило его вздрогнуть, — на указательном и большом пальцах красовалось по заметному шраму на первой фаланге, и они были словно деревянные. Сомнений не оставалось — пальцы были пришиты! Но когда? Кем? Шрам был свежим, прошло от силы несколько недель. Охваченный ужасным предчувствием, он расстегнул куртку и поднял свитер: на груди, на том самом месте, куда вошла первая пуля, был виден припухший шов, след недавнего хирургического вмешательства. Да как же это возможно? Совсем сбитый с толку, он проверил дату во второй раз. Теперь — по газете: была действительно суббота, 31 октября 2007 года.

Совершенно оглушенный, он вернулся в машину и какое-то времени сидел в полной прострации, ломая голову над тем, что же с ним произошло. С момента пробуждения он пытался успокоиться, заставить себя верить, что все то, что с ним случилось, было обычным ночным кошмаром.

Вырисовывающаяся правда была просто ужасна.

А что, если он просто переживал это вновь и вновь?

*Любовь, как бумеранг,
Возвращает прошлые дни,
Чтобы любить, как сумасшедшие,
Как двое буйнопомешанных.*

Серж Гинсбур

Сегодня

Суббота, 31 октября 2007 года

8 ч 40 мин

Итан гнал машину на юг. Он уже не мог себя больше обманывать: что-то перевернуло рациональный миропорядок, поставив его в необычное положение, и понимал это лишь он один. Помимо своей воли, он преодолел некую границу и попал в странную реальность. Почему именно он? Дают ли ему какой-то шанс или, напротив, это бой, уже заведомо проигранный?

Он не без иронии вспомнил фильм с Биллом Мюрреем, который использовал несколько лет назад на одном терапевтическом сеансе: это была история про одного депрессивного синоптика, угодившего во временную петлю, что привело к тому, что он каждое утро начинал день сначала, и так до бесконечности. Он попытался вспомнить детали, но тут у него в кармане завибрировал «Блэкберри». Это оказалась продюсерша с Эн-би-си, которую беспокоила его задержка. Он сказал ей, что заболел и не сможет приехать на передачу. Она стала было возражать, но напрасно, он отключился, даже не дав ей времени попытаться его переубедить. Отныне у него были другие приоритеты.

* * *

Силы таяли, к тому же он никак не мог понять, что же с ним происходит, но твердо решил не сидеть сложа руки. Ведь, если вдуматься, раз ему предстоит вновь пережить события этого дня, в конце его ждет

смерть, и никак иначе. В этом городе кто-то хотел его убить, однако теперь у Итана было преимущество: он знал об этом и не имел ни малейшего желания еще раз получать три пули. Но чтобы ускользнуть от этой печальной судьбы, сперва нужно было понять, кто убийца? Есть ли у него враги? Он попытался мысленно составить список людей, способных ему навредить.

Женщины? В последние годы, когда к нему пришла известность, у него возросло количество любовных приключений, но он с самого начала действовал открыто, встречаясь только с женщинами, которые не хотели привязываться, а, как и он сам, искали лишь способ хорошо провести время: модные рестораны, клубы, игры «для взрослых», уик-энды на Лонг-Айленде...

На следующий день они перезванивали или не перезванивали, улетали самолетом в Милан или в Лондон, потом проходило несколько недель, даже месяцев. Такие отношения обычно заканчивались без взаимных претензий, и он тщетно пытался найти в своих недавних воспоминаниях идиллию, которая завершилась бы каким-то конфликтом.

Другая версия — так называемые «коллеги». Очевидно, что, когда он влетел, точно пушечное ядро, в мир психотерапевтов, авторы и тренеры, уже неплохо устроившиеся там, смерили его недобрым взглядом. Работал он очень много, занимал сегмент рынка и доступное эфирное время. Он был моложе, активнее, его книги были лучше, а семинары — интереснее. Долгое время один из них пытался очернить его репутацию, распространяя дискредитирующие его слухи среди журналистов, критикуя его в каждом телевизионном выступлении и используя знакомства в средствах информации, чтобы перекрыть ему доступ на некоторые значимые передачи. Эффективность этих действий какое-то время ощущалась, а потом все стихло. В любом случае этот тип, возможно, и придурок, но уж никак не убийца.

Еще одна версия — среда игроков в покер, но ему в это также не верилось. Бывало, конечно, он выигрывал немалые суммы, освободив кое-кого из игроков от бремени в несколько десятков тысяч евро, но тут речь шла о людях, по меньшей мере, столь же богатых, как он сам, и все это происходило, когда играли по правилам. Что же до его собственных карточных долгов, он всегда платил сразу — до того случая с членами клана Джардино. С ними, это правда, он рискнул ступить на более опасную дорожку. Они могли пытаться его запугать, как об этом свидетельствовала его болевшая рука, но не было никакого смысла его убивать, если они хотели получить с него деньги.

Следовательно, оставался единственный, действительно подходящий вариант — бывший пациент, который пытается ему отомстить. А вот это уже не так и невероятно. Когда ваша работа состоит в том, чтобы возиться с людьми, у которых не все в порядке с головой, не стоит удивляться, что вы получаете письма с типичными угрозами, в которых вас обвиняют в том, что это именно благодаря вам их жизнь потерпела крах. Итан иногда получал такие, чаще всего — после выступления по телевизору, но до сегодняшнего дня обходилось без последствий. И это были совершенно безосновательные нападки. Книги, семинары и всякое такое — это был просто бизнес, а вот консультации — совсем другое дело. Он не любил играть со страданием людей и до недавнего времени всегда пытался выполнять свою работу как можно лучше.

Эта версия заслуживала того, чтобы над ней как следует подумать, но для этого надо было бы перелистать множество досье, а на это требовалось время. Время, которого у него не было.

Итан повернул назад и поехал по границе между Чайна-тауном и Уолл-стрит.

То есть собирался он поступить иначе. Из всех людей, с которыми он встречался со своего «первого дня», лишь двое знали о нем то, чего не знал он. Лишь двое не выказали удивления, увидев его, — Кертис Нэвилл и Шино Мицуки. И если он не знал, как отыскать водителя такси, то адрес больницы, где работает таинственный азиат, был ему известен.

Он включил поворотник и устремился по улице, которая вела к подземной стоянке больницы Сент-Джуд.

* * *

*Гостиница «Софитель», 44-я улица
8 ч 45 мин*

Селин бесшумно закрыла дверь своего номера. С четырех часов утра она ворочалась в постели, так и не сумев уснуть. Через несколько часов ей выходить замуж, и это навело на нее тоску. Она решила погулять по лабиринтам коридоров и вскоре оказалась перед лифтами.

— *Hi! How are you going today?*^[36] — бросил ей какой-то жизнерадостный тип, тащивший на плече сумку для гольфа, на которой была наклеена целая коллекция клубных знаков.

Она ответила ему улыбкой «минимум». Это было лучшее из того, на

что она была способна в это утро.

— *You go downstairs, right?*^[37] — спросил он, нажимая на кнопку цокольного этажа.

Она кивнула, спрашивая себя, где на Манхэттене этот человек собирался гонять мячики. Может быть, устроили площадку для гольфа в Центральном парке? В конце концов, в этом городе нет ничего невозможного...

Бросив взгляд в зеркало в лифте, она поняла, что выглядит ужасно: лицо усталое, под глазами синяки. Она поправила волосы, выровняла воротник рубашки, попробовала улыбнуться своему отражению — не помогло. Сегодня должен был быть самый лучший день ее жизни, а ей хотелось плакать.

Двери лифта открылись в большой холл с мраморным полом и стенами из тикового дерева. Кожаные кресла и кресла, обитые тканью, стояли вокруг камина, огонь в котором распространял мягкий свет, отражающийся на мебели. Селин прошла мимо ресепшен в ресторан отеля, чтобы позавтракать.

Это место, в атмосфере которого царили интим и элегантность, носило красивое название Габи — в честь парижской модели, сделавшей себе карьеру в Нью-Йорке в двадцатые годы. Французская обстановка в стиле ар-деко напоминала о безумной эпохе: Коко Шанель, Игорь Стравинский, Жан Кокто...

Молодая женщина попросила себе место в глубине зала. Ей было необходимо побыть одной, спокойно поразмышлять. Ей быстро подали чай, который она заказала, сопроводив его корзинкой выпечки и утренней газетой.

Сочетаться браком в Нью-Йорке — это значит играть с огнем. Теперь она поняла это. Каждый раз, когда она приезжала в этот город, болезненные воспоминания об их с Итаном отношениях разворачивались во всей полноте. Она считала, что вылечилась от этой любви, но оказалось, это не так. *Дай время, и все пройдет*, — обещала песня. Однако она не забыла ни его лица, ни голоса. Все пять последних лет она исподволь следила за взлетом карьеры Итана. Через Интернет она заказала себе его первые книги и просмотрела передачи, в которых он выступал. Он стал публичной фигурой и уже не имел ничего общего с тем молодым влюбленным, которого она знала, но за фасадом успеха она угадывала разочарованного человека, который ни на шаг не приблизился к счастью. Ей хотелось думать, что иногда он все еще вспоминает о ней. После их разрыва она прошла через все фазы: надежды, досады, ненависти, равнодушия,

забвения, возвращения страсти... По правде говоря, она так и не сумела избавиться от неистовой веры в то, что Итан еще испытывает чувства к ней, хотя и прекрасно понимала, что в этом есть что-то патологическое, близкое к эротомании. Но она была над этим не властна. Это была боль, которую она несла в глубине своего сердца и не была уверена, что хотела бы от нее вылечиться. Однако при Себастьяне, при его друзьях и коллегах она демонстрировала душевное равновесие, в котором на самом деле остро нуждалась. Она выстроила для себя комфортную жизнь, лишенную тревог, нашла свое место, где она могла принести пользу. В этой жизни нужно было еще много чего выстроить. Когда Себастьян предложил ей руку, она решила, что сможет перевернуть страницу окончательно, но чем ближе подходил назначенный час, тем сильнее она сомневалась в искренности взятых на себя обязательств.

Она порылась в сумочке и вынула конверт с лентой — уведомление о бракосочетании, которое она стеснялась послать Итану.

Для чего это тебе? Чтобы еще раз унизиться перед ним? Чтобы предать тех, кто тебя любит? Во что ты играешь, моя милая?

Она подумала о «Соседке», этом обаятельном фильме Трюффо, в котором Депардьё и Фанни Ардан переживали внебрачную связь, хаотичную и разрушительную. Фильм заканчивался трагически — двумя выстрелами из револьвера, оборвавшими их жизнь. Вот к чему ведет экзальтация, непреодоленная страсть и горячность сердца.

В нерешительности она положила конверт на стол.

В минуты сомнений она надеялась скорее на интуицию, чем на разум. Ее грела мысль, что жизнь может иногда сжалиться над нами и послать знак, чтобы правильно нас сориентировать. Что-то типа «народного средства». Очень может быть, но мир стал таким рациональным, все в нем находится под таким контролем, что было бы неплохо попытаться его расколдовать.

Она отхлебнула чаю и посмотрела в окно на людей, которые торопились куда-то по улицам осеннего Нью-Йорка. Потом она опустила взгляд на газету, которую принес официант. Почти машинально развернула ее. На первой полосе красовалась фотография человека на фоне Бруклинского моста, а над ней — броский заголовок:

Психоаналитик,
который соблазняет Америку

* * *

Больница Сент-Джуд

9 ч 01 мин

Лифт доставил Итана с подземной стоянки прямо ко входу в больницу. Это был сверхсовременный центр, открывшийся всего несколько месяцев назад из-за политического соперничества и острой полемики по поводу объемов его финансирования. Итан сразу же узнал место, где упал без сознания в «предыдущую» субботу 31 октября — в одежде, перепачканной кровью, с лицом, покрытым синяками, и без двух пальцев на правой руке.

Он неуверенным шагом направился к приемному покою.

Только бы этот врач существовал лишь в моем воображении!

— Чем могу помочь? — обратилась к нему служащая, крупная брюнетка с прической «львиная грива», словно вышедшая из восьмидесятых годов.

— Я ищу доктора Мицуки, — сказал он.

— Ваше имя, пожалуйста, — сказала она, проверяя по записям. Но еще до того, как Итан успел ответить, неосторожно уточнила: — Господин Шенович, так? Вы пришли по поводу компьютеров...

— Эээ... да, — подтвердил Итан. — Я пришел немного раньше, мне кажется.

— Доктор ждет вас у себя кабинете, сэр. Седьмой этаж, номер 707.

И, улыбнувшись, открыла перед ним две прозрачные пластиковые створки, преграждавшие доступ на этажи.

Иногда, к счастью, некоторые вещи оказываются проще, чем казалось...

* * *

Гостиница «Софитель»

9 ч 05 мин

Себастьян, обмотанный полотенцем, вышел из душа, напевая:

Зора, рыжая Зора,
Твоя постель — из мха,

Ты спишь под открытым небом.

Сегодня — великий день! Через несколько часов они поженятся! Он надел льняные брюки, рубашку и бархатный пиджак. Селин решила позавтракать в одиночестве, а не нежиться в постели рядом с ним. Это, без сомнения, от нервов.

Минуту он смотрел на город, который распростерся у его ног: небоскребы из стали и стекла, сверкающие на солнце, всюду движение, какой-то особый гул Манхэттена. Зрелище было впечатляющим, но он остался к нему равнодушен. Поначалу, когда Селин сообщила ему, что намерена организовать церемонию в Нью-Йорке, он встретил это известие сдержанно. Он сам предпочел бы красивый праздник в тулузской деревне, где у его родителей был дом. Многие из его коллег шеф-поваров, проклиная тиски французской экономики, уезжали, чтобы открыть рестораны в Лондоне, Нью-Йорке или в Японии. Но у него и в мыслях такого не было. Он любил Францию, любил свой образ жизни — рано вставать, пить кофе, листая «Ле Паризьен», ездить на рынок в Рунжи, выбирая там лучшие продукты для своего ресторана, видеть удовлетворение в глазах своих клиентов, болеть за «Пари Сен-Жермен» и «Стад Франсэ» с друзьями, заботиться о потихоньку стареющих родителях...

Но ради того, чтобы доставить удовольствие Селин, он был готов поступиться многим. Себастьян встретил ее три года назад в парке Монсури. Он совершал свою традиционную пробежку трусцой, она привела класс на экскурсию. Он понаблюдал за ней несколько минут и пал жертвой очарования. Все в ней дышало нежностью и доброжелательностью: ее смех, ее оживление, ее обращение с мальчишками. Он сумел ей понравиться, был терпелив, ему удавалось ее успокоить. Единственное мрачное пятно — ребенок, которого у них никак не получалось зачать.

Себастьян вышел из номера и вызвал лифт.

— *How are you today?*^[38] — бросила ему низенькая пухлая дама в ярко-желтом костюме. Она ждала лифта со своими тремя короткошерстными чихуахуа, которых возила в детской коляске.

— *How are you today?* — отозвался Себастьян с легким юго-западным акцентом.

Они вошли в кабину, шедшую вниз.

— *Don't be afraid, mamma loves you,*^[39] — постаралась успокоить

женщина своих любимцев, когда кабина лифта пришла в движение.

Стоя перед зеркалом, Себастьян вдруг ощутил нечто вроде помутнения сознания. Он почувствовал головокружение, к горлу подкатила легкая тошнота. Вмиг что-то поднялось из глубин его сознания, и возникло неприятное впечатление, что он уже все это переживал. Он не мог найти следов этого в своем прошлом, но сцена была ему странным образом знакома: эта женщина и ее крикливая одежда, ее гнусавый голос, эти три собаки, выраженные, словно дети. Откуда взялось это неприятное ощущение дежавю?

Когда двери открылись, он бросился в туалет, чтобы плеснуть себе воды на лицо.

Недомогание отпустило, ослабло, но не исчезло окончательно.

Открой глаза.

Он был совершенно растерян, как если бы какой-то запор соскочил у него в мозг.

Посмотри правде в глаза.

Он убедил себя, что его жизнь не так уж сложна, но это было неправдой. Он убедил себя, что у них с Селин все хорошо, но это была ложь. Между ними были недомолвки, затемненные области, вопросы, которые он никогда не осмелился бы задать из страха узнать ответы.

Если ты ничего не сделаешь, ты ее потеряешь.

Теперь он видел это ужасающе отчетливо.

Он попытался взять себя в руки, сказав себе, что, если дошло до брака, их отношения после этого наладятся. Сам он стремился к разумной любви, к равновесию. Его целью было создать семью. Ведь дети — это естественное продолжение объединения двоих. Для Селин же все было по-другому. Ей требовалась безумная любовь, восторженность. Блаженство влюбленности было для нее чем-то вроде наркотика, а он не чувствовал себя способным стать наркодилером.

Все чаще и чаще Селин ускользала от него, скучала при его долгом молчании, не разделяла его мечтаний. В такие моменты ему приходило в голову, что у него есть соперник, некий невидимка, скрывающийся в тени прошлого, о котором он не смел даже спросить.

Возможно, пора это сделать...

Он вытер лицо, посмотрел на себя в зеркало и нашел, что постарел за десять минут лет на десять. Он вышел из туалета и направился в ресторан. Несколько секунд поискал глазами Селин, пока не увидел ее за отдельным столиком, почти скрытым за зеленью растений.

— Как дела? — спросил он, усаживаясь напротив.

— Хорошо выспался?

Он кивнул, развернул салфетку и, поколебавшись, проговорил:

— Мне кажется, нам нужно поговорить.

Она нахмурилась и, удивленная серьезностью его тона, внимательно посмотрела на него.

Он неуверенным голосом начал:

— Я думаю, нам необходимо урегулировать кое-что до женитьбы. Я никогда не задавал тебе такого вопроса и все же хотел бы знать...

Он запнулся, чувствуя некоторое беспокойство.

Подперев рукой подбородок, она смотрела на него, не говоря ни слова.

— ...я хотел бы знать, нет ли другого человека, о котором ты думаешь и который живет в твоём сердце.

Последовало длительное молчание, во время которого какая-то его часть еще надеялась, что Селин расхохочется и скажет: *Не говори глупости, любовь моя! Существоешь только ты, и ты это прекрасно знаешь!*

Но вместо этого она тихо ответила:

— Это правда, есть другой.

— Ах!.. И кто же он?

Она опустила глаза и подтолкнула к нему газету, лежащую на столе.

— Он.

* * *

Больница Сент-Джуд

9 ч 11 мин

Несколько раз постучав и не получив ответа, Итан решился толкнуть дверь.

Кабинет доктора Шино Мицуки представлял собой простую маленькую комнату, из которой открывался вид на реку. Меловую белизну стен оттеняла лишь длинная ширма из бамбука, выполненная в более теплых тонах. На рабочем столе стоял миниатюрный японский клен с перекрученным стволом, некоторые петли опускались ниже горшка, что создавало впечатление, будто пол притягивает его к себе. Итан бросил куртку на спинку спартанского стула и позволил себе сесть, ожидая врача. Рядом стоял еще теплый чайник, ожидавший, что его вот-вот опустошат.

— Налейте себе чашечку, — послышался голос.

Итан обернулся. Шино Мицуки стоял в дверях, совершенно не

удивленный его присутствием. Это был тот самый человек, который его оперировал, — низкорослый азиат с тонким и узловатым телом, с бесстрастным лицом без возраста и коротко постриженными темными волосами.

Итан резко поднялся.

— Это ВЫ сделали, не так ли? — обвинительным тоном спросил он, показывая свои пришитые пальцы.

— Возможно, — осторожно согласился врач, — в любом случае, сделано на совесть.

— Я возродился в тот день! — воскликнул Итан. — И я уверен, что вы об этом знаете.

— Я ничего не знаю, — мирно возразил доктор.

— Меня не должно было быть здесь, я должен был быть мертвым! Я получил пулю в голову.

Шино взял чайник и наполнил две маленькие пиалы дымящимся напитком.

— Кто знает? Не исключено, что вы некоторым образом мертвы.

— Это чушь: человек или мертв, или нет!

Шино подумал несколько секунд, а потом спросил:

— Вы играете в карты таро?

— Я предпочитаю покер.

— В таро есть особенная карта: тринадцатая, «безымянная тайна», которую все называют «Смертью». Она говорит о завершении фазы, о возвращении к началу, таким образом это не конец, а возрождение.

— Что вы хотите этим сказать? — занервничал Итан.

— Пытаюсь вам разъяснить, что иногда необходимо перевернуть страницу, чтобы написать что-то новое.

— Вы всегда выдаете готовые фразы?

— Смерть — великий наставник, — продолжил Шино, не позволяя себя сбить.

— Великий наставник?

— Мы живем так, как будто не собираемся умирать никогда, — проговорил врач. — Но чтобы чего-то добиться в жизни, надо все время помнить о неизбежности смерти.

— Послушайте, старина, это же и я всегда говорю своим пациентам: сконцентрироваться на самом главном, жить согласно истинным ценностям, привести свою жизнь в порядок, чтобы не испытывать сожалений при уходе. Такие песни — это мой заработок, я их знаю наизусть.

— Недостаточно знать, — заметил азиат, — это надо уметь применять.

Итан замотал головой и весь в сомнениях подошел к окну. Голова разболелась, он весь дрожал. Радость, что он еще жив, портило ощущение, что он ничего не понимает в том, что происходит. И ничего не решает. Придя сюда, он надеялся, что найдет ответы, но врач был явно не расположен их давать.

Если только...

Итан повернулся и двинулся в сторону Шино Мицуки. Кипя от гнева, он схватил его за воротник и прижал к стеклу.

— Вы начинаете утомлять меня этим вашим буддизмом из супермаркета!

— В вас слишком много злобы, — ответил ему Мицуки, даже не попытавшись сопротивляться.

— Вы объясните мне, что со мной произошло? — вспыхнул Итан и как следует его встряхнул.

— Я не знаю, но иногда смерть — это только граница. Граница между концом одной жизни и началом другой.

— Какой еще другой жизни! — рывкнул Итан, сжимая пальцы на шее врача. — Я вам говорю, что я в тот же день возродился. Я говорю вам, что я умер!

— И что с того! Вы полагаете, что, когда умираешь, страдание прекращается? — спросил полузадушенный азиат. — Увы, это не так просто. Все, что вы посеяли, это же и пожнете, рано или поздно. Таково правило.

— Опять эта ваша дурацкая карма! Но я... кто-то хотел меня убить, и вы поможете мне его найти.

— Арх! Это вы меня сейчас... убьете!

На секунду Итан надавил еще сильнее.

— И что? Я полагал, что вы к этому готовы! Я полагал, что вы любите смерть! Это же — «великий наставник», не правда ли? Я хорошо усвоил урок!

Затем он резко ослабил хватку, сообразив, что творит. Потом оба несколько секунд постояли, не проронив ни слова: Шино — восстанавливая дыхание и приводя в порядок воротник, а Итан — вперившись взглядом в Бруклинский мост, перешагивающий через реку под оранжевыми лучами осеннего солнца.

Устыдившись, он взял куртку и двинулся к двери.

Если он хочет узнать ответы, то должен найти их сам.

И когда уже Итан перестал в это верить, Шино Мицуки вдруг

соизволил дать ему подсказку:

— День, который, как вы утверждаете, вы переживаете заново... — начал он. — Мне кажется, это великолепная возможность последовательно вернуться к каждому из неудачных выборов, которые вы совершили в прошлом. — Шино подождал несколько секунд, а потом уточнил свою мысль: — Я думаю, что это возможность признать свои ошибки и понять, что их не следует повторять, и это важнее, чем искать какого-то гипотетического убийцу.

Итан на минуту задумался. Он уже почти перешагнул порог, но тут врач крикнул ему:

— Знаете что? Я полагаю, что смерть — это, возможно, наилучшее из того, что произошло с вами за очень долгое время...

* * *

Ресторан гостиницы «Софитель»

9 ч 21 мин

Себастьян пробежал глазами статью, посвященную Итану, и сложил газету. В глазах его мелькнуло бешенство, но он его сразу пригасил. Он посмотрел на Селин и не без труда проговорил:

— И с каких пор... у вас это тянется?

— Мы познакомились в Париже шесть лет назад.

— И сколько же это длилось?

— Примерно год.

Он отвел глаза. И поскольку он не произнес больше ни слова, заговорила Селин:

— Насколько я помню, я всегда надеялась встретить кого-то...

Себастьян пожал плечами:

— Кого-то?

— Кого-то, кто был бы похож на меня, того, кто бы меня понимал. Кого-то, с кем бы я больше не чувствовала себя одинокой.

— Ну, и?

— Он меня нашел, а не я.

Я ЖДАЛ ТОЛЬКО ТЕБЯ

Беда мне с этими девчонками. Иногда на нее и смотреть не хочется, видишь, что она — дура душой, но стоит ей сделать что-нибудь мило, я уже влюбляюсь. Ох, эти девчонки, черт бы их подрал. С ума могут свести.

Дж. Д. Сэлинджер.

«Над пропастью во ржи»

*Париж — аэропорт Шарль де Голль
Шестью годами раньше
Понедельник, 10 сентября 2001 года
7 часов утра*

Зал отправления.

Сидя в кресле, скрестив ноги над дорожной сумкой, Итан ожидает самолета, который вернет его в США. День обещает быть долгим: произошла задержка, самолет взлетит только в 10.30 и совершит продолжительную остановку в Дублине, прежде чем снова продолжит путь в Нью-Йорк. Прибытие предусмотрено в 18.20. Убийственное путешествие, зато соответствующее цене билета, добытого через Интернет. Это единственное, что доступно для его бюджета.

Ведь в сентябре 2001 года Итан — никому не известный психотерапевт, которому явно не до шика. Он только что провел неделю в Париже, это были первые настоящие каникулы в его жизни, которые он провел в музеях и знаменитых кварталах, о которых мечтал с давних пор: Лувр, Орсэ, Оранжерея, остров Сен-Луи, Монмартр...

Он встает со своего кресла, потягивается и смотрит на свое отражение в витрине дьюти-фри. Изношенные джинсы, потертая кожаная куртка и ковбойские сапоги с острым носом — он понимает, что выглядит деревенщиной, хоть одежда и удобна для отдыха. *И что меня дернуло так нарядиться?* — спрашивает он себя, хотя за долгие годы так и не сумел оторваться от своих социальных корней.

«Эра Клинтона» в США подходит к концу. Итан видел, как люди его возраста вокруг него вдруг становились миллионерами, создавая какой-нибудь старт-ап. У него самого не было такого нюха. Он не смог ухватить преимущества новой экономики. Но он хочет полагать, что сможет прыгнуть в следующий вагон, так как, несмотря на еще скромные доходы, кабинет, который он открыл в Гарлеме, начал уже набирать популярность.

Он делает несколько шагов по залу. Что-то витает в воздухе. Запахи конца эпохи. Он чувствует, что вот-вот начнется новая эра, без сомнения, более неприятная, чем предшествующая, она ждет какого-то события, чтобы начать воплощаться в жизнь.

И еще он предчувствует, что двухтысячные — это «его время», когда он сможет выбиться в люди. Он еще не знает, как и благодаря кому, но уверен, что, когда представится шанс, он его не упустит. Чтобы придать себе мужества перед предстоящим тяжелым днем, он решает побаловать себя завтраком в одном из кафе с видом на летное поле.

Он садится к стойке, заказывает булочку с шоколадом и кофе с молоком и обводит зал мечтательным взглядом. Глаза его на миг останавливаются на молодой стюардессе, сидящей за столиком у застекленной стены с видом на бетонированную площадку. Элегантная и отстраненная, она поглощена книгой.

Поначалу это самый безобидный взгляд (вид красивой девушки ему нравится куда больше круговерти самолетов), затем его глаза задерживаются на ней все больше, и возникает романтическое чувство. Первые солнечные лучи угасающего лета ласкают неподвижный силуэт, превращая его в картину Вермеера, — до тех пор, пока она не оживает, чтобы, в свою очередь, посмотреть на него. И он вдруг ощущает внезапный острый ожог, который его изумляет. Лицо девушки как у ангела, а взгляд — золотой. Итана охватывает то же нервное возбуждение, сердце у него колотится так же, как тогда, на Тайм-сквер, девять лет назад, когда он бросил Джимми и Марису. Он умеет распознать критические точки своей жизни, и это — одна из них.

Влекомый непреодолимой силой, он слезает с табурета и идет к ее столику. Вот она, единственная, в нескольких шагах от него. Менее чем через десять секунд он заговорит с ней. Но чем привлечь такую девушку?

Девять секунд.

В Нью-Йорке ему чаще всего удавалось вскружить голову лишь какой-нибудь дурочке из Нью-Джерси, которую можно подцепить в баре субботним вечером.

Восемь секунд.

Он щурит глаза, чтобы разглядеть название книги, которую она читает: «Невыносимая легкость бытия» Милана Кундеры.

Семь секунд.

Он никогда не читал Кундеру. Кундеру не читали в его гнилом квартале Южного Бостона. Кундеру не читали на стройках, где он работал. Он обратился к культуре слишком поздно, и ему еще много чего нужно было догонять...

Шесть секунд.

После стольких усилий стать другим человеком у него снова появляется ощущение, что простецкое происхождение написано у него на лбу и что сейчас его просто пошлют.

Пять секунд.

От него уже ничего не зависит. Он отдается своему порыву.

Четыре секунды.

Он все еще не знает, как к ней подступить. Сейчас наверняка наступит на грабли. Возможно, последует пощечина... Но у него нет другого выбора: надо готовиться быть посланным в задницу.

Три секунды.

Как странно, ничего еще не произошло, а он уже боится ее потерять.

Две секунды.

Выходит, это и есть — удар молнии? Несколько недель назад один пациент рассказал ему о своем несчастье — он влюбился в молодую девушку. Неразделенная любовь принесла ему одни страдания. Итан тогда внимательно его выслушал, подумав про себя, что с ним никогда не произойдет ничего подобного.

Одна секунда.

Он досадует на себя за свой дурацкий вид, за свои слишком длинные волосы, за трехдневную щетину. Он открывает рот. Он уверен, что номер плейбоя не пройдет и он сейчас станет посмешищем.

Говори правду. Если это — ОНА, она поймет.

— Вы верите в великую любовь? — спрашивает он, усаживаясь перед ней.

Во взгляде Селин — смесь осмотрительности и любопытства, она видит типа, который только что сам пригласил себя за ее столик. Обычно она сразу же отшивает подобных ухажеров, стремящихся удовлетворить свою «мечту о стюардессе», но в этом человеке она чувствует что-то необычное.

— Вы верите в любовь с первого взгляда?

— Нет, — отвечает она, надув губы.

— Я тоже, — признается Итан, — еще три минуты назад в это не верил.

Она подносит чашку к губам, продолжая молчать, чтобы придать себе значимости и побудить его продолжать.

— Еще три минуты назад я был уверен, что ничего такого не существует: родственные души, поиск своей половинки...

— Вы — американец?

— Я из Нью-Йорка.

Она слегка улыбается:

— Я работаю на рейсе Париж — Нью-Йорк, вылет был назначен на 8.30.

* * *

— Селин!

Она поворачивает голову. У входа в кафе две стюардессы компании Эр Франс машут ей рукой и указывают на настенные часы.

— Иду! — отвечает она им с улыбкой.

Закрывает книгу, достает деньги, чтобы расплатиться по счету, и грациозно встает из-за стола.

— Мне пора.

— Давайте, поужинаем вместе в Нью-Йорке! — предлагает Итан, провожая ее до выхода из кафе.

— Что за блажь! Ведь мы даже не знакомы!

— Это и будет поводом...

Она подходит к коллегам, оставив Итана в нескольких метрах позади, но он продолжает настаивать.

— Послушайте, ужин же ни к чему не обязывает!

Селин делает вид, что не слышит.

— А я не против, — бросает ему одна из стюардесс, маленькая игривая брюнетка. — Меня зовут Зоэ.

Итан улыбается ей, а затем обгоняет группу и преграждает путь перед Селин.

— А если я и есть мужчина вашей жизни?

Три девушки продолжают сплетничать, мило насмехаясь над этим странным типом.

— Ну же, дайте мне шанс! — просит Итан. — Просто свидание!

— Будь вы мужчиной моей жизни, вы бы себя так не вели...

— А как?

— Если бы вы были мужчиной моей жизни, вы бы знали, как меня удивить и как взволновать. А вы меня смешите.

— Смех — это хорошее начало, разве нет?

— Это правда, — замечает Зоэ. — Ну же, Селин, дай ему шанс!

Но три стюардессы уже входят в зону, отведенную для персонала, оставив Итана позади.

— Пока! — бросают ему они хором, а затем раздается взрыв смеха.

* * *

Если бы вы были мужчиной моей жизни, вы бы знали, как меня удивить и как взволновать.

Итан стоит как столб. Он все упустил, несмотря на все красноречие. Не сумел даже назвать ей свое имя, свою профессию или хотя бы просто вызвать у нее желание снова его увидеть.

Он слыл бездельником, симпатичным шутом и, по сути, именно таким и был: милым и жалким типчиком, который хочет казаться крутым, но у него не хватает для этого соответствующего телосложения.

Обессиленный, он рухнул на свое место, закрыл глаза и на какое-то время застыл неподвижно.

Когда он опомнился, было 8.30. На взлетной полосе самолет компании Эр Франс начинал полет, унося любимую в сторону Манхэттена.

И что теперь делать?

Он высчитывает время прибытия самолета Селин в Нью-Йорк — 10.40.

Нужно терпеливо ждать еще добрых два часа, плюс его рейс даже не прямой.

Брось. Не пытайся играть в героя. Возвращайся и продолжай кадрить малышек из Нью-Джерси. Они стоят красивых французенок, читающих Кундеру.

Словно животное в засаде, он шарит глазами по залу в поисках какого-то знака, идеи. Его взгляд останавливается на старой афише.

«Конкорд» — мир на скорости М 2.0^[40]

Париж — Нью-Йорк

Быстрее, чем солнце!

Будь вы мужчиной моей жизни, вы бы знали, как меня удивить и как взволновать.

Он оставляет зону отправления и кидается к стойке компании Эр Франс: этим утром там действительно есть рейс «Конкорда» в 10.30 с прибытием в аэропорт имени Джона Кеннеди в 8.25. Его озаряет надежда, но она сразу же улетучивается, стоит ему услышать цену билета.

— 5550 долларов.

Он просит служащего повторить, и ему повторяют, что если он приобретает билет только в один конец, то цена именно такова.

5550 долларов за один перелет!

Он размышляет всего секунду. Все его скудные сбережения составляют 6300 долларов, которые он положил в банк, намереваясь потратить на покупку рекламных материалов для своего кабинета.

Он же не думает опустошить свой счет ради сиюминутной прихоти?

Будь вы мужчиной моей жизни, вы бы знали, как меня удивить и как взволновать.

* * *

На часах 9.30, стюардесса провожает его к зоне, зарезервированной для посадки на «Конкорд».

Все исключительно вежливы с ним. 5550 долларов — это плата за уважение. Ему предлагают впечатляющий комплект выпечки, а также, несмотря на ранний час, бордо и виски двадцатилетней выдержки. Его наряд находится в явном противоречии с ареопагом деловых людей, которые со стаканом в руке беседуют о делах, словно находятся на площадке для гольфа. Он с удивлением смотрит в окно на дельтаобразное крыло и узкий фюзеляж самолета, вокруг которого суется работники аэропорта, готовя его к взлету.

Формальности при погрузке минимальны, и вот уже пассажиры сидят в своих кожаных креслах, стоящих попарно вдоль центрального прохода. Самолет полупустой.

Ровно в 10.30 элегантный силуэт сверхзвукового лайнера, в котором хорошо заметна порода, замирает на взлетной полосе. На остальных взлетных полосах другие самолеты покорно ждут своей очереди, пропуская «Конкорд». Командир корабля запускает четыре двигателя весом в семнадцать тонн и отпускает тормоза. Ускорение очень резкое и длится менее тридцати секунд, после чего огромная белая птица отрывается от

земли.

В глубине своего кресла Итан все ломает голову, как он на такое решился. Он купил этот билет в помрачении ума, когда страсть внезапно взяла верх над разумом, но сейчас это уже кажется ему глупостью.

— Шампанского, месье? — предлагает стюардесса.

Он колеблется, словно не уверен в том, что имеет на это право.

— «Дом Периньон», розовое, 1993 года, — уточняет она, подавая бокал.

Он подносит бокал к губам: у нектара вкус персика, засахаренных цитрусовых и меда. Затем наступает очередь икры, которую подают в водочном стакане: два слоя черной икры, между ними прослойка из сельдерея.

Итан оборачивается — за его спиной пожилая дама усаживает на сиденья двух пуделей, причем у каждого свое место! В 11.00 командир корабля сообщает, что они летят над Довиллем на высоте 9 тысяч метров и что настало время преодолевать звуковой барьер. Экипаж спешит подать обед, созданный знаменитым французским поваром Аленом Дюкассом. Салфетки — льняные, а столовые приборы — серебряные. Меню, такое поэтичное и аппетитное, предлагает широкий выбор закусок и горячих блюд, например:

Медальоны из бретонского омара
Фондю с помидорами и шампиньонами
Сок греческий с трюфелями или
Филе окуня «а-ля планча»
Луковицы порея и тающий во рту сельдерей
Американский икорный соус

А еще два баснословных десерта:

Желе из ананаса и экзотических фруктов
с запахом мелиссы и свежей мяты
и
Пикантный кофе-шоколад со вкусом мокко

Итан позволяет себе понежиться и дегустирует престижные и дорогие блюда, специально подобранные для этого изысканного обеда.

Самолет уже летит со скоростью М 2, это скорость ружейной пули. Командир корабля сообщает, что полет проходит на высоте около 60 тысяч

футов — 18 тысяч метров, это высота стратосферы, тогда как обычные самолеты летают на высоте 11 тысяч метров. Итан прилипает лицом к иллюминатору. Там, в прихожей космического пространства, небо выглядит совсем по-другому. Оно насыщенного ярко-фиолетово-синего цвета невероятной чистоты, далекое от жалких метеорологических изменений, грохочущих где-то далеко внизу. Но что самое впечатляющее, так это шарообразность Земли, которая ощущается здесь очень явно. Но уже начинается снижение к Нью-Йорку, и после 3 часов 35 минут полета сверхзвуковой самолет садится.

Он вылетел из Парижа в 10.30.

В Нью-Йорке сейчас 8.25.

Вы обогнали время.

Чтобы произвести впечатление на девушку.

* * *

Итан смотрит на часы.

Самолет Селин сядет лишь через два часа. Пройдя таможню, он разгуливает по аэропорту, хочет посмотреть свой банковский счет в автомате. Если его расчет верен, у него должно остаться 750 долларов. Однако терминал отказывается выдать ему больше 600 долларов. Он замечает парикмахершу, открывающую свое заведение в *бьюти-центре* международных отправлений. Увы, она делает прически только для женщин. Итан продолжает настаивать, и некая Дженни, уроженка Сисайд-Хайтс, Нью-Джерси, соглашается им заняться. Вооружившись ножницами и электробритвой, она делает ему прическу а-ля Даг Росс из сериала «Скорая помощь» и даже сбривает ему щетину.

9 ч 45 мин

Итан входит в бутик «Эмпорио Армани», чтобы купить себе белую рубашку, серый костюм и черные ботинки и все это тут же и надевает на себя.

10 ч 10 мин

В кармане у него остается 40 долларов. В витрине кондитера он замечает великолепный комплект — букет роз из шоколада и миндального

теста. Красные, розовые, пурпурные, голубые, белые — цветы выглядят более настоящими, чем в природе, но имеют вкус лесных орехов, апельсинов, пралине и джандуйи.^[41] Нежность стоимостью в 60-долларов.

Он выворачивает карманы — у него осталось 43 франка, которые еще не успел поменять. В обменнике ему дают 6 долларов. С 46 долларами он входит в кондитерскую и пытается сторговаться с хозяином-итальянцем, который ничего не хочет знать. Он дает ему свою визитную карточку, предлагает свободные посещения своего кабинета, объясняет, что автомат проглотил его кредитку, предлагает прийти завтра утром и доплатить разницу, но все без толку: букет стоит 60 долларов, а не 46. В конечном счете Итан рассказывает ему всю правду: как он купил билет на «Конкорд», чтобы прилететь в Манхэттен раньше девушки, которая так поразила его и которой он хочет подарить этот букет. И так как дело происходит в Нью-Йорке и чудеса все же случаются, итальянский кондитер соглашается уступить ему свой букет.

Уже почти 11.00, и экипаж рейса «АФ 004» входит в аэровокзал. Свежевыбритый, причесанный, затянутый в новый костюм, Итан идет навстречу Селин со своими розами. В этот момент для него нет и никаких расчетов или запретов. Все страхи ушли. Его намерения чисты, наивны, они почти детские.

В компании Зоэ и еще двух стюардов Селин движется к выходу.

— Прежде чем вас взволновать, я попробую вас удивить, — говорит Итан, протягивая ей кондитерское изделие.

Сперва Селин никак не реагирует, потому что не узнает его. Как этот человек может быть тем, с кем она разговаривала сегодня утром в Париже?

Потом она приходит в себя и понимает, что проделал Итан, это ее пугает. Со стороны неизвестного такой жест — как-то «слишком». Слишком много, слишком красиво, слишком дорого. Чрезмерно, неразумно, в этом есть что-то болезненное.

— Вы с ума сошли! — восклицает она, бросая на него резкий взгляд.

Она ускоряет шаг, чтобы оторваться от него, но он не отпускает ее.

— Я думал, вы ищете того, кто мог бы вас удивить...

— Вы больной!

— Это вам, — говорит он, протягивая букет.

Она берет шоколадный шедевр, но лишь для того, чтобы бросить его ему прямо в лицо.

— Оставьте меня в покое! — кричит она, торопясь к выходу.

Чтобы не потерять лица, оба стюарда пробуют изображать твердость, мешая Итану последовать за молодой женщиной, но тот отталкивает их и

выходит из здания аэропорта.

Селин и Зоэ встали в очередь на такси.

— Я не хотел вас испугать, — пытается объяснить он.

— Ладно, проехали!

— Меня зовут...

— Не говорите мне, кто вы! — умоляет Селин. — Я не хочу ничего о вас знать!

— Я просто хотел вам понравиться, — признается Итан.

Но девушка отворачивается и следом за Зоэ скрывается в одной из подъехавших машин.

Когда такси уже вот-вот отъедет, Итану удастся прочитать по губам Селин последнее напутствие ему:

— Вам надо лечиться.

Машина трогается. Он остается на тротуаре один, не имея в кармане даже доллара, чтобы вернуться домой.

— Я просто хотел вам понравиться, — повторяет он как бы для себя самого.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ЛЮБВИ

Когда я была ребенком, роскошью мне казалась шуба, длинные платья и виллы на берегу моря. Позже я стала считать, что это значит вести интеллектуальную жизнь. А теперь мне кажется, что это — возможность испытать страсть к мужчине или женщине.

Анни Эрно

*Манхэттен, следующий день
Вторник, 11 сентября 2001 года
Площадь Всемирного торгового центра
8 ч 35 мин*

— Тебе нужно просто пойти со мной! — уговаривает Зоэ.

— Нет, — возражает Селин. — Это — твоя кузина. Не хочу мешать вашей встрече.

10 минут до катастрофы

— Она работает в адвокатской конторе, — с гордостью говорит Зоэ. — Кажется, у нее суперофис на пятидесятом этаже. Только представь себе, какой вид открывается оттуда!

Стоя посреди площади Всемирного торгового центра, девушки поднимают головы к вершине южной башни.

— Не забудь сфотографировать, — напоминает Селин, протягивая одноразовый аппарат подруге.

Зоэ сует его в рюкзак и заходит в огромный вестибюль более высокой из башен-близнецов.

9 минут до катастрофы

Оставшись одна, Селин надевает ролики и уезжает кататься по приморскому бульвару. Небо чистое, и крепчающий ветер обдувает южную оконечность острова.

8 минут

Селин катается на роликовых коньках вдоль широких гранитных плит военного мемориала и убегает к паромной пристани. В руке у нее

картонный стаканчик — «Старбакс», и вкусный, и калорийный одновременно, смесь теплого сидра, жидкой карамели и взбитых сливок. На голове у нее — наушники плеера. В этом, 2001 году компания «Эппл» еще не изобрела айподы, у нее лазерный плеер, и она слушает компакт-диск Мишеля Берже. «Несколько слов любви» — эта песня из альбома, которая кажется ей самой трогательной.

7 минут

Она подъезжает к трансбордерам, что соединяют Бэттери-парк со Статен-Айлендом. Место оживляют толпа туристов, поднимающихся на борт, и жители пригорода, начинающие рабочий день.

6 минут

Среди бегунов и велосипедистов она снова поднимается на эспланаду, ведущую к Бэттери-парк, огибает миниатюрный форт Клинтон-Кастл и останавливается на миг перед магнолиями Хоп-Гарден — сада, разбитого в память жертв СПИДа.

5 минут

Она думает об удивительном незнакомце, которого оттолкнула накануне в аэропорту. Прилететь на «Конкорде», чтобы сделать ей сюрприз! Жест — явно не лишенный эффектности. Выглядело замечательно, это так по-рыцарски. На несколько минут этот человек сделал из нее героиню фильма или романа.

4 минуты

И тут она почему-то испугалась и очень резко обошлась с ним. Почему отреагировала так бурно? Теперь она горько об этом сожалела. Кто еще совершал такой поступок ради нее? В любом случае никто из тех мужчин, с которыми она встречалась до этого...

3 минуты

А если я — мужчина вашей жизни?

Человек, способный на такой поступок, испытывает такую уверенность в себе, какую не встретишь на любом углу. А она все испортила. Даже не узнала его имени, и у нее нет никакого адреса, чтобы найти его.

Ну и дура же ты!

2 минуты

Она продолжает прогулку по берегу Гудзона по эспланаде, тянущейся вдоль залива Аппер. В это красивое сентябрьское утро она просто не имеет права чувствовать грусть. Все этому препятствовало, но она хотела найти способ, как увидеться с ним еще раз. В любом другом городе мира она навсегда потеряла бы его, но здесь все обстоит иначе. Это же Нью-Йорк,

тут возможно все.

Да, здесь может произойти все, что угодно!

1 минута

Уверенно держась на роликах, она прибавляет скорость. Вдали виднеются статуя Свободы и Эллис-Айленд. Она обожает этот город, обожает это место, ветер, обдувающий лицо, полет чаек, скорость, которая ее опьяняет. Она раздвигает руки и кричит от возбуждения. Она чувствует себя свободной, красивой. Где-то в этом городе находится человек, который думает о ней. Человек, который ее желает, человек, способный обогнать время, чтобы ее найти!

0 минут

В то утро тень смерти имела крылья.

* * *

Селин

Позднее, каждый раз, когда меня будут спрашивать, что я делала «именно в момент, когда это произошло», я буду говорить о прогулке на роликах, о Бэттери-парке, о Зоэ, о песне, которую я слушала...

Но правда в том, что в тот день, когда все это случилось, я думала о тебе.

* * *

— Мама, иди посмотри!

В тот же день

В кокетливом домике парижского пригорода

Венсан, ему семнадцать лет, только что вернулся из лицея и включил телевизор. На экране грохот, паника, черный дым, тучи пыли, люди, прыгающие в пустоту.

— Иди сюда, мама! Башни Всемирного торгового центра рушатся!

Матильда, его мать, бегом врывается в гостиную. Несколько долгих секунд, ничего не понимая, смотрит на экран и думает, что идет речь о фильме, о каких-то трюках. Затем до нее доходит.

— Твоя сестра! Селин же в Нью-Йорке!

* * *

Часом позже

Запыхавшийся, с покрасневшими глазами, Тома стучит в дверь того же домика. Ему слегка за пятьдесят, на нем черный костюм, расстегнутая рубашка без галстука, браслет из хвостовых волос слона, сдержанный и показушный одновременно. Он стучит в дверь дома, который еще два года назад был и его домом, пока — после двадцати четырех лет брака — он не оставил свою жену Матильду. Процедура развода прошла плохо, два сына перестали разговаривать с ним с тех пор, как узнали, что у них есть сводный брат полутора лет от роду. Малыш, который появился у них с Татьяной, одной из продавщиц в магазине готового платья на бульваре Османн, которым он руководил. Татьяна — украинка двадцати лет с нежной кожей и с телом, гибким, как лиана, с которой он начал жизнь как будто заново. Он ее встретил, когда ему стукнуло уже пятьдесят три — двадцать кило лишних, гипертония, тревожный уровень холестерина и ощущение того, что он уже на пороге старости. Было так тяжело жить с постоянным страхом старения и смерти. Под влиянием молодой славянки все изменилось. «Виагра» пришла на место «Лексомила»,^[42] суши вытеснило жареную утку, вино «Сент-Эмильон» — кока-колу лайт, бег трусцой — охоту, последняя модель «Мини Купера» — старый «Мерседес».

Раньше он часто чувствовал себя приниженным супругой, а молодая красотка пришлась ему по вкусу и разбудила в нем юношеские чувства, которые он считал навсегда ушедшими. Он отказался от приятного комфорта взрослого человека ради импульса новой жизни, ради ощущения влюбленности и статуса молодого отца. Это было так здорово — снова оказаться в ударе — снова рука об руку, снова поцелуи врасплох, снова скрипящая под тобой кровать!

Однако он не обманывал себя: он знал, что продолжение новой жизни неопределенно, но он готов был рискнуть. Он определил для себя в качестве цели десяток лет счастья. Десяток лет, когда он сможет поспевать за ритмом жизни своей подруги. Десяток лет, когда его возраст сможет сойти за опытность, когда подарок браслета от Сваровски будет извинять его физическую слабость в определенные моменты.

За свежую кровь он платил по полной — понятная ненависть бывшей жены, которая обвиняла его в том, что он разбил жизнь семьи, построенную на доверии, враждебность сыновей, насмешки некоторых друзей, которые сами хотели бы оказаться на его месте, но при этом упрекали за то, что он позволил себе попасть в сети этой южной чертовки.

Из всей семьи только дочь Селии продолжала регулярно видаться с ним. Она не одобряла его поступка, но, по крайней мере, и не осуждала. Селин, понимавшая сердечные порывы, возможность победы страсти над разумом. Селин, которую он обожал и которой в этот момент, возможно, уже больше нет в живых...

* * *

Матильда открывает ему дверь. Она вся в слезах.

— Есть новости? — спрашивает он, задыхаясь.

— Я звонила в отель, но там не отвечают.

— А мобильный?

— У нее не трехдиапазонник. ^[43] Он не функционирует в США, но...

Матильда вновь ударяется в слезы.

— Что случилось? — кричит он.

— Мне позвонили родители Зоэ, ее коллеги...

— И что?

— ...они говорят, что их дочь собиралась зайти к кухне, которая работает во Всемирном торговом центре...

Невероятно! Почему именно сегодня?

— ...и они думают, что Селин была с ней...

Тома принимает удар. Венсан приходит к нему в гостиную вместе с Рафаэлем, старшим братом, который уже не живет здесь. В последний раз, когда он виделся со своими сыновьями, посыпались оскорбления, и дело чуть не дошло до драки. В этот вечер у них священный союз. Он обнимает своих детей, и они не отталкивают его. Ему хотелось бы взять все в свои руки, но он чувствует себя бессильным. Ничего не остается, только ждать. Часы идут, и они изнурительны. Телефон звонит каждые две минуты: родственники, друзья, все беспокоятся о Селин, не в Нью-Йорке ли она. А он отвечает всем очень сухо, упрекая, что они занимают телефон.

Телевизор работает постоянно, и они с тревогой следят за экраном, как будто весть о смерти Селин может дойти до них именно через этот канал. Говорят о нескольких тысячах погибших. Никто не знает, есть ли среди них

французы, но разве могло их там не быть? Впервые звучат слова, которые станут актуальны на целое десятилетие: борьба с терроризмом, Бен Ладен, Аль-Каида...

Матильда и дети обессиленно сидят на диване. Они испытывают состояние опустошенности, которое то и дело сменяется вспышками гнева, они делятся своими опасениями и надеждами. Тома смотрит на них украдкой. Это так странно — передышка, ощущение «восстановления семьи». В последние несколько часов язвительность, порожденная их расставанием, исчезла. Остались только двое родителей, которые отдали бы все на свете, лишь бы их дочь осталась жива, да два брата, которые буквально сходят с ума от тревоги за сестру.

Почему всегда приходится дожидаться похорон, несчастного случая, известия о неизлечимой болезни, чтобы погасить войну?

* * *

И вот в два часа ночи раздается звонок, на который уже никто не надеялся.

Он берет трубку. На другом конце провода еще не произнесли ни слова, а он уже знает, что это она — малышка Селин, та самая, которую он таскал на плечах, когда ей было три года, та самая, кого он провожал в школу или на танцы, та, которой он помогал выполнять домашние задания, та, кого он утешал, когда она печалилась.

Он включает громкую связь. Голос звучит в комнате, и это больше, чем облегчение, это — как если бы он узнал о рождении дочери во второй раз. Все хотят говорить, но ни у кого это не получается, потому что все обливаются слезами. Разговор, ведущийся с поста в консульстве, не может продолжаться вечно. Тогда все в едином порыве кричат одно и то же, и это похоже на смесь любви и жажды жизни, которая льется, словно поток: мы тебя любим, Селин. Мы тебя любим!

А потом, когда она вешает трубку, они остаются вчетвером, слившись в безмолвном объятье.

* * *

Три часа ночи

Тома выходит к жене на веранду.

Она курит. Впервые за долгие годы.

— У меня всегда есть пачка, спрятанная на кухне, — поясняет она.

— На случай неблагоприятного стечения обстоятельств?

— На случай несчастья или счастья.

Он, в свою очередь, тоже прикуривает «Мальборо». Он тоже официально давно бросил, но этот вечер — не такой, как другие.

Он улыбается Матильде и осмеливается наконец-то встретиться с ней взглядом. Промытые слезами, ее глаза сверкают успокоенным блеском. Они курят молча. И чувствуют вкус вновь найденного контакта.

— Я поеду, — вдруг говорит он.

Берет куртку и идет к машине, припаркованной в конце аллеи, усыпанной гравием.

Оборачивается и делает легкий взмах рукой.

Она несколько секунд колеблется, а потом говорит:

— Будь осторожен на обратном пути.

* * *

Манхэттен, три днями позже

Пятница, 14 сентября 2001 года

19 ч 50 мин

Итан заказывает кусок чизкейка и чайничек «Дарджилинга», потом садится на свое обычное место — за маленький мраморный столик в глубине зала.

Расположенное в самом центре Вест-сайда, кафе «Заварски» напоминает венское кафе начала XX века. Аккуратно состаренное оформление, стены, украшенные древними зеркалами, в которых отражаются копии работ Густава Климта. У пирога с орехами, у штруделя и у пончиков вкус прошлого. В середине зала скрипач наигрывает арии Моцарта, Паганини, Сен-Санса.

Итан наливает себе чашку чая и отпивает глоток, глядя в окно. Через три дня после апокалипсиса жизнь потихоньку восстанавливается. На улице, как и почти везде в городе, родственники пропавших без вести наклеили скотчем тысячи листовок, тысячи анонимных лиц, от которых нет никаких известий с утра вторника. Ниже, на юге, продолжает дотлевать огонь, распространяя резкий запах резины и горелого мяса. Пожарники

безостановочно роются в развалинах, но больше никого не нашли аж со среды.

На другой стороне улицы, на небольшой стене люди разместили цветы, детские рисунки и свечи в память о пропавших без вести из этого квартала. Непрерывный поток прохожих останавливается перед этим импровизированным мемориалом, и на несколько минут люди с волнением задумываются о жертвах, которых они, скорее всего, никогда и не встречали до этого.

Итан достает из внутреннего кармана авторучку, чтобы записать в блокнот стихотворение Йейтса, которое он только что прочитал, — оно было приклеено на столбе около пешеходного перехода:

Но я — бедняк, и у меня лишь грезы...

Я простираю грезы под ноги тебе!

Ступай легко, мои ты топчешь грезы...

Это новое поветрие, которое охватило почти всех: люди переписывают стихи, которые потом приклеивают скотчем к витринам, фонарям или автобусным остановкам. Все годится, лишь хоть как-то смягчить горечь утраты и отметить траур.

Он достает из сумки книгу. Роман, который купил в полдень во время перерыва на ланч, — «Невыносимая легкость бытия» Милана Кундеры. Книга, которую читала девушка из аэропорта. Та, ради которой он разорился и которая его оттолкнула. Несмотря на оскорбление, он не мог перестать думать о ней, и в треволнениях трех последних дней ее лицо то и дело возникало перед глазами.

Однако теперь офис не пустовал. Разрушение башен не пощадило никого. Каждый знал кого-то из погибших, и уже у многих возникла потребность в психологической помощи, чтобы преодолеть последствия психологической травмы. Все во всем сомневаются, стараются разобраться в причинах случившегося, смотрят на мир новыми глазами. Некоторые уходят в себя, другие испытывают волчий аппетит к жизни. Больше, чем раньше, склонны говорить: «Я тебя люблю».

А он?

С тех пор, как он возвратился в Нью-Йорк, одиночество давит на него. Даже если он и отказывается себе в этом признаться, он ощущает эмоциональную пустоту. Чтобы убежать от реальности, он переворачивает страницы романа, углубляется в него и останавливается на таких строках:

«Среди мужчин, гоняющихся за множеством женщин, мы можем легко различить две категории. Одни ищут во всех женщинах свой особый, субъективный и всегда один и тот же сон о женщине. Другие движимы желанием овладеть безграничным разнообразием объективного женского мира».

— Это место свободно? — спрашивает женский голос.

Не поднимая глаз, он кивает, думая, что кто-то просто хочет позаимствовать стул, стоящий напротив. Потом удивляется, ибо перед ним что-то кладут — это гигантский букет роз из шоколада и миндального теста. Визитная карточка, сопровождающая подарок... это — его карточка. Та, что он оставил итальянскому кондитеру в аэропорту.

Тогда он поднимает глаза и...

— Вы верите в любовь с первого взгляда? — спрашивает Селин, усаживаясь перед ним.

Он щурит глаза и смотрит на нее. Она продолжает:

— Я тоже еще три дня тому назад в нее не верила.

*Конечно, я доставлю тебе боль.
Конечно, ты доставишь мне боль.*

Сент-Экзюпери. Письмо Натали Палей

*Счастливые дни:
Сентябрь 2001 года — октябрь 2002 года
Итан*

Любовь неожиданно вваливается, как при взломе. Один миг — и больше ничего не существует. Вдруг все оказывается вне времени, вне нормы. И жизнь больше не пугает.

Селин

Вдруг сердце охватывает пламя, голова переворачивается, в глубине живота образуется пустота. Начинаешь жить, как в невесомости, сердце трепещет, все мысли *upside down*.^[45]

Итан

У тебя вдруг появляется новая кровь, новое сердце, более ясные мысли. Ты дышишь только ею. Потому что она освободила тебя от тебя самого.

Ты испытываешь голод по ее коже, по ее губам, запаху ее волос. Отныне именно у нее находятся ключи. От врат рая. И от врат ада.

Селин

Без него ты — лишь ожидание. Потому что он научил тебя жить быстро, потому что он научил тебя жить сильно. Ты упиваешься взаимодополняемостью, которая превращается в зависимость. Так как, в сущности, ты всегда хотела только этого — сердечных излияний, кровопролития.

Итан

А снаружи — хаос, холод, письма с бациллами сибирской язвы, вступление войск в Афганистан, обезглавленный Даниэль Перл. Но вы уже не живете в этом мире. Вы создали свой собственный алтарь, уютное королевство, которое насчитывает только двух жителей.

Селин

В наших американских ночах все — раздел и отказ. Моя голова, лежащая на его плече. Наши перепутанные волосы. Глухой шум крови в его венах. Стук его сердца, сливающийся со стуком моего.

Итан

Два дня — и она улетит на своем самолете. Я буду провожать ее в аэропорт. Каждый раз один и тот же вопрос: где взять силы ждать две недели, прежде чем увидишь ее снова?

В метро, которое возвращает меня на Манхэттен, во вкусе ее губ на моих губах.

В книге, которую она мне дала, есть подчеркнутая фраза, которая заставляет меня улыбнуться: «Это любовь делает идиотом или уже надо быть идиотом, чтобы влюбиться?»

Селин

Каждый раз, когда я уезжаю от него, пустота — словно укус. Грусть Руасси. Холодный душ настоящей жизни, которая снова побеждает.

Вечером, одна в своей постели, я разворачиваю гигантский экран. В этом кино моих мечтаний, где я — единственный зритель, я бесконечно просматриваю сцены наших встреч после разлуки.

Итан

В аэропорту я вижу, как она бежит ко мне. В моем теле — невероятный биологический взрыв, гормональный коктейль феромонов и адреналина. Это лучшее из того, что я пережил в жизни. Лучшее из того, что я когда-либо переживу. Лучше, чем концерт Моцарта, где я — в первом

ряду.

Селин

Новогодние каникулы в Нью-Йорке.

Город поскрипывает, парализованный полярным холодом. Целую неделю мы не выходим из его маленькой квартирki в Гринич-Виллидж. Сорок квадратных метров счастья: площадь страны нашей любви. В окно видны снежные хлопья, мигающий свет, иней на стеклах. Внутри — жар тел и сливающиеся дыхания.

Пир пастилы и кокосового молока.

Чтение около обогревателя.

Его книги по психологии, мои романы Модиано.

Его виниловые пластинки с саксофоном, мои компакт-диски Боно.

Итан

«Потому что я тебя люблю?»

Селин

Маленький тату-салон в Ист-Вилледж. На следующий день после того, как он в первый раз сказал мне: «Я тебя люблю». Игла бежит по моему плечу, вырезая надпись-арабеску. Индийский знак, использовавшийся членами одного древнего племени для обозначения сущности любовного чувства: часть тебя вошла в меня навсегда и поразила меня, словно яд. Телесный эпиграф, который нужно хранить, как причастие, чтобы встретить жизнь лицом к лицу, когда она станет не такой приятной.

— Вам больно? — беспокоится татуировщик.

Я смотрю на иглу, которая впрыскивает краску мне под кожу.

Это болезненно, и это успокаивает.

Как любовь.

Черные дни: октябрь 2002 года — сегодня

Итан

Это — больше, чем интуиция, это — уверенность, ужасная и неожиданная: ты представляешь опасность для Селин, так как несешь смерть. Это убеждение внезапно сваливается на тебя и прицепляется, как

дурная болезнь. Оно приходит к тебе во сне, и от него никак не избавиться, оно вызывает ужасные мигрени, от которых тошнит, и жуткие видения, от которых невозможно отделаться. Это не депрессия, не бред и не причуда. Это неизвестная, мощная и устрашающая сила, с которой невозможно сладить. Знак, посланный откуда-то, куда не хочется идти, кем-то, кого не хочется знать. Это крайняя необходимость, перед которой можно только склониться, не пытаясь понять. Голос, который безостановочно шепчет: если ты хочешь, чтобы она была жива, оставь ее!

Селин

Я не вылечусь от этой любви. Ты забрал мой свет, мою силу, мое доверие. Мои дни пусты, моя жизнь кончилась. Я просто делаю вид, что улыбаюсь, слушаю, отвечаю на вопросы. Каждый день я жду знака, жеста. Что ты вытащишь меня из этой черной дыры, в которой ты меня оставил, и что скажешь мне почему. Почему ты меня оставил?

Итан

С разбитым сердцем я спускаюсь по Пятой авеню. Чужой кипящей вокруг жизни, я позволяю потоку прохожих себя нести. Впервые энергия этого города меня уничтожает. Не поднимает меня, а впитывается в меня. Я верил, что нахожусь под защитой чувств, любви, страдания.

Но я ошибался.

Селин

Елисейские Поля. Я иду по ноябрьскому Парижу. Дождливые дни и дни грусти, несмотря на рождественскую иллюминацию. Когда теряешь любовь, теряешь все. Я избегаю взглядов, обхожу обнимающиеся пары и тех, кто держится за руки.

Крепость одиночества.

Столица боли.

В голове вдруг всплывает на поверхность фраза. 1992 год, лицей Поля Элюара. Уже далекое воспоминание об экзамене по французскому. Стихи, которые в тот момент меня не тронули, но с годами пронзают до глубины души.

Я рядом был с тобой,

Мне холодно с другими.

Быть подростком — это значит понимать, что ты не так хорош, как казалось, и считать, что в силу этого жизнь, возможно, не так прекрасна, как представлялось.

Марсель Рюфо

Манхэттен, сегодня

Суббота, 31 октября 2007 года

9 ч 40 мин

Лиззи нажала на кнопку пульта, чтобы сделать звук погромче. Она не верила своим глазам — Итан не пришел на передачу. И теперь Стивен Остин, его злейший враг, отвечает на вопросы журналистки Эн-би-си!

Хорошо поставленный и серьезный голос, пронизывающий взгляд, эта плохого качества копия Кларка Гэйбла еще выжимала из себя стареющее обаяние, поддерживая иллюзию.

Вот только перед кем?

— Эй, ты что-то переборщил с кремом для загара! — бросила ему Лиззи.

В светлом пиджаке, в белой рубашке с расстегнутым воротом и с трехдневной щетиной, Остин расхваливал достоинства своей последней книги с талантом настоящего уличного зазывалы. Он работал в этой области уже двадцать лет и наизусть выучил все приемчики — циничный и самодовольный, он ни капли не верил в то, что писал, но следовало признать, что этого совсем не было заметно на экране. Этот донжуан уровня дрянной лавчонки ненавидел Итана, которого считал главной причиной падения своей популярности. Он никогда не упускал случая нанести ему удар, и в последнее время ему это несколько раз удавалось. А теперь вообще триумф — он сподобился занять место Итана в утреннем ток-шоу, самом рейтинговом в стране!

Отсутствие патрона беспокоило Лиззи: если Итан согласился уступить свое место Остину, должно было случиться что-то очень серьезное.

Она позвонила ему на мобильный, но попала на автоответчик.

Странно.

Что же с ним случилось, если он отказался от передачи с такой огромной аудиторией? Просто проспал? Затянувшаяся пьянка? Ночной выход, закончившийся плохо?

Лиззи вдруг охватило дурное предчувствие. А если дело обстоит еще хуже? Нападение, передозировка, самоубийство...

Уже несколько недель она опасалась какой-то катастрофы. Она прекрасно понимала, что Итана заносит с каждым днем все больше и больше. Это было тревожнее, чем просто усталость или пропажа мотивации. Итан уже не верил ни в себя, ни в свои идеи. А Лиззи в качестве бессильной зрительницы смотрела, как он углубляется в этот свой упадок сил и как все это рушит мосты к светлым сторонам его личности. И она позволила ему укрыться в этом ледяном краю, где господствуют боль и одиночество.

Вот за что она упрекала себя, когда зазвонил телефон. На определителе высветился номер патрона. Она схватила трубку, не дождавшись второго звонка.

— Буду через минуту, — сообщил он, как обычно.

* * *

— Что с вами случилось?

— Если я скажу вам, что воскрес, вы же мне не поверите...

— Вы пьяны или что?

Итан пожал плечами.

— Я же сказал, что вы мне не поверите.

Но Лиззи была не настроена шутить.

— Я волновалась, представьте себе! Плюс эта передача, которую вы проворонили, — упрекнула она, указывая на телевизор. — Ваша пресс-атташе будет в ярости...

Итан с улыбкой посмотрел на экран.

— Незаменимых нет, — констатировал он. — Я уступил место старому доброму Остину, а он выкручивается вполне достойно! Всегда готов к атаке, всегда на тропе войны!

— Это вас веселит?

— Да, меня это веселит, потому что это смешно.

— Вчера вы совсем не это говорили.

— Вчера я был другим человеком. Вчера я не видел все так отчетливо.

— Это сейчас вы не видите отчетливо, — вспыхнула она, возвращаясь к себе за стол. Опустила голову, помассировала себе веки, поколебалась секунду, а затем сказала: — Слушайте, мне нужно вам кое-что сказать.

— Все, что угодно, но сперва необходимо, чтобы кое-что сказать.

— Кому?

— Той девушке, что терпеливо ждет в приемной.

— Там никого нет, — раздраженно ответила Лиззи. — Вы же сами сказали, чтобы я никому не назначала на это утро.

Огорченный, Итан сделал шаг к двери.

— Нет, там кое-кто есть, девочка, ее зовут Джесси, я это знаю, потому что я уже прожил этот...

Он резко распахнул дверь — приемная была пуста.

Это невозможно... Если день повторяется, Джесси просто обязана быть там.

Лиззи интерпретировала все это как знак. Собрала кое-какие свои вещи, сунула их в сумку и вышла из комнаты. На пороге она повернулась к Итану.

— Я обязана вам всем, — сказала она. — Без вас я бы все еще была приходящей прислугой, весила сто килограммов, и мои дети так и учились бы в этой гнилой школе...

Итан нахмурился и сделал едва уловимый жест, чтобы ее удержать. Но Лиззи его остановила.

— Если бы вы попросили меня сделать все, что угодно, я бы сделала. Если бы вы сказали мне идти черт знает куда, я бы пошла. Потому что вы — хороший человек, и у вас есть настоящий дар — внушать доверие. Но вы этот дар растрчиваете. Сейчас вы заблудились: я больше не понимаю вас и не могу вам помочь. Короче, я предоставляю вам право выбора. Либо вы берете себя в руки, и мы продолжаем идти вместе до конца, либо вы продолжаете углубляться в свой мир, и тогда я ухожу. А пока я беру отгул! — бросила она твердо.

Затем вышла, хлопнув дверью.

* * *

Итан несколько секунд стоял как вкопанный, потрясенный предательством Лиззи и отсутствием Джесси. По привычке он прикурил сигарету — это был условный рефлекс как у собаки Павлова, чтобы стимулировать мыслительный процесс. В самом начале день повторился в

точности — женщина в его постели, разбитая машина, статья в газете, поведение людей на Таймс-сквер. Но теперь события начали выбиваться из колеи — почему не пришла Джесси? Итан подумал о теории хаоса, которая стала так популярна в кино и романах подобного рода: малюсенькая причина может иметь неожиданные последствия. Он вспомнил стихотворение Бенжамена Франклина о гвозде и подкове, которое выучил еще в школе.

Почему Джесси не пришла попросить у него помощи? Что он сделал не так в начале этого дня, что могло этому воспрепятствовать? Он закрыл глаза, мысленно пробежав по обстоятельствам их первой встречи. «Я думала, что ваша работа — помогать людям». «Жизнь иногда бывает несправедливой и отвратительной». «Но я пришла к вам». «Я хотела, чтобы вы мне помогли». «Я бы хотела больше никогда не бояться». «А что тебя пугает?» «Все». «А по телевизору вы казались симпатичным»...

А по телевизору вы казались симпатичным. Вот, вот что изменилось! Сначала она должна была посмотреть передачу, на которую он не пошел в это утро, и это убедило ее сюда прийти. Он пытался восстановить события: девочка, которой совсем плохо, она на грани самоубийства, она узнала о нем из прессы, потом нашла адрес его офиса в Интернете, она стесняется прийти, но, увидев его в передаче, наконец решается. Если цепочка выстроена верно, Джесси должна быть где-то недалеко. Наверняка, она в каком-то общественном месте, где есть телевизор, настроенный на канал Эн-би-си.

Наверняка, в кафе.

Повинуясь порыву, Итан бросился на улицу. В начале этого уик-энда часть делового квартала, выходящего к порту, понемногу оживала. Это был Нью-Йорк с почтовых открыток, Нью-Йорк теснящихся небоскребов и налезających друг на друга перспектив, серебристых панелей, сверкающих под яркими солнечными лучами.

Итан инстинктивно повернулся спиной к солнцу и устремился в темную часть города, где более узкие улицы прорезали овраги среди леса из бетона, стекла и стали.

Он принялся методично заходить во все точки, которые хоть сколько-нибудь напоминали кафе: «Старбакс» на Уолл-стрит, ресторан суши, бар отеля, гастроном на Флетчере. Он уже готов был отказаться от этой идеи, как вдруг заметил мигающую вывеску. «Сторм-кафе» — именно этот логотип украшал салфетку, которую девочка уронила в приемной!

В итоге он обнаружил ее в этом кафе-магазине на Фронт-стрит, сидящую за столом около окна. Он посмотрел на нее через стекло и, не

сумев сдержаться, разволновался. Она была живой. Такой же хрупкой, светловолосой и слабой, но живой. Осталось несколько минут, чтобы понаблюдать за ней, и он испытал неожиданное облегчение. Он переживал свое горе несколько часов, и это помогло ее снова увидеть. Дрожащий силуэт в нескольких метрах от него сразу прогнал картины, которые неотступно его преследовали: выстрел, кровь, страх, ее рука в его руке в последний миг перед смертью. Она была живой, но мыслями находилась где-то в другом месте — мрачная и закрытая, взгляд в никуда, далеко от мира и жизни. Перед ней — рядом со стаканом воды — лежала «Нью-Йорк таймс», из которой она вырезала статью:

Психоаналитик,
который соблазняет Америку

Не желая стать свидетелем запланированной трагедии, Итан толкнул дверь кафе. За неимением Америки, которую можно соблазнить, он решил попытаться спасти девушку от самоубийства.

— Привет, Джесси, можно присесть?

Удивленная, девочка подняла голову и посмотрела на человека, который стоял перед ней. Не дожидаясь ответа, Итан сел, поставив на стол поднос с двумя чашками кофе, апельсиновым соком и набором печенья.

— Это для тебя, держу пари, ты голодна.

— Откуда... откуда вы меня знаете?

— Если ты меня знаешь, — заметил он, указывая на статью, — то и я могу тебя знать.

Она бросила на него подозрительный взгляд, обескураженная и в то же время готовая к разговору, который много раз мысленно себе представляла.

Итан отметил, что ее одежда помята, волосы грязные и слипшиеся, а ногти коротко пострижены. На лице девушки была заметна страшная усталость. Видимо, ночью она спала не дома, а скорее всего, не спала вообще.

На сиденье рядом с ней он с первого взгляда также заметил бледно-розовую сумку «Истпак». Сумку, в которой должен был находиться пистолет, из которого она собиралась выстрелить в себя.

— Ты хотела со мной встретиться, не правда ли?

— Откуда вы об этом знаете?

У нее был комок в горле. Но в интонации чувствовалась скорее печаль, чем вызов.

— Послушай, я знаю, что ты страдаешь, что ты боишься и что сейчас

тебе кажется, что жизнь не стоит того, чтобы ее продолжать.

Джесси открыла рот. Ее губы дрожали, но произнести что-то у нее не получалось.

Итан продолжил:

— Однако, каким бы ни было твое положение, какими бы ни были затруднения, не следует забывать, что в жизни ничего никогда не бывает окончательно, у каждой проблемы существует решение.

— Именно такой болтовней вы потчуете своих пациентов?

— Нет, — ответил он, — я действительно так думаю.

Он поймал ее взгляд. Серебристые искорки мелькали в расширенных зрачках.

— Я знаю, что в какие-то моменты ты боишься жизни больше, чем смерти. Знаю: чтобы избавиться от муки, ты все больше и чаще пытаешься спрятаться в собственном воображении. Но твое воображение тебя и губит.

Джесси сидела неподвижно, как статуя, но Итан чувствовал, что она внимательно его слушает.

— Ты не должна слушаться голоса в твоей голове, который убеждает тебя, будто смерть — это выход. Ты должна бороться, не дать страху одержать над тобой верх. Смерть — это не конец страданий и страха.

— Откуда вы можете это знать?

Итан вытащил пачку сигарет и положил на стол.

— Потому что я уже через это прошел.

Джесси не поняла, на что намекает Итан, и последовал новый вопрос:

— Что, с вами такое тоже бывало?

— Что именно?

— Что хотелось умереть.

Итан усмехнулся и помотал головой, а в это время холодная дрожь пробежала у него по позвоночнику. Он вытащил сигарету и поднес ее ко рту, как бы делая воображаемую затяжку.

— Да, — признался он, — такое со мной случилось.

* * *

— Смотри, мама, я индеец: Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хуууууууу!

— Перестань вести себя, как дурачок, Робби, и возвращайся в машину.

— Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хуууууууу!

Даунтаун Манхэттена

Перед супермаркетом «Уэлфуд»

10 ч 04 мин

С орущем младенцем на руках Мередит Джонстон загружала сумки с провизией в багажник своей машины — «Тойоты» цвета абрикоса. Маленький мальчик, наряженный индейцем, кружил вокруг нее в воинственном танце:

— Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хуууууууу!

— Робби, я сказала тебе ОСТАНОВИТЬСЯ и сесть на место!

Этот мальчишка становится невыносимым. Ему еще нет и пяти, но она уже не имеет никакой власти над ним. Да еще этот второй ребенок, который непрерывно плачет с... самого рождения — вся пять месяцев напролет. Ни одной ночи спокойной, ни единой минуты передышки. И откуда он только берет столько сил? Как он еще не охрип от своего бесконечного ора?

Мередит почти жонглировала сумками. Упаковка яблочного сока, которую она открыла в магазине, чтобы заставить Робби замолчать, вывалилась из пакета и пролилась на землю, попутно забрызгав ее замшевые туфли и чулки.

С меня хватит! С меня хватит!

— Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хууууууу! Я индееееееееец!

А ведь приходится делать вид, будто тебе все это по душе! Играть роль доброй хозяйюшки, в то время как ее муж Алан отправился на рафтинг с приятелями. И если бы это еще было правдой! А как можно быть уверенной, что он не уехал на уик-энд, например, со своей секретаршей, этой сучкой Бриттани, бомбардирующей его сообщениями по электронной почте, даже когда он дома. Но это не должно быть так! Второго мальчишку она родила, чтобы доставить удовольствие ЕМУ. Именно ОН хотел большую семью. Тогда он и должен заниматься детьми, а не прохлаждаться где-то с девчонкой двадцати двух лет.

* * *

Чтобы придать больше убедительности своим словам, Итан помогал себе жестами.

— Ты должна себе сказать, что жить — это значит рисковать.

— Рисковать? — переспросила Джесси.

Теперь она слушала его с интересом. Она была вся какая-то полупрозрачная, и взгляд казался нерешительным, но Итан заметил в нем

великодушие и сострадание.

— Рисковать столкнуться с провалом, со страданием и с потерей.

Она на секунду задумалась над его словами. А Итану захотелось добавить еще один аргумент:

— Чтобы быть счастливым, мне кажется, сперва надо пострадать. Я думаю, только сопротивляясь несчастью, можно заслужить шанс выиграть счастье.

— Легко сказать, — заметила она, пожав плечами.

— Может быть, и легко, но это правда.

— А вы-то сами счастливы?

Ошарашенный этим вопросом, Итан попытался было уйти от ответа, но потом решил говорить начистоту.

— Не совсем, — признался он, глядя ей прямо в глаза.

— Вот видите, вы и сами не способны следовать собственным советам! — бросила она с презрением. — Однако у вас есть все, насколько я понимаю, — деньги, слава, женщины...

— Все гораздо сложнее, и ты это прекрасно знаешь.

— А чего вам не хватает?

Он понял, что она перешла на стадию обсуждения.

— Главного, — искренне признался он.

— И что же это — главное?

— А ты как думаешь?

Она ничего не ответила, предполагая, что он и не ждет ответа, который сложно было бы выразить словами. Впервые с начала их разговора она, казалось, расслабилась и согласилась взять печенье, которое тут же погрузилось в чашку с кофе.

* * *

— Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хууууууу! Я индеец!

— Робби, ты просто невыносим! Понимаешь? Невыносим!

У сидевшей за рулем Мередит настроение было хуже некуда. Почему сегодня утром она чувствует себя такой подавленной? Почему ей кажется, что жизнь не удалась? Что ее жизнь — цепочка компромиссов, которые привели к краху...

— Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хуууууууу!

Работа? Сплошные стрессы и никакого креатива.

Почему тебе не хватает мужества заняться чем-то другим?

Муж? Девушкой она никогда не решалась заглядываться на парней, которые ей действительно нравились, и остановилась на тусклом и предсказуемом типе, который, нет сомнений, нагло ее обманывал.

Почему тебе не хватает мужества его бросить?

Дети? Она их любит, но они поглощают всю ее энергию.

На что ты жалуешься, ты же просто могла их не заводить!

Нет, она сошла с ума! Как можно даже подумать о таком? Ни одной матери, кроме нее, такое бы и в голову не пришло. В любом случае, об этом не прочитаешь в журналах. Секс-игрушки, оргазм, свингерство — об этом трещат каждую неделю, но ей никогда не попадалась статья, которая была бы озаглавлена как-нибудь так: «У меня дома два чудовища».

Однако это была правда, дети были очень непростыми. Младший безостановочно плакал, старший стал просто невыносим. Приходилось то менять пеленки одному, то одевать другого, то рассказывать сказку, то петь колыбельную, то вести кого-то из них в ясли, к кормилице, в школу, на футбол, на день рождения, к бабушке и дедушке, к педиатру...

Но главное — у нее не оставалось времени на саму себя. Не было времени расцвести, как-то возвыситься над этой повседневной рутинной, гиперпотреблением и домашними обязанностями, которые к тому же следовало исполнять с улыбкой. С каких, например, пор она не могла прочесть роман? Она купила последнюю книгу Филипа Рота и последнюю Халеда Хоссейни, но у нее не было времени даже их открыть. Новый фильм Кроненберга красовался на всех афишах, но она так и не смогла его посмотреть.

— Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хуууууууу! Я индеец!

Уже нет сил сказать ему, чтобы он замолчал.

Мерedit порылась в бардачке в поисках диска классической музыки: арии Генделя, спетые Магдаленой Кожена. Что-то красивое и умиротворяющее. Она уже собиралась вставить диск в проигрыватель, но тут Робби, опередив ее, принялся размахивать перед ее глазами компакт-дискom со своим любимым фильмом.

— Я хочу «Пиратов Карибского моря»!

— Не может быть и речи, — отрезала Мерedit. — Будем слушать мамину музыку.

Как и каждый раз, когда ему отказывали, мальчишка тут же заорал:

— Я хочу «Пиратов Карибского моря»! Хочу «Пиратов Карибского моря»! Хочу «Пирааааатов»!

* * *

— А по телевизору вы не казались таким усталым, — заметила Джесси.

Итан улыбнулся:

— Это говорит о том, что не надо верить всему, что видишь на экране.

— Именно это всегда говорит моя мать!

— Хорошо, в этом она права.

Она отпила кофе, глядя на Итана поверх своей чашки.

— А у вас есть дети?

— Готовишься к карьере полицейского, что ли?

— Нет, серьезно, есть или нет?

— Нет.

— Почему?

— Потому что нет, и все. Так сложилось.

Она продолжила смотреть на него, не моргая, затем отвернулась, так ничего и не сказав.

— А вот у тебя есть родители, и я уверен, что сейчас они беспокоятся...

— Да что вы знаете о моих родителях! Мои родители ни на что не способны, не способны сделать вообще ничего!

— А мне почему-то кажется, что ты их любишь.

— Вы ничего не понимаете.

— Пока ты сам маленький, обычно думаешь, что у родителей одни только достоинства, поэтому слепо их любишь. А потом начинаешь их ненавидеть, потому что они не так совершенны, как ты себе представлял, и ты в них разочаровываешься. Но еще позже ты начинаешь принимать их недостатки, потому что у тебя самого они тоже есть. Возможно, это и означает, что ты становишься взрослым.

* * *

— Мама, купишь мне айфон? — спросил Робби.

— Что?

Мередит двинулась по Фронт-стрит.

— Ты купишь мне айфон! Ты купишь мне айфон!
Ты купишь мне айфон!

— И речи быть не может, чтобы купить тебе мобильный телефон в шесть лет.

— А папа сказал, что может!

— Плевать я хотела, что тебе там говорит твой папа. Я сказала — нет.

— Нет, купишь...

— Если ты сию минуту не прекратишь, получишь по шее, ты понял?

— Если ты меня ударишь, я всем об этом расскажу, и тебя посадят в тюрьму!

Не отвечать, не включаться в его игру.

Чтобы глотнуть свежего воздуха, Мередит опустила стекло. Она старалась дышать как можно глубже, чтобы успокоиться. Еще только десять утра, а силы у нее уже на исходе. Ей необходим уик-энд полного отдыха, чтобы перезарядить батареи и хоть немного побыть в покое. Она на миг представила, что лежит в приятном комфорте массажного салона, растянувшись на животе, а две мощные руки один за другим развязывают все узлы ее напряжения, так терзающие ее плечи и шею. Карамель с шампанским нежно тает у нее во рту, а откуда-то издалека льется приятная музыка...

— Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хуууууууу! Я индеец.

Мередит вздрогнула и вернулась в реальность.

* * *

— А чего тебе не хватает в жизни?

— Того же, что и вам, — главного, — ответила Джесси.

Итан оценил ответ, хотя он был лишен конкретики.

— А я могу тебе помочь?

Он ни на минуту не забывал, что у нее с собой оружие. Пистолет, который она уже один раз приставила к своей голове, чтобы положить конец своему существованию на заре жизни. Но теперь Итан не собирался давать судьбе возможность сказать свое слово.

Джесси пожала плечами, отбросила прядь волос с лица и отвела глаза.

Итан заметил, что за все время их разговора она ни разу не улыбнулась. Ее обида и страдание были почти осязаемы. Надо было собрать всю ее боль, чтобы сделать ее своей, чтобы поглотить ее целиком. Но чтобы это сработало, нужно было найти причину ее тоски, а в таком возрасте разум очень трудно поддается расшифровке. Он знал, что в юности крайне редко к самоубийству толкает действительно трагическое

событие. Чаще всего достаточно пустяка — обиды, безотчетного страха, дурацкой ссоры, — чтобы свести счеты с жизнью.

Джесси все смотрела в окно, загипнотизированная видом бездомного, который спал тревожным сном под стеной здания напротив. Сколько времени остается до того, как его обнаружит полиция? Пять минут, десять? Четверть часа — самое большее.

— Сколько стоят ваши часы? — вдруг спросила она.

Итан инстинктивно поправил рукав куртки, чтобы спрятать свой хронометр.

— Не знаю, — ответил он, слегка смутившись. — Дорого.

— Пять тысяч долларов?

— Где-то так, — согласился он.

На самом деле часы стоили 18 тысяч долларов. Это была модель, рекламу которой он увидел в каталоге одной авиакомпании и купил сразу после посадки. Не самое приятное воспоминание о том времени, когда он считал, что это и есть настоящая роскошь — иметь возможность удовлетворить любой каприз, какова бы ни была цена.

— Отказавшись от ваших часов, вы могли бы на целый год внести арендную плату, чтобы у этого человека было жилье.

Раздраженный ее замечанием, он пожал плечами.

— Это не так просто. В твоем возрасте обычно уверены, что есть хорошие бедные, с одной стороны, и злые богатые — с другой. А потом, когда подрастаешь, поступаешь в университет и слушаешь курс по экономике! А что делаешь ты сама, чтобы помочь тем, кто страдает?

— Немногое, — согласилась она, опуская глаза к чашке кофе.

Он сразу же пожалел о том, что вспылил, но это подсказало ему, как действовать дальше.

Он снял часы и положил на стол. Это была дорожная модель, классическая и элегантная, из белого золота, с ремешком из кожи аллигатора.

— Если хочешь, они твои. И это не один, а целых три года арендной платы, о которой ты говорила.

Она нахмурилась.

— Вы что, отдаете их мне?

— Я совершаю с тобой обмен.

Она едва заметно отстранилась.

— На что?

— На пистолет, который лежит у тебя в сумке.

Она посмотрела на него с изумлением.

— Откуда вы знаете, что...
Ее охватил страх, и она резко вскочила.
— Подожди! — воскликнул он. — Ты можешь мне доверять.
— Нет! Вы все время лжете.
— Я ни разу тебе не солгал, — поклялся он.
— Я ЗНАЮ, что, по крайней мере, один раз вы мне солгали!
Она схватила свой розовый рюкзак и поставила на стол.
Но он резко бросился к ней и вырвал сумку у нее из рук.
— Я делаю это ради тебя. Чтобы ты не совершила глупость!
Странно, она даже не попыталась вернуть себе свое добро, а сразу пустилась наутек.
Уже у выхода Джесси засунула руку в карман куртки и вытащила оттуда пистолет.
— Ведь ты именно это ищешь? — зло усмехнулась она, прежде чем выскользнуть на улицу.
Вот дерьмо.
Оружие было не в ее сумке, а в кармане куртки.
Итан бросился следом за ней. Джесси оказалась недалеко, всего в нескольких метрах. Она обернулась, ускорила бег и попыталась от него оторваться.
— ОСТОРОЖНО! — закричал Итан.

* * *

— Смотри, мама, я индеец: Ху-Ху-Ху-Ху-Хуууууууу!
Мередит взяла в руки глазированный шоколадный батончик, лежавший на приборной доске.
Да пошло оно, это свинство.
Ей не удалось сбросить вес, набранный во время беременности. И неудивительно, ведь она все время ела, ища в еде успокоение, хоть и считала его иллюзорным.
Мама!
Она повернулась, вконец измученная, и закричала:
— Я поняла, Робби, ты — индеец, ты играешь в индейца!
— Мама, девочка! Переходит дорогу! ОСТОРОЖНО!..

Если человек жил так, как жил он, то есть с мыслью, что каждая минута может стать последней минутой... когда человек потерял счет таким последним минутам, нелегко привыкать к существованию, где перед тобой целая жизнь...

Эльза Триоле

— ОСТОРОЖНО!

Удар был ужасен.

Автомобиль мчался на девочку, даже не имея возможности затормозить, и врезался в нее со всего размаха. Джесси на долю секунды зависла на капоте, потом ее подбросило вверх, и она рухнула на ветровое стекло пикапа, ехавшего в противоположном направлении.

Движение остановилось само собой. На какое-то время повисла тишина, а потом в толпе раздался крик ужаса.

Незамедлительно вокруг тела девушки образовалась группа людей. Одновременно несколько человек вытащили свои мобильники, одни — чтобы снимать, другие — вызвать 911.

Потрясенные Итан и Мередит бросились к Джесси. Она неподвижно лежала посреди улицы с закрытыми глазами и мертвенно-бледным лицом.

«Скорая помощь» прибыла через несколько минут. Реанимационная команда состояла из врача, санитары и водителя, и все они опустились на колени вокруг тела, чтобы оценить положение. Молодая докторша-метиска — стажер-парамедик [\[48\]](#) — руководила всеми, точно дирижер. «Начинаем массаж сердца. Пит, снимайте с нее шмотки. Скорее же, ребята!» Подобные сцены много раз показывали по телевизору, и создавалось впечатление, что тут реальность копирует вымысел, а не наоборот. «Нет пульса на бедренной артерии. Черт, вот-вот отойдет, ребята, отходит!» Двое прибывших на место полицейских с трудом сдерживали «зрителей», с первого ряда смотревших очередную серию «Скорой помощи», которая творилась прямо у них на глаза. «Готовьте дефибриллятор. Рико, наноси гель. Да не так, блин. Есть у тебя что-нибудь в башке! И осторожней с электродами! Пит, давай. Ближе,

ни черта не видно. Ты это нарочно или как? Дай сюда пластины. Прямое положение, двести джоулей! Внимание, разряд!» Пока Джесси медленно расставалась с жизнью, Итан опустился на колени посреди улицы, чтобы подобрать пистолет, прежде чем это сделают полицейские. «Проверь пульс. Я продолжаю массаж. Освободи вену, вводим трубку, затем один миллиграмм адреналина и две ампулы кордарона. Да скорее же, Рико, не тормози!»

Молодая докторша ладонями надавливала на грудь Джесси в ритме где-то сто толчков в минуту. «Давай! Давай! Давай! Хорошо! Еще разряд. Двести джоулей. Отвалите!»

Чуть в стороне билась в истерике Мередит и, обливаясь слезами, с ужасом смотрела на то, что натворила.

— Это не ты виновата, мама, — убеждал ее Робби. — Эта девушка сама перебежала улицу, не глядя по сторонам.

Второму электрошоку удалось синхронизировать сокращения миокарда, заставив сердце снова заработать нормально, а кровь — начать циркулировать.

— Удалось, — проговорил Рико с широкой улыбкой. — Заработало!

— И что теперь, медаль тебе за это выдать? — огрызнулась докторша. Она наложила девушке шейную шину и крикнула: — Грузите ее и предупредите приемное отделение!

Что порой достаточно для смерти... Несколько секунд невнимательности, и — несчастный случай. Что порой достаточно для жизни... Несколько электрических импульсов, и сердце вновь начинает работать.

Рико и Пит заботливо уложили Джесси на носилки и поместили их в машине «Скорой помощи».

— Куда вы ее повезете? — спросил Итан.

— В Сент-Джуд, — ответил Пит, заводя двигатель. — Это рукой подать.

Первым порывом Итана было сесть в свою машину и ехать за ними, но тут толпа начала расходиться, и он заметил такси с округленными формами, припаркованное на тротуаре.

Опершись на капот, гигантский чернокожий с одним незрячим глазом курил сигарету, глядя прямо на него.

— Боже мой, во что вы играете? — резко спросил Итан.

— В игру Жизни и Судьбы, — ответил таксист.

Движение понемногу восстановилось.

— Отвезти вас? — предложил Кертис Нэвилл, открывая дверь своего старого «Чекера».

— Да идите вы ко всем чертям!

— Садитесь, мы будем в больнице через пять минут.

— Я вас не боюсь, — предупредил Итан, располагаясь на сиденье.

— Я знаю, единственный, кого вы по-настоящему боитесь, это — вы сами.

Итан оценил замечание, но и, мысли не допуская, что в нем есть хотя бы доля правды.

Кертис вел машину быстро, не заботясь ни об ограничении скорости, ни о правилах дорожного движения, как если бы эти правила его не касались.

— Вы думали ее спасти, отобрав у нее оружие?

— Я ее спас, — возразил Итан.

Кертис склонился, чтобы убавить звук допотопного приемника K7, из которого звучал ритм-энд-блюз времен «Мотаун». [\[49\]](#)

— Есть одна вещь, которую вам надо понять, Уитакер, — вы можете переживать этот день хоть миллион раз, но вы *никогда* не сможете ее спасти.

— Потому что такова ее судьба, правильно?

— Мне кажется, это очевидно: ход вещей от нас не зависит. И пытаться его изменить — это все равно что сражаться с ветряными мельницами.

— Однако я пока доказал противоположное, разве нет?

Кертис не стал спорить, ограничившись замечанием:

— Несчастье людей часто происходит из их отчаянных попыток воздействовать на то, что от них не зависит.

— Это все тот же каталог ваших стереотипов и цитат. И где вы это только откопали?

— В книжке, которую недавно прочитал, — признался Кертис и, порывшись в бардачке, достал переплетенный сборник. Продолжая вести машину, открыл книгу на странице с загнутым углом. — Вот, к примеру, что вы об этом скажете: «На самом деле у нас нет иного выбора, кроме как принимать то, что посылает нам судьба, даже если речь идет о болезни, горе или о смерти». Или вот: «Единственная вещь, которой мы действительно владеем, это — то, как мы реагируем на события, которые

нас затрагивают».

Итан знал эти фразы наизусть.

— Или вот еще, — закончил Кертис: «Научить жить — это значит научить быть свободным. А быть свободным — это значит согласиться с тем, что все должно оставаться таким, каково оно есть».

Он протянул книгу Итану. На обложке был напечатан его портрет: белоснежные зубы, голубые глаза, обработанное в фотошопе лицо.

— Вы знаете правду, поскольку она содержится в ваших же книгах, — констатировал Кертис, останавливая машину на стоянке больницы. — Но применять эти принципы к собственной жизни — это совсем другое дело, не правда ли?

* * *

Итан хлопнул дверью такси, даже не дав себе труда что-то ответить.

Он вошел в приемный покой «Скорой помощи», который был ему уже хорошо знаком, так же, как и местная работница с прической «львиная грива», у которой он справился о молодой пострадавшей, которую только что привезли.

Она направила его в травматологию, где Шино Мицуки готовился к тому, чтобы войти в оперблок. Врач, казалось, не удивился приходу Итана. Во всяком случае, у него не было времени, чтобы о чем-то расспрашивать. Девочка, которую он собирался оперировать, была в ужасном состоянии: вывих бедра, переломы ноги и ребер, разрыв кишечника...

— Я боюсь главным образом кровоизлияния в мозг, — признался он, — гематомы, кровотечения или опухоли. Не говоря об ушибах спинного мозга.

У Итана оставалось еще несколько вопросов, но хирург исчез в операционной. С тяжелым сердцем он рухнул на стул и обхватил голову руками. Он понимал, что операция будет долгой и что от него тут нет никакой пользы.

Он чувствовал себя совершенно убитым и полностью деморализованным. Когда-то, еще в Сиэтле, он учился на медика. Потом бросил, но того, что сказал Мицуки, было достаточно, чтобы понять, что шансы девушки ничтожны и даже в самом лучшем случае осложнения могут быть очень и очень тяжелыми. Он на миг закрыл глаза. И тут, точно взрыв, перед глазами встала картина — Джесси в инвалидной коляске, слюна изо рта и остекленевший взгляд.

Он в ярости стукнул кулаком по кофе-автомату, стоявшему рядом. Этот так называемый второй шанс, который ему дали, просто обман! Крестный путь повторяется один в один. Что ни сделай, ему суждено пережить все трагедии этого проклятого дня.

Он подобрал рюкзак Джесси, который валялся у него под ногами. Бледно-розовая сумка «Истпак», обклеенная этикетками и исписанная вызывающими надписями. Поколебавшись, он все-таки открыл боковой карманчик. Там оказался мини-айпод первого поколения ценой долларов сорок. Батарея была почти разряжена, но Итану хватило времени просмотреть содержание. Его очень удивило то, что он обнаружил, — там были только песни и альбомы, ставшие легендарными, которые датировались концом восьмидесятых и началом девяностых годов: «Nirvana» — «Приди таким, какой ты есть», «R.E.M.» — «Теряю веру», Шинед О'Коннор — «Ничто не сравнится с тобой», Трэйси Чэпмен — «The Que», «U2» — «Дерево Джошуа», также замечательный альбом «Unplugged», записанный Клэнтоном несколько месяцев спустя после гибели сына. А также еще более старые треки: «Led Zeppelin», Леонард Коэн, Отис Реддинг, хиты Дилана... Вся та музыка, которая звучала и в его собственной молодости, но казалась непонятной на плеере четырнадцатилетней девчонки.

Он стал исследовать дальше, открыв главное отделение рюкзака. Там оказался личный дневник, на обложке из кожзаменителя красовалась надпись: *В моей тайной жизни*. Заинтригованный, он хотел было его открыть, но этому мешал металлический висячий замочек. Смехотворная защита, которую он мог бы легко сломать, но остановился перед границей частной территории — ему бы и самому не понравилось, если бы посторонний попытался вторгнуться в пределы его *тайной жизни*.

Еще там лежали три книги карманного формата с пожелтевшими страницами: стихи Эмили Дикинсон, «Над пропастью во ржи» Сэлинджера и «Любовь во время холеры» Гарсия Маркеса.

Книги... Он сам купил такие же в юности, когда открыл для себя литературу, когда понял, что можно интересоваться чем-то еще, кроме бейсбола или «MTV», и тогда вдруг почувствовал, что некоторым образом уже больше не одинок.

Он полистал роман, оказавшийся у него в руках, и дошел до форзаца. А когда увидел заботливо выведенное там имя, кровь застыла у него в жилах. Он окаменел, как будто в нем что-то остановилось, слышались лишь глухие удары сердца, которые все ускорялись и ускорялись у него в груди.

Там стояло его собственное имя.

В конце концов, жизнь — это триллер, расследование, которое каждый ведет в самом себе, чтобы найти свои собственные теневые зоны.

Жан-Кристоф Гранже

Там стояло его имя.

Эти книги, диски — все это было его.

Даже пистолет, который он держал в руке, — «кольт 1911» с перламутровой рукояткой — тот самый, который он выиграл в покер, когда ему было девятнадцать! Он прекрасно помнил эту партию, в которой обыграл Шона Денэро, мелкую шпану из итальянской среды Бостона. Поскольку он не любил оружия, он постарался побыстрее куда-нибудь его сплавить, и Джимми забрал его себе.

Итан порылся в сумке, чтобы узнать, что там еще лежит: пакет печенья «Орео», от которого остались одни крошки, пластиковый несессер, футляр «Привет Кити». Он открыл бумажник — в нем было пусто, если не считать фотографии весьма плохого качества. На поблекшем снимке была изображена белокурая девочка в обществе родителей. Укутанная до ушей Джесси — должно быть, лет четырех-пяти — стояла, улыбаясь и обнимая снеговика, который был выше ее. По бокам стояли молодая женщина латиноамериканского типа, смотревшая прямо в объектив, как будто слегка его побаиваясь, и крепкий мужчина, глядевший на нее с нежностью.

Джесси, Мариса и Джимми...

То есть девочка, которая пришла к нему просить помощи, прежде чем покончить с собой, это дочь Марисы и Джимми!

Он не мог оторвать глаз от фотографии и вдруг осознал, что руки у него дрожат. Когда он оставил Марису, пятнадцать лет назад, он готовился к тому, чтобы на ней жениться. Вероятно, она нашла утешение с Джимми, верным другом, который доказал свою самоотверженность, женившись на брошенной невесте и родив с ней ребенка!

В общем-то, ничего удивительного.

Такой вариант не раз приходил ему в голову в последние годы. В любом случае это объясняет появление Джимми в Нью-Йорке, которое

зафиксировала камера наблюдения.

Для поисков дочери Джимми следовало разбить Манхэттен на квадраты. Джесси сбежала из дома, теперь все ясно. До боли знакомый сюжет из жизни подростка, вступившего в конфликт с родителями.

Но почему Джесси пришла именно к нему? Почему слушала его диски, читала его настольные книги, вырезала статьи, в которых говорилось о нем? Какова в этом роль ее родителей?

Он сложил вещи в рюкзак и встал со стула. Он знал только один способ выяснить, в чем тут дело, — надо было съездить в Бостон и встретиться с Марисой. Он вышел из больницы, оставив в приемном отделении свои координаты, а также записку доктору Мицуки с просьбой сообщить, как прошла операция. До его офиса было рукой подать, он дошел пешком до подземной стоянки и сел в «Мазерати».

Все еще потрясенный, он положил фотографию на приборную доску, завел двигатель и поехал по бетонному пандусу, выведившему на улицу. На снимок он смотрел больше, чем на дорогу. На заднем плане возле кривого дерева виднелись качели. Итану показалось, что он узнает место — это сад дома родителей Джимми в южном пригороде Бостона, где тот провел детство. Вот где это...

— Aaaaaaaaaaaaaaaaaa!

Он дал по тормозам, выезжая на Саут-стрит. Слишком поздно — его машина ударила в заднее колесо велосипед курьера.

Б... Да что же это такое!

Он отстегнул ремень безопасности и выскочил из машины, чтобы помочь своей жертве, подростку, который уже и сам поднимался с тротуара.

— Как вы?

— Нормалек, папаша, без проблем! Я же не сахарный!

Ну вот, он и сам совершил наезд. Секунда невнимательности, и ты убийца. В этом городе все движется слишком быстро. Тут все против тебя: пешеходы, такси, автобусы, велосипедисты. Безжалостный город, предназначенный для воинов и бойцов, он требует бдительности каждую секунду.

— Вы уверены, что все нормально? — продолжал допытываться Итан.

— Да говорю же — нормалек. Я ж не хрустальное яичко!

Молодой курьер осмотрел свой велосипед. Итан протянул ему

стодолларовую купюру.

— Послушайте, колесо, возможно, погнулось, возьмите, пожалуйста. И вот моя визитка, если возникнут какие-то осложнения.

Служащий взял купюру и вдруг воскликнул:

— Эй! Да вы что — тот тип из телевизора, ну этот, психоаналитик?

Итан не стал этого отрицать.

— Моя сестра вообще от вас фанатеет.

«Моя мать прочла все ваши книги». «Моя дочь считает ваши семинары просто прекрасными». «Моя секретарша коллекционирует ваши DVD». «Моя жена проводит каждый вечер с вами, ну, то есть с вашими книжками». Вот что ему обычно говорили мужчины. Можно подумать, что он пишет только для женщин...

— Офигеть, — снова сказал курьер, — а ведь я как раз к вам в офис! У меня для вас письмо.

Он порылся в сумке и протянул Итану конверт из плотной бумаги цвета миндаля, перевязанный лентой.

Приглашение на бракосочетание Селин...

— А у вас случайно нет с собой вашей книжки? — спросил подросток. — Если бы вы мне ее надписали для моей...

— Для вашей сестры, так?

— Да, ее зовут Триша.

В бардачке «Мазерати» Итан нашел экземпляр своей последней книги с подборкой газетных вырезок, приготовленной Лиззи накануне для передачи.

— А вот это письмо, — спросил он, показывая на приглашение, — кто вам его передал?

— Консьерж французского отеля на 44-й улице, между Пятой и...

— «Софитель»?

— Ну да.

Итан подписал книжку и попрощался с курьером.

Оставшись один, он встал на двойной линии и включил аварийку. Ему нужно было собраться с мыслями. Перед ним были фотография Джесси и уведомление о свадьбе Селин. Он взглянул на часы: скоро полдень. Если он сейчас поедет в Бостон, ему никак не вернуться на Манхэттен до 9 вечера. Придется выбирать: кого увидеть — Селин или Марису? Если у него действительно только один день, кому следует его посвятить? Конечно же, Селин. Он решил не думать об ужасном предчувствии насчет опасности, которую он представляет для нее, которое мучило его «накануне». Он подумает об этом потом, если у него будет это потом. Пока же у него только

одна цель: увидеть ее еще раз. Он может найти ее в гостинице меньше чем через четверть часа. На этот раз он чувствовал, что готов снова любить.

Столько лет вдали от нее. Столько времени, потраченного на победы в сражениях, которые теперь казались ему иллюзорными. Он прошел мимо *главного*, но сейчас это главное всего на расстоянии вытянутой руки, и он решил никогда больше не бросаться такими вещами.

Он снова завел двигатель и взял курс на Мидтаун.

Когда жизнь предлагает второй шанс, надо быть идиотом, чтобы его проворонить.

* * *

Проблемой, однако, оставалась фотография. Золотистые волосы девочки и ее слишком светлые глаза, в которых не было ничего общего с глазами ни Марисы, ни Джимми. Оставались проблемы в жизни подростка, которым она стала, и ее психическая неустойчивость. Самый сложный возраст: между четырнадцатью и пятнадцатью годами...

Итан снова поднял стекло своей машины. Он внезапно почувствовал, что замерз. А потом вдруг понял, что по щекам у него текут слезы.

Тогда он включил навигатор и задал направление на Триборо-Бридж, чтобы ехать в Бостон.

До сих пор он пытался не говорить себе правды. Вчера он вообще не знал о существовании Джесси. Но, в сущности, разве он не разгадал этого с первой же секунды, с первого взгляда, которым они с ней обменялись?

Теперь все было ясно.

Джесси вовсе не дочь Джимми.

Это его дочь.

Друг всем — ничей друг.

Аристотель

Пятнадцать лет назад

Меня зовут Джимми Кавалетти, мне 23 года.

Октябрь 1992 года, я иду по тротуару Тайм-сквер, вокруг крики, музыка и запахов хот-догов. Рядом со мной — Мариса, невеста Итана, моего лучшего друга, который идет за нами в нескольких метрах. Сегодня — день его рождения. Чтобы сделать ему сюрприз, Мариса пришла к концу рабочего дня к нам на работу, и мы приехали сюда из Бостона на нашем старом «Мустанге», выполненном по индивидуальному заказу.

До этого я заказал столик у «Ростбиз», чтобы быть уверенным в том, что нам подадут нашу любимую еду: гамбургер с ананасом и с хрустящей ветчиной.

Я оборачиваюсь к своему другу.

— Эй! Итан! Поторопись!

Он делает мне знак, чтобы я не беспокоился. Толпа, однако, довольно плотная, она тащит нас, как волна, которой трудно противостоять. На тротуарах что-то вроде передвижного цирка: фокусник достает и заставляет исчезать кроликов, карлик показывает питона длиной в полтора метра, стриптизерша показывает что-то совсем другое. Старый продавец хот-догов только что включил свою шарманку, из которой доносится песня Элвиса: «Теперь или никогда».

Теперь или никогда.

Я не очень представлял себе, что купить в подарок. Будь это мой день рождения, я бы хотел получить последний альбом «Red Hot Chili Peppers», но не думаю, что это действительно доставило бы удовольствие Итану. А вот что точно доставило бы ему удовольствие, так это подписка на «Нью-Йорк таймс». Я узнавал цену, но это оказалось слишком дорого. Тогда я выбрал в книжном магазине книгу об истории президентов США.

Надо сказать, Итан все время читает. На стройке друзья дразнят его «ботаником», но на самом деле очень довольны, когда он добивается для

нас перерывов или повышения премий, ведя переговоры с мастером. Я вижу, какой он умный. Он замечает то, что другие не видят. Он читает, потому что он умный, а умный он, потому что читает. Хорошо бы все те знания, которые он находит в книгах, потом использовал практически. Взять, к примеру, покер. Книги о покере пестрят математическими формулами, голову сломаешь. Я думаю, множество народу покупает эти книги, но лишь немногие их читают, и уж совсем мало таких, кто что-то в них понял. А Итан все понял, и это приносит нам немало денег, когда мы по вечерам в субботу играем в паре в задних помещениях некоторых ресторанов. Именно благодаря этому мы и смогли купить «Мустанг», а также оплатили места, чтобы два раза в месяц смотреть, как играют «Ред Сокс».^[50]

Часто в выходные он сопровождает меня на стадион. Пьем пиво с друзьями, едим пиццу, затем тащимся в «Квинси Маркет». Я знаю, что он предпочел бы провести вторую половину дня в городской библиотеке, но остается со мной, чтобы доставить удовольствие мне. А я иногда делаю вид, что хочу пойти в библиотеку, чтобы, в свою очередь, сделать приятное ему. Он знает, что это неправда, и я знаю, что он знает, что я знаю. Но даже если все это кажется слишком сложным, по сути все очень просто, ведь именно это и называется дружбой.

Мариса и Итан — звездная пара. Мариса считалась самой крутой в нашем бывшем лицее. Раньше она крутила со Стивом Марино, звездой футбольной команды. Но в последний год Итану удалось ее отбить. Хотя он был не такой высокий, не такой красивый и не такой крепкий, как Стив. Но, как он мне однажды сказал: «Вот доказательство, что ум может иногда победить силу». Мариса — странная девушка. Тоже умная, но по-другому, чем Итан. У нее скорее практическое чутье, она отлично ориентируется в жизни. Иногда бывает очень жесткой и циничной, но она знает, куда как следует рулить. Как-то раз я очень удивился, услышав ее разговор с подружкой, которой она объясняла, что отношения с Итаном — это для нее «задел на будущее». Тогда я не очень ее понял.

Настроение постепенно ухудшается. Дойдя до 50-й улицы, мы с Марисой останавливаемся, чтобы пропустить поток машин. Хором оборачиваемся, чтобы посмотреть, где Итан. А потом так и стоим там долго-долго, а вокруг все эти неоновые вывески, светящиеся экраны, непрерывный поток машин и вой полицейских сирен.

Мы стоим там до тех пор, пока не становится окончательно ясно: Итан исчез.

Манхэттен
Октябрь 1992 года
6 часов утра

Я искал его всю ночь — в ресторане, в магазинах и барах, которые у нас была привычка посещать. Позвонил родителям, чтобы узнать, не оставил ли он сообщение. Даже сходил в полицейский участок, но у них там оказались дела поважнее. Мариса осталась около «Мустанга». Если бы Итан просто потерялся, он вернулся бы к месту, где мы припарковались. Мы прождали до рассвета. И в конце концов уехали из Нью-Йорка рано утром, когда над Манхэттеном вставал бледно-розовый рассвет.

На обратном пути Мариса вела себя странно. Сам я весь истерзался, а она казалась скорее подавленной, чем измученной. Было впечатление, что она смирилась с исчезновением будущего мужа, причем с каким-то странным фатализмом. Что до меня, я представлял себе самое худшее — несчастный случай, нападение, похищение...

— Нужно, чтобы ты кое-что узнал, — вдруг сказала она.

— Что именно?

— Возможно, твой друг совсем не тот человек, каким тебе кажется.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты что, не понимаешь, что он слинял? Не понимаешь, что он больше не мог все это терпеть? Не понимаешь, что ему нечего делать среди нас?

— Ты говоришь черт знает что.

— Мы его больше не увидим, Джимми. Голову даю на отсечение.

— Но как ты можешь говорить так о человеке, за которого собиралась замуж!

Она хотела было что-то ответить, но тут ее вдруг прорвало. И я в первый раз увидел, как она плачет. Это длилось, наверное, с минуту, а потом она вытащила из кармана платок, шмыгнула носом и призналась:

— Я уже много раз переживала этот сценарий в своих кошмарах. Я всегда знала, что когда-нибудь Итан сбежит. И лишь надеялась, что это произойдет как можно позже...

Всю оставшуюся дорогу мы не обменялись и словом. Только незадолго до Бостона я спросил:

— Послушай, а в чем заключался твой сюрприз?

— Что?

— Что ты собиралась сообщить ему за десертом?

Она повернула голову. Лучи оранжевого солнца освещали ее, как гравюру. Она помедлила несколько секунд, а потом сказала:

— Что я беременна.

* * *

Ноябрь 1992-го — апрель 1993 года

Несколько недель я постоянно ездил в Нью-Йорк. Провел настоящее расследование, расспрашивал всех, кто мог видеть Итана, — служащих вокзала, шоферов автобуса, полицейских, обошел все больницы, полицейские участки, морги, приюты для бездомных, станции различных служб.

Я отказывался верить в версию Марисы. Итан никогда не уехал бы, не предупредив меня об этом, не сказав ни слова, не сделав ни знака. Шесть лет назад, после смерти его родителей, а они умерли один за другим с перерывом в несколько месяцев, он перешел жить к нам, и я считал его практически братом.

Конечно, я не раз говорил себе, что он теряет с нами время, что это глупость, что он бросил университет, не окончив. Однако чисто эгоистически я был очень рад тому, что имел возможность общаться с ним каждый день. Это правда, в нем была какая-то тайна. Иногда, бывало, он мог застыть на целых полчаса, уставившись в одну точку, словно находится в какой-то другой реальности. Где он был в такие моменты? И с кем?

Через несколько недель я просмотрел корреспонденцию, которую присылал ему банк. И с удивлением узнал, что у него немало денег на счете — почти 30 тысяч долларов. И сомнений не было: это он выиграл в покер, когда играл без меня. Я посмотрел списание со счета по его кредитной карточке: там были покупки, осуществленные в Филадельфии, в Вашингтоне, затем целых несколько недель в Чикаго. К сожалению, вскоре после Рождества счет был закрыт.

В конце концов, я напал на его след весной 1993 года через наш бывший лицей. Университет Сиэтла просил переслать его досье, чтобы произвести там новую запись.

Не сказав ни слова родителям и Марисе, я снял деньги со своего счета и купил билет на самолет до Сиэтла. Поехал в кампус, где находилась масса

студентов. В то время писк моды был «гранж», так что вовсе не нужно было быть хорошо одетым, чтобы произвести впечатление.

Я обнаружил его в университетском парке болтающим с другими студентами на газоне. Наверное, он увидел меня еще издалека, потому что сразу же пошел навстречу, не дав мне приблизиться к их группе.

— Откуда ты тут взялся, Джимми?

Это был уже совсем не тот Итан, которого я знал. Он похудел, подстригся и носил куртку, рубашку и брюки, а вовсе не джинсы.

— Что произошло?

— Ты бы все равно меня не понял, — ответил он, качая головой.

— Но хоть объясни, по крайней мере!

— Что ты хочешь, чтобы я тебе объяснил, блин! Я там просто задыхался! Меня задолбало торчать на этих стройках с типами, которые не прочли ни одной книги, которых ничего не интересует, у которых нет ни грамма культуры. Я бы просто сдох там — без будущего, без новых планов, без мечты!

— И ты...

— Раскрой глаза, Джимми! Найди смысл для своей жизни. Не будь слишком мягким с окружающими. Думай сначала о себе, а уже потом о других.

Он даже не спросил о Марисе или о моих родителях. Он просто перечеркнул нас и все то, что было когда-то его жизнью.

Но прежде чем уйти, он все же спросил:

— Скажи мне хоть одну причину, почему мне надо вернуться.

Я открыл было рот и уже готов был произнести: *Мариса беременна. У вас на будущей неделе родится девочка.* Возможно, он и вернулся бы, а может, и нет.

Но в итоге я решил сделать именно то, что он сам мне посоветовал: я подумал о себе, а потом уже — о нем.

А еще я подумал о Марисе, которую тайно любил.

И уехал, так ничего ему и не сказав.

В самолете, на котором возвращался в Бостон, я принялся придумывать имена для малышки.

Имена для своей дочки.

Так мы и пытаемся плыть вперед, борясь с течением, а оно все сносит и сносит наши суденышки обратно в прошлое.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Сегодня

Пригород южного Бостона

16 часов

Итан проехал 350 километров без единой остановки.

Припарковал «Мазерати» у тротуара на пересечении Хоуп-стрит и Джой-стрит — улицы Надежды и улицы Радости.

«Самые гнилые места всегда носят самые оптимистические названия», — подумал он, захлопывая дверь.

Небо было низкое и серое. Он нервно закурил сигарету, поднял воротник, чтобы защитить себя от ветра, и двинулся по улице, на которой прошла его молодость.

Место выглядело еще хуже, чем ему помнилось. За пятнадцать лет квартал не видел ни реконструкции, ни *социального облагораживания*. Он пострадал из-за ипотечного кризиса, о чем свидетельствовали брошенные на произвол судьбы сады, фасады и заколоченные окна. На тротуарах стояли остовы стиральных машин, клеенчатая мебель, дешевые безделушки, сваленные в коробки, — жалкие следы чьей-то жизни, мерный ход которой был прерван поспешным выселением.

Падение *ставок* потрясло мировые биржи только этим летом, но здесь уже вовсю бушевал кризис. Три последних года целая группа судебных исполнителей трудилась тут не покладая рук. Выселение шло за выселениями, постепенно превращая квартал в царство самозахвата квартир и развалин, которые неожиданно стали убежищем для наркоторговцев и бандитских шайк.

Пока кризис затрагивал только самые бедные слои, это никого не волновало. Но когда вздрогнула Уолл-стрит, весь мир запаниковал.

Классический вариант.

Итан затоптал окурок и на ходу прикурил следующую сигарету. Будь такая возможность, он не отказался бы от стакана виски или глотка водки.

Вот она — обратная сторона Америки — Америки *работающих бедняков*,^[51] оставшейся на полосе аварийной остановки, той страны, которую редко увидишь в фильмах, которая играет в «Американскую мечту», но которой никогда не выпадают счастливые номера.

Той, откуда он так стремился сбежать.

Он на несколько секунд задержался у своего бывшего дома, который снимали его родители. На этом заброшенном жилище красовался щит: «Too late! No Copper! No Boiler!»,^[52] предупреждавший возможных грабителей, что их уже опередили; В голове у него закопошились воспоминания — беспорядочные и запутанные.

Не позволяя себе углубиться в ностальгию, Итан двинулся дальше. Собаки злобно лаяли из-за проволочных сеток. На залитой гудроном площадке с десятков высоченных подростков играли в баскетбол, сменяя друг друга у выдавшего виды «Саундбластера», из которого неслся рэп в стиле «блинг-блинг».

Чуть дальше, сидя на невысокой стене, чернокожая девушка что-то печатала на устаревшем портативном компьютере цвета мандарина. Какая-то подозрительная прическа, белая блузка, поддельный пуловер фирмы «Ральф Лорен», гордый взгляд, в котором читается желание находиться в другом месте. Итан прищурился, чтобы разглядеть, что за книгу она читает: «Сердце — одинокий охотник» Карсон Маккалерс.^[53] Эта девушка — это он сам двадцать лет тому назад...

Он миновал перекресток Парк-стрит. Старик, поливавший сад, нарочно его обрызгал, одарив беззубой улыбкой: старый Митчелл, оказывается, еще жив! Он уже был стариком пятнадцать лет назад и, как ни странно, оказался единственным, кого изменения не коснулись.

Наконец, Итан оказался в десятке метров от дома номер 120 — дома родителей Джимми. От дома, где он провел последние шесть лет своей жизни в Бостоне.

Посреди газона торчал шест с поблекшим американским флагом, больше похожим на лохмотья. На веранде женщина развешивала белье, а по радио неслся старый рок Спрингстина.

Я не узнавал сам себя...

...На улицах Филадельфии.

Воздух был тяжелый и влажный, как будто надвигался дождь. Витая мыслями где-то в другом месте, Мариса выравнивала прищепки на нейлоновой веревке. Она думала о своей дочери Джесси, со вчерашнего вечера не появлявшейся дома, о своем муже Джимми, уехавшем искать ее в Нью-Йорк, а также о том типе из банка, который явился сегодня утром и сообщил, что дом подлежит конфискации. Не стоило его покупать после смерти родителей Джимми, когда владельцы выставили на продажу. Надо было уехать как можно дальше отсюда, но муж так настаивал! И поначалу, правда, все действительно складывалось хорошо, но вот уже полгода, как не удавалось вносить выплату в срок. Как и большинство местных жителей, они стали жертвами кризиса. Какая же это была глупость — перевести заем в 250 тысяч долларов на 25 лет с фиксированной процентной ставкой в заем с подвижной процентной ставкой. В первое время это позволило экономить несколько сотен долларов в месяц, которые тут же реинвестировались в строительное предприятие, которое создал Джимми. Затем ставки выросли, заставив подпрыгнуть и ежемесячные взносы. Мариса стала брать сверхурочную работу в мотеле, а Джимми уволил двух рабочих. Но и этого оказалось недостаточно, и тогда она решила воспользоваться вкладом, который они завели на учебу дочери.

Все напрасно.

Она попробовала обратиться в банк, чтобы получить рассрочку, но это не помогло. Ее кредит переуступили брокеру, затем — другим кредитным организациям. За неимением лучшего, она пробовала нанять адвоката, но получила в результате только дополнительные счета. И все это лишь потому, что она не знала точное значение терминов, напечатанных маленькими буквами в контракте, который она подписала.

В последние месяцы в ней поселился страх: Джимми бился изо всех сил, чтобы как-то решить проблему, и стал ужасно раздражительным, у Джесси трудный возраст, их дом вот-вот отберут и продадут с аукциона по смехотворной цене. Но со вчерашнего вечера тревога уступила место панике, когда дочь...

Она оборвала свои размышления. На улице стоял человек и смотрел на нее. Человек, которого она не видела уже больше пятнадцати лет, в течение которых каждый день надеялась получить от него хоть какую-то весточку.

И в то же время этого опасалась.

Молния разрезала горизонт, тут же послышались раскаты грома. Итан открыл калитку и двинулся по аллее.

— Мариса! — проговорил он неопределенным тоном.

Он смотрел на свою бывшую невесту с сочувствием и удивлением одновременно. Ей было столько же, сколько ему, — тридцать восемь, — но она казалась старше, спина ее слегка сгорбилась, ранние морщины легли на лицо.

— Я знаю, о чем ты подумал, — сказала она, словно прочитав его мысли. — Но ведь тебе уже не двадцать, если честно, и выглядишь ты старше, чем в телевизоре.

Снова загремел гром, усиливая ощущение тревоги.

— Если ты тут, значит, ты виделся с Джимми, верно?

Он с трудом скрывал беспокойство.

— Нет, — тихо сказал он, — я встретился с Джесси.

— Ты ее привез?

В ее голосе послышался проблеск надежды. Итан сокрушенно покачал головой.

— Тогда где же она?

Он едва заметно поколебался, а затем сказал:

— Не знаю.

Ему не хватало мужества сообщить Марисе, что жизнь ее дочери висит на волоске, что она на операционном столе в больнице. Главным образом, лелеял надежду, что состояние Джесси, возможно, и не так серьезно, как ему показалось, и что все как-то устроится.

— Почему она сбежала? — спросил он.

— Это не твое дело, — огрызнулась Мариса.

Назревавшая гроза наконец разразилась проливным дождем, сопровождаемым молниями и раскатами грома.

— Почему ты мне ничего не сказала? — спросил он, поднимаясь на веранду.

Поскольку она не отвечала, он вновь повторил вопрос:

— Почему ты мне не сказала, что беременна?

Она посмотрела ему в глаза.

— Потому что ты не дал мне времени.

— Нет, Мариса, это слишком легко — переложить ответственность на меня!

— Послушай, Итан, этот ребенок, ты его не хотел и...

Он перебил ее:

— Возможно, и не хотел, но это я — ее отец, и я имел право знать!

Молнии еще сверкали на небе, но гроза как-то внезапно стала удаляться, оставляя за собой тяжелую и гнетущую атмосферу. Мариса потерла глаза, отгоняя усталость.

— Нет, Итан, может, ты и дал ей жизнь, но отцом ты ей не являешься.

— Отчего же!

— Это Джимми растил ее четырнадцать лет. А ты, ты-то что сделал? Ты ее не кормил, не укачивал, не успокаивал, когда она боялась...

Он бросился к ней и резко встряхнул:

— А как, по-твоему, я должен был этим заниматься? Я даже не знал о ее существовании!

Он сжимал ее руку все сильнее и сильнее, как будто это могло помешать ей говорить, но она прокричала ему прямо в лицо:

— Давай, ну ударь меня теперь! Ведь ты только это и умеешь: причинять зло!

— Как бы то ни было, когда у Джесси возникли проблемы, позвонила она именно мне!

Она попыталась высвободиться, и он ослабил хватку, вдруг поняв, что перегнул палку.

Мариса убежала в дом, и Итан со вздохом опустился на ступени веранды.

На что он надеялся, приезжая сюда? Что его примут с распростертыми объятиями? Так бы и произошло, если бы не недобрая память, которую он оставил по себе и которая с годами только усилилась.

* * *

— Года четыре или пять назад к нам приходила какая-то женщина...

Итан обернулся. Мариса вернулась на террасу. По-видимому, она успокоилась и говорила что-то у него за спиной.

— ...это была француженка, — продолжала она, — она называла свое имя, но я забыла...

Селин...

Селин, которая не слишком-то много знала о его прошлом, приезжала в Бостон! А он об этом и не подозревал.

— Чего она хотела? — спросил он, стараясь скрыть волнение.

— Не знаю. Ей хотелось «тебя понять», вот что она мне сказала. Единственное, что я поняла, так это то, что ты ее тоже бросил без всяких объяснений, видно, уже вошло в привычку.

— И что ты ей сказала?

— Правду.

— Твою правду, — поправил ее он.

— Возможно, но самое удивительное...

— Что?

— Что у меня сложилось впечатление, что даже после этого ты был для нее еще дорог.

Итан опустил голову, зажег сигарету и медленно закурил. Его взгляд был устремлен в какую-то точку за стеной черных облаков, застилавших горизонт.

— Кстати, я хотела вернуть это тебе!

Он повернулся, чтобы грудью принять снаряд, который ему бросала Мариса. Это оказалась спортивная сумка из искусственной кожи, украшенная полустертым логотипом Олимпийских игр в Лос-Анджелесе 1984 года.

— Что это такое?

— Открой.

Он раскрыл молнию: сумка была наполнена банковскими билетами, пятидесяти- и стодолларовыми купюрами.

— Это тебе, тут все деньги, что ты посылал Джимми в течение десяти лет. Эквивалент твоего месячного перечисления на его счет: восемьсот долларов в месяц вначале, затем по две тысячи долларов, когда тебя начали показывать по телевизору...

Итан поставил сумку на пластиковый стол. Мариса продолжала:

— Можешь пересчитать, тут все точно — сто сорок восемь тысяч долларов. Именно в такую сумму ты оценил свою провинность? Именно это помогало тебе спать спокойно? А ты как думал? Что тут все только и ждут твоей милостыни, чтобы выжить?

Он попытался ее успокоить, но бесполезно.

— Тебе, наверно, было забавно играть в доброго самаритянина?

— Я просто хотел вам помочь, — попытался оправдаться Итан.

— Но ты не должен был нам помогать! Захотел уйти, так иди до конца, старина: надо было порвать отношения окончательно! Но нет, на это тебе мужества не хватило...

Мариса схватила сумку и потрясла ей перед его лицом.

— Ты знаешь, у меня сейчас каждый доллар на счету, я по уши в долгах, у меня наверняка отберут дом, но я предпочту лучше сдохнуть, чем прикоснуться к твоим деньгам!

Охваченная гневом, она открыла сумку и перевернула ее, освобождая

сотни купюр, которые полетели, подхваченные ветром, как туча диких птиц.

— Если ты действительно хочешь мне помочь, Итан, привези мою дочь и моего мужа. Это все, о чем я тебя прошу.

Ветер внезапно опять сменился дождем. Вдалеке залаяла собака.

Сраженный неумолимыми словами Марисы, Итан спустился по лестнице и пошел по Хоуп-стрит обратно к своей машине.

Испуская дикие крики, баскетболисты, покинувшие площадку во время грозы, гонялись как сумасшедшие за купюрами, которые ветер носил, словно опавшие листья.

Укрывшись под навесом автобусной остановки, девушка с компьютером молча смотрела на них. Она прижимала к груди книгу. На обложке романа была напечатана черно-белая фотография: сороковые годы, одинокая и грустная молодая женщина.

Хрупкое благословение от Карсон Маккалерс...

Есть потухшие звезды, которые продолжают сверкать, потому что их свет попал в ловушку времени.

Дон Делимо

Сегодня

20 ч 45 мин

Участок автомагистрали штата Нью-Йорк

Ночь уже давно наступила.

Итан, словно в лихорадке, гнал машину в направлении к Манхэттену, методично следуя указателям по ограничению скорости. Каждые две минуты он бросал обеспокоенный взгляд на экран телефона в ожидании оптимистичного сообщения от Шино Мицуки о состоянии Джесси. Три часа раньше он получил лаконичный текст: СОСТОЯНИЕ СТАБИЛЬНОЕ — ОПЕРАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Он на ходу позвонил в больницу, но врач не взял трубку.

Разговор с Марисой глубоко его затронул. С годами она сосредоточила на нем все свои обиды, всю свою горечь и все свои поражения, дошло до того, что она отказывалась признавать за ним даже право отцовства на дочь. Но он смог бы ее переубедить. Его не было рядом в первые пятнадцать лет жизни Джесси, но он собирается посвятить ей теперь. Еще не поздно. При условии, что они выживут в этот безумный день.

Итан притормозил и взял левее, чтобы не пропустить поворот на Со-Милз-Паркуэй.^[54] Указатель уровня бензина давно уже моргал, и пришлось сделать остановку на бензоколонке. Пока служащий занимался его «Мазерати», он побежал в туалет, чтобы плеснуть себе воды на лицо. В голове вертелся один и тот же вопрос: что он сделал бы пятнадцать лет назад, если бы Джимми рассказал ему, что Мариса беременна? Возвратился бы в Бостон, чтобы взять на себя роль отца, или остался в Сиэтле, продолжая свою новую жизнь?

Он долго смотрел на свое отражение в зеркале, висевшем над умывальником, как если бы ответ был написан в складках его морщин, в отблесках его глаз или складках губ. По правде говоря, он не знал.

Невозможно переписать историю. Кто может с уверенностью сказать, как бы он повел себя в иных обстоятельствах? Никто...

Не найдя удовлетворительного ответа, он вышел из туалета и бросил монету в аппарат с горячими напитками. Бензоколонка была украшена в духе Хэллоуина: оранжевые гирлянды, тыквы со свечками, шляпы колдунов, страшные маски из фильма «Крик». Возле журналов стоял последний том «Гарри Поттера», остальные занимали весь отдел книг, затмевая даже звезду Стивена Кинга. Итан взял горячий капучино и выпил перед тем, как ехать дальше в ночь. Его беспокоило только одно: побыстрее добраться до больницы, чтобы оказаться рядом со своей дочерью. Он зажег ...надцатую сигарету. «Завтра брошу. Если я останусь жив, на этот раз брошу, клянусь». — И он открыл дверь машины.

Уже на подъезде к Манхэттену машина стала проявлять первые признаки недомогания: то же шипение виниловой пластинки, что и в прошлый раз. Итана это не особенно удивило: раз день повторялся, ничего удивительного, что с «Мазерати» происходят те же неприятности. Все прошло хорошо, ему повезло, и машина смогла довезти его до Бостона и вернуться обратно. Поскольку до его дома было ближе, чем до больницы, он понадеялся, что есть шанс добраться до приморского курортного комплекса, прежде чем машина окончательно сдохнет. Если это получится, он сможет пересесть на мотоцикл, который он держал в одном из маленьких гаражей в глубине паркинга.

* * *

— Не жарко, да?

Итан только что вышел из машины, радуясь тому, что удалось доехать благополучно, и повернулся на голос, который обращался к нему.

Сильный удар кулака пришелся прямо в печень, и у него перехватило дыхание. Второй удар в челюсть свалил его с ног. Квадратные лица в черных очках и агрессивность церберов — два Терминатора подняли его и скрутили ему руки.

Банда Джардино! А я о них уже и забыл!

А вот они о нем не забыли.

Несмотря на холод, у Серба под смокингом по-прежнему не было рубашки. Для начала он нанес Итану сильный удар кулаком в область желудка.

— Мисс Джардино ждет свои деньги уже две недели, — сообщил он,

наклонив голову.

— Хорошо, твою пластинку уже начало заедать!

Наемник нахмурился, не понимая смысла реплики.

Чтобы скрыть тревогу, он сжал кулак и предупредил:

— Умоешься кровью!

Наносить удары — вот это он действительно умел.

— Ты будешь очень долго умыться кровью!

С первых же ударов Итан почувствовал слабость. Его тело еще хранило следы предыдущего избиения. Но этот нюанс ускользнул от громилы, который лишь удвоил свой пыл. Избиение было тем более легким, что Итан был связан по рукам и ногам, с обеих сторон сдерживаемый двумя Голиафами, одновременно демонстрировавшими совершенство тисков и дробильной машины.

И тут все изменилось. Кто-то, скрывавшийся между двумя автомобилями, вдруг метнулся из тьмы и бросился на Серба, опрокинув его разъяренным ударом кулака.

События приняли неожиданный оборот. Чтобы помочь патрону, обе гориллы разом ослабили хватку, и Итан рухнул на асфальт. Рот в крови, заплывшие веки, безвольное тело на асфальте — он смотрел, ничего не понимая, на то, что происходило перед его глазами. Кто этот тип, возникший ниоткуда? Почему бросился к нему на помощь? Он с трудом поднялся и сощурил глаза. При избиении он потерял контактную линзу и теперь почти не видел в темноте. Ничего неожиданного — его «спасителя» эти звери просто уничтожали. Бой с такими противниками невозможно выиграть, если у тебя нет оружия. Занятые другим делом, три амбала сразу забыли про Итана, и тот целых нескольких секунд имел возможность сбежать. Шансом, однако, не воспользовался, ведь он не мог бросить...

Джимми!

Он оцепенел. Это был Джимми!

Джимми — это его утюжили сейчас эти дорожные катки.

Есть бои, которые невозможно выиграть, если у тебя нет оружия.

Наемник выпрямился и двинулся к нему, поправляя свою ковбойскую шляпу. В руке он держал нож со стопором, который открыл одним щелчком.

Щелчок произошел и в голове Итана.

...если у тебя нет оружия...

Как же он не вспомнил об этом раньше? Он сунул руку в карман и выхватил пистолет Джесси, который подобрал с мостовой после несчастного случая. Он навел оружие на уровне ног, но он никогда в жизни

не стрелял, не умел целиться, не знал про отдачу и...

Первый выстрел случился как бы сам собой, второй последовал за ним.

Серб испустил крик, схватился за бедро, затем — за колено, а потом рухнул на землю. Потрясенные непредвиденным отпором, оба подручных отпустили Джимми, чтобы помочь боссу, которого они поспешили оттащить в их полноприводный «Хаммер». Между выстрелами и стремительным бегством троицы, сопровождавшимся взвизгом шин, не прошло и двадцати секунд.

К счастью, звуки выстрелов не привлекли ничьего внимания, поскольку на паркинге в этот час было пустынно. Джимми с трудом переводил дыхание. Он лежал рядом с «Мазерати», опираясь спиной на обод переднего колеса. Итан подполз к нему и сел рядом.

— Я всегда тебе говорил, что из-за ствола мы вляпаемся в дерьмо, — сказал он, имея в виду пистолет, о котором они так много спорили в юности.

— Что-то мне подсказывает: он только что спас нам жизнь, разве нет?

— Как ты меня нашел?

— Пошел к тебе в офис, но, очевидно, я был не единственный, кто тебя искал. Эти типы задавали вопросы всем. Так как вид у них вполне узнаваемый, и настроены они были решительно, я решил проследить за ними. В любом случае, я знал, где стоит твоя яхта. Видел как-то фотографию в журнале.

— Ты ранен?

— Да нет, но бить эти парни умеют здорово.

— Тебе удалось избежать самого худшего.

— Малыша в ковбойской шляпе?

— Да уж, если дорожишь пальцами, имеет смысл с ним не пересекаться.

— Чего им от тебя надо?

— Я должен деньги их хозяйке: покерный долг.

Джимми недоверчиво покачал головой:

— Ты проиграл в покер женщине?

— Ага, мы живем в ужасные времена, правда?

Джимми не смог сдержать улыбки.

— И сколько же ты ей должен?

— Больше двух миллионов.

Тот присвистнул:

— Выходит, ты в полном дерьме?

— Это по-твоему.

— В телевизоре, однако, ты выглядишь вполне довольным.

На этот раз улыбнулся Итан. Как же хорошо, что он встретил друга. Жаль только, что для него в запасе очень плохая новость.

— Нам нужно поговорить, — сказал он, вставая и протягивая ему руку. — Надо навестить Джесси.

Глаза Джимми сверкнули.

— Ты знаешь, где она? Я ищу ее весь день.

— Она в больнице.

— В больнице?

— Садись в машину, я все тебе объясню, — ответил Итан, совершенно забыв, почему он приехал в приморский комплекс.

* * *

Четвертью часа позже

«Мазерати» без происшествий доставила их на стоянку больницы Сент-Джуд. Итан и Джимми быстро выбрались из машины и прошли в холл. Итан искал глазами сотрудницу, которую видел утром, но ее тут уже не было.

На ее месте сидела женщина, более старшая по возрасту, со строгим взглядом и повадками идеальной матери, она посмотрела на них с недоверием. Надо сказать, недавняя драка оставила заметные и не слишком приятные следы на их телах.

— Добрый вечер, мы хотели бы узнать о Джесси Кавалетти, девушке, которую сегодня оперировал доктор Мицуки и...

— Вы — родственники? — грубо перебила она.

— Я ее отец, — ответили оба одновременно.

Повисла неловкая пауза. Итан и Джимми пристально посмотрели друг на друга, и, в конце концов, последний сказал:

— Именно так, мы оба — ее отцы.

Настоящая могила усопших — это сердце живых.

Тацит

В голове Джесси

Между смертью... и жизнью

— ОСТОРОЖНО!

Сначала эта машина.

Когда я ее замечаю, перебегая улицу, я уже знаю, что слишком поздно. Она налетает на меня со всего размаху. Это всего лишь машина, но удар настолько силен, что у меня возникает ощущение, что это локомотив с двадцатью вагонами и он бросает меня в вихрь вальса над уличным движением. Я чувствую, как падаю на что-то твердое и острое. Мне очень больно, потом на какое-то время — черная дыра. Когда я открываю глаза, снова вижу себя в воздухе, но уже совсем по-другому. Я лечу над улицей и вижу свое собственное бездвижное тело на мостовой, остановившиеся машины и всех этих людей во круг меня.

— Начинаем массаж сердца, Рико, Пит, снимайте с нее шмотки. Скорей же, ребята!

Я вижу бригаду «Скорой помощи», которая пытается вернуть меня к жизни. Точно бабочка, я порхаю вокруг докторши, занимающейся мной.

— Нет пульса на бедренной артерии. Черт, вот-вот отойдет, ребята, отходит!

Это молодая метиска. Ее зовут Сэдди. Ее отец с Ямайки, а мать — канадка. Это странно, я вижу ее впервые, но у меня ощущение, что знаю ее, как саму себя. Я знаю о ней все: о ее детстве, надеждах, страстях, тайнах.

— Готовьте дефибриллятор. Рико, наноси гель. Да не так, блин. Есть у тебя что-нибудь в башке!

Я знаю, что она боится в этот момент принять неправильное решение и опозориться перед коллегами. И скрывает свой страх за резкими словами.

— И осторожней с электродами! Пит, давай. Ближе, ни черта не видно.

Ты это нарочно или как?! Давай сюда пластины. Прямое положение, двести джоулей! Внимание, разряд!

Его я тоже вижу — Итана Уитакера, моего отца. Стоя за спинами врачей «Скорой помощи», он дрожит вместе с ними и молит Бога, чтобы я не умерла. Сейчас мне нисколько не мешает его панцирь, я могу прочитать в его сердце то, что он не показывает никому: его страхи, тревоги и потребность в любви, то, что он и сам не мог бы выразить словами.

Словно ангел, я летаю вокруг него. Мне бы хотелось, чтобы он смог увидеть меня, как я вижу его, и чтобы он тоже увидел во мне свет.

Проверь пульс. Я продолжаю массаж. Освободи вену, вводим трубку, затем один миллиграмм адреналина и две ампулы кордарона. Да скорее же, Рико, не тормози!

Молодая женщина делает мне массаж сердца, и это помогает. Мне так хорошо, что хочется, чтобы это никогда не кончалось. Всю жизнь — две руки, и они всегда вокруг моего сердца.

— Хорошо! Еще разряд. Двести джоулей. Отвалите!

Я лечу вверх, небесная и туманная, невесомая, как перышко, и нежная, как пушинка. Мне тепло, именно так, как надо, как в самой приятной из ванн. Отсюда я вижу все, отсюда я знаю все — что у жизни есть смысл, который выше нас, которого мы не понимаем, а потому и ничем неуправляем.

— Удалось, — говорит Рико с широкой улыбкой. — Заработало!

— И что теперь, медаль тебе за это выдать? — огрызается Сэдди.

Они думают, что «я возвращаюсь», но они ошибаются. Напротив, я ухожу. Менее чем за секунду я оказываюсь в нескольких километрах отсюда, между 42-й улицей и Парк-авеню — на Центральном вокзале Манхэттена.

Мой отец Джимми выходит из вагона и пытается, сориентироваться на перроне. Он не приезжал в Манхэттен уже давно и ничего здесь не узнает. Я знаю, что ночью он не спал, знаю, что он встал очень рано, что ехал на автобусе до Нью-Хэвена, затем — на поезде до Нью-Йорка. Я знаю, что он ищет меня и что чувствует себя виноватым.

Как птица, я порхаю и кружусь под потолком главного холла, украшенного небом, на котором сверкают тысячи звезд. Я сажусь на большие часы, сверкающие в центре здания.

— Папа, папа!

Я кричу, но он не слышит меня.

Мне хочется сказать ему, что мне жаль, что так вышло, что я

люблю его и...

Но тут все резко запутывается. И какой-то поток всасывает меня и несет в другое место.

* * *

Манхэттен

Больница Сент-Джуд

21 ч 50 мин

Опавшая с лица, еще не отошедшая от операции, в которой она принимала участие, Клэр Джулиани, молодой интерн отделения хирургии, смотрела на двух мужчин, стоявших перед ней. Их лица были все в синяках, они казались сильно избитыми, и она никак не могла понять, который из них — отец девушки. В сомнениях она попеременно изучила каждого, а потом сказала:

— Ваша дочь была доставлена к нам в критическом состоянии. Черепно-мозговая травма из-за несчастного случая привела к коме, из которой она пока не вышла. Мы сделали предварительное сканирование, так как опасались децеребрации,^[55] а потом отправили ее в блок, чтобы остановить кровотечение...

Она на секунду остановилась, словно ожидая, когда вернутся силы, которых ей так не хватало. В этот раз Мицуки свалил на нее самую тяжелую часть. Она давно старалась освоить опыт подобного рода объяснений, но привыкнуть к этому никак не получалось. Напротив, с каждым разом это было все труднее и труднее.

— Впоследствии ее состояние стабилизировалось, но мы обнаружили глубокое повреждение выше первого шейного позвонка...

Клэр сняла хирургическую шапочку, освободив пряди волос, мокрые от пота. Ей надоедало сражаться с неизбежностью, плюс эта работа, где приходится сталкиваться со смертью каждый день. Ей не хотелось больше думать о смерти. В этот вечер она почувствовала, что готова все бросить и сесть на самолет. И на одну секунду она подумала о Бразилии, о пляже Ипанема, о загорелых телах жителей Рио, играющих в волейбол на пляже, о босанове в исполнении Каэтану Велозу, о коктейле «Пина Колада», который пьют прямо из ананасов.

— При повторном сканировании мы идентифицировали костный

перелом, а также экстрадуральную гематому.^[56] Это — кровоизлияние между костью и...

— Мы знаем, что такое гематома, — перебил Итан.

— Она оказалась глубокой и плохо локализованной, осложненной повреждением венозного синуса.

— Джесси умерла, так? — спросил Джимми.

Клэр уклонилась от прямого ответа. Следовало произнести всю речь до конца, чтобы держать эмоции на расстоянии.

— Доктор Мицуки срочно прооперировал ее, пытаясь удалить гематому. Мы сделали все, что было в наших силах, но... она не выжила. Искренне соболезную.

Джимми вскрикнул от боли, но тут же зашелся в хриплом рыдании.

— ЭТО ТЫ ВО ВСЕМ ВИНОВАТ! — вскричал он вдруг и изо всех сил ударил Итана кулаком, отбросив его на одну из металлических тележек, на которой после ужина были сложены в кучу подносы.

* * *

В голове Джесси

Между жизнью... и смертью

Я плыву, легкая как воздух, выше облаков. Мне не видно отсюда земли, деревьев, людей. Я плаваю, но уже ничего не контролирую. Я позволяю нести себя какой-то силе, как если бы на небе был магнит, который притягивал меня на высоту. Но чем выше я поднимаюсь, тем темнее, плотнее становятся облака, от них веет какой-то угрозой. И скоро у меня появляется ощущение, что я потерялась в черном дыму пожара, в котором задыхаюсь, который меня сжигает. Действительно, это напоминает туннель, но не тот, в конце которого животворящий свет, о котором рассказывают в книгах. Скорее это подземный ход, маслянистый и вязкий, где пахнет расплавленным дегтем. В этом проходе есть слуховое окно, которое забыли закрыть, — окно, открытое в мое будущее. Я нагибаюсь к нему, чтобы посмотреть, и то, что я вижу, наполняет меня страхом. Я лежу на кровати, все мои конечности парализованы, лицо изуродовано. Я пытаюсь повернуть голову, но у меня ничего не получается. Я пробую подняться, но я словно заключена в невидимые доспехи, открываю рот, чтобы позвать маму, но из него не вылетает ни звука. Секунда, и я понимаю, что у меня есть возможность остаться живой, но

ни за что на свете я не хотела бы продолжать мучиться на этой голгофе. Тогда снова отдаюсь влекущему меня потоку и понимаю, что умру. Туннель выводит к огромному завитку в виде эллипса, к гигантскому завихрению в несколько сотен километров, где бушуют ветры. Я ныряю в этот хаос и тону в этом циклоне, более высоком, чем высочайшая из горных вершин.

Теперь мне по-настоящему страшно. Нигде нет и следа любви или симпатии. Во время падения я замечаю нескольких людей. Томми, сына наших соседей, которого в возрасте четырех лет сбил грузовик, когда он катался на велосипеде. Фриду, мать моей матери, умершую от рака легких. Мистера Роджерса, одного из моих бывших преподавателей, который бросился под поезд после того, как от него ушла жена. Томми проплывает передо мной со своим красным трехколесным велосипедом и, прежде чем исчезнуть, делает мне какой-то знак. Фрида, которая меня всегда ненавидела, выдыхает мне прямо в лицо дым своей сигареты, а, мистер Роджерс, одетый в костюм железнодорожника, сидит верхом на паровозе, похожем на игрушечный.

Чем ниже я падаю, тем вокруг темнее и тем труднее дышать. Я тону в плотных серых облаках, которые обволакивают меня до такой степени, что я начинаю задыхаться. Я знаю, что в конце падения меня проглотит какая-то пасть, и это будет конец. Мне страшно настолько, что я начинаю плакать, я кричу, как ребенок. Я кричу и кричу, но никто мне не отвечает.

И тут на краю тумана я вдруг замечаю его — это Итан, мой отец, такой, каким я увидела его сегодня утром. Тот же черный пуловер, та же кожаная куртка, тот же вид усталого героя. Я не понимаю, что он там делает, но он, похоже, не удивлен, что видит меня. Напротив, я понимаю, что он стоит в той самой точке невозврата.

— Джесси, Джесси!

Я пролетаю мимо него очень быстро.

— Папа, мне страшно! Я боюсь!

Я протягиваю ему руку, но он не хватается ее.

— Пойдем со мной, папа! Я боюсь!

— Я... я не могу, Джесси.

— Почему?

— Если я пойду с тобой, все будет кончено.

— Проводи меня, я тебя умоляю!

Теперь он тоже плачет.

— Если я вернусь, Джесси, возможно, у тебя будет шанс.

Но я не понимаю, что это значит. Шанс для чего?

— Мне так страшно, папа!

Я вижу, что он колеблется, что он чувствует мой ужас.

— Если мне позволят вернуться, у меня будет еще шанс спасти тебя, а если нет — мы оба умрем.

Я ничего не понимаю. Во всяком случае, нет больше времени говорить. Я углубляюсь в густой туман, который обжигает и ранит меня. Мне так страшно и так плохо, что я почти сожалею о том, что не стала возвращаться, когда у меня был выбор. Даже без рук и без ног. Даже в состоянии овоща.

— Обещаю тебе, что ты будешь жить, Джесси! — кричит он мне.

Это последние слова моего отца, и я не понимаю, зачем он мне это говорит.

*Потому что я точно знаю,
что все кончено.*

** * **

Манхэттен

Больница Сент-Джуд

21 ч 55 мин

Джимми толкнул дверь палаты.

Джесси лежала с закрытыми глазами в полутьме палаты, выкрашенной в холодные тона. Из-под бледно-розового одеяла виднелось только мраморного цвета лицо с синюшными губами и часть белой груди. Рядом с кроватью отныне бесполезная капельница, немой электрокардиограф, не работающий аппарат искусственного дыхания. На кафельном полу — следы крови, которые еще не отмыли, халат и перчатки хирурга, брошенные в бешенстве, со следами проигранного сражения.

Джимми пододвинул стул к постели своего ребенка. Он сидел у ее изголовья, пытаясь сдержать отчаяние. Затем положил голову на живот своей дочери и тихо заплакал.

В тот вечер его нить оборвалась. В бою, в котором он противостоял Карме, Судьба только что одержала победу.

** * **

Манхэттен
Больница Сент-Джуд
22 ч 05 мин

Итан толкнул металлическую дверь, выходящую на террасу на крыше больницы, там, где приземлялись вертолеты со срочными пациентами и при доставке органов. Место было вылизано ветром и господствовало над Ист-Ривер. Доктор Шио Мицуки стоял у вентиляционного отверстия, а его потерянный взгляд блуждал где-то очень далеко от огней города.

— И что, вам не хватает мужества признать, что ничего не вышло? — спросил Итан, направляясь к нему.

Врач остался бесстрастным. Итан снова спросил:

— Это не очень хорошо для вашей кармы — смерть девушки, это должно отбросить вас на несколько циклов назад, не так ли?

— Я сделал все, что было в моих силах, — ответил азиат.

— Все так говорят.

Итан достал сигарету и стал искать зажигалку. Он перерыл все карманы, но они были пусты. Должно быть, потерял ее во время драки на паркинге.

Он взглядом спросил у Мицуки, но тот покачал головой:

— Я не курю.

— Естественно, вы же — святой. Буддистский монах.

Азиат хранил непроницаемый вид. Итан не отставал:

— Ни сигарет, ни алкоголя, ни холестерина...

Подавленный горем и чувством вины за смерть Джесси, он нуждался в том, чтобы излить свой гнев на кого-то.

— Никакого риска, никакой грусти, никакой горячности, никакой страсти, никакой жизни! Только маленькое убогое существование, ваш дурацкий дзен и предписания, запеченные в fortune cookies.^[57]

— Всегда этот гнев... — с сожалением проговорил Мицуки.

— Я научу тебя одной вещи, Сиддхартха: вопреки тому, во что ты веришь, гнев — это жизнь.

— Однако я надеюсь, что однажды вы обретете мир.

— Но я не хочу твоего мира, мой дорогой старичок. Я всегда буду воевать, потому что жизнь — это бой, а если ты останавливаешься в бою, это значит, что ты умер.

Какое-то время мужчины словно мерили друг друга взглядами, потом Итан отвернулся и грустно посмотрел на небо. Там не было видно ни звезд, ни луны, но можно было догадаться, что они где-то за облаками. Он

спросил себя, где сейчас Джесси. Существует ли иной мир, какая-то иная, несоизмеримая и удивительная реальность за ледяной стеной смерти?

Ты говоришь, что ничего нет. Только ночь, холод и небытие.

Словно он мог читать чужие мысли, Шино Мицуки заметил:

— Кто может быть столь высокомерен, чтобы претендовать на то, что он знает, что действительно происходит после смерти?

Итан поймал его на слове:

— А для вас — что... что там?

— Даже специалисту, склонному к рационализму, немислимо допустить, что реальность останавливается на том, что доступно пониманию.

— Ага, по сути, вы об этом ничего не знаете.

— Единственное, что я знаю, так это то, что в отсутствие доказательств или уверенности остается свобода выбирать, во что мы хотим верить. И я уже сделал выбор между светом и небытием.

Ветер задул еще сильнее. Внезапный шквал поднял облако пыли и вынудил обоих закрыть лица. Итан раздавил сигарету, которую даже не зажег, и покинул плоскую крышу, оставив врача предаваться размышлениям в одиночестве.

В лифте, который доставил его на цокольный этаж, он оказался лицом к лицу с Клэр Джулиани, молодым интерном, которая сообщила о смерти Джесси. В кабине они не обменялись ни словом. Только взглядами, которые говорили больше, чем все слова на свете. Она понимала его скорбь, он понимал ее переутомление.

Когда дверь открылась, Клэр посмотрела на него с нежностью, проводив взглядом до выхода. Какое-то время она сомневалась, не последовать ли за ним, не обратиться ли к нему. Даже если он не в лучшей форме, во взгляде у этого типа было что-то необъяснимое, что наводило на мысль, что слабость могла бы стать силой. В итоге она не решилась его окликнуть. Цепляться за плохих парней и проходить мимо хороших — так уж повелось у нее в жизни.

Автоматические двери пропустили Итана как раз в тот момент, когда перед входом остановилась «Скорая помощь». Был уже поздний вечер, и первые жертвы Хэллоуина начинали стекаться к больнице. Дверь машины открылась, чтобы выгрузить пару носилок: на одних — готская принцесса в реанимационной маске, на других — Фредди Крюгер с животом, залитым кровью.

Итан смотрел, как санитары «Скорой помощи» проходят мимо него. Засунув руки в карманы, он обнаружил зажигалку, но на этот раз пуста

была пачка сигарет.

— Просто бывают такие дни, а? — раздался голос у него за спиной.

Он повернулся и...

Меня может уничтожить не то, что ты слишком давишь на меня, а то, что ты меня оставляешь.

Гюстав Тибет

Манхэттен

Паркинг больницы Сент-Джуд

22 ч 20 мин

— Просто бывают такие дни, а? — раздался голос у него за спиной.

Итан повернулся. В свете фонаря стоял Кертис Нэвилл, огромный и угрожающий. Он оставил мотор своего такси работающим. Машина, припаркованная у двойной линии, сверкала мигающими огнями аварийной сигнализации.

— Сядете? — предложил он, открывая дверь со стороны пассажира.

Итан покачал головой и вместо ответа показал ему средний палец.

Он устроился за рулем «Мазерати» и выехал со стоянки. Но не проехал и сотни метров, как раздался какой-то подозрительный скрежет, за которым последовал шум царапающегося винила.

«Вот дерьмо!» — подумал Итан, внезапно приходя в себя, остановив машину. В зеркале заднего вида он заметил свет фар приближающегося такси. Старый «Чекер» обогнул его слева и остановился перед ним. Кертис опустил стекло и сделал Итану знак сделать то же.

— Идите сюда! — позвал он.

— У меня был ужасный день, представьте себе, и если бы вы могли оставить меня...

— Садитесь! — Кертис не повышал голоса, но его слова звучали скорее как приказ, чем как предложение. — К тому же, — добавил он, — мы оба знаем, что у вас нет выбора...

Итан вздохнул. Все усложнялось. В конце концов, он отстегнул ремень безопасности и пересел к Кертису на переднее сиденье такси.

— Искренне соболезную по поводу вашей дочери, — сказал тот, трогаясь, — но я же предупреждал, что вам ее не спасти.

— Я действую вам на нервы, — ответил Итан, захлопывая дверь.

Старый «Чекер» резво катил, бойко сверкая всеми огнями и насмехаясь над гневными всполохами фар встречных машин. Автомобильный кассетник на полной громкости воспроизводил потрескивающую запись Марии Каллас. На приборной доске дымила палочка тибетского фимиама, испуская необычный запах кожи, аниса и сандалового дерева.

— Вы можете сказать, куда мы идем?

Кертис ответил с нежностью:

— Мне кажется, вы сами очень хорошо это знаете.

Нет, он этого не знал, скорее — не хотел знать.

— Но что вы от меня хотите? Кто вы такой? Что-то вроде десницы судьбы?

Прежде чем ответить, чернокожий гигант поколебался:

— Возможно, я тут для того, чтобы передавать послания.

— И какого типа новости вы передаете?

— Только хорошие, — ответил Кертис.

Включенная на максимум печка распространяла невыносимый жар, и создавалось впечатление, что находишься в парилке. Итан попытался опустить стекло, но оно оказалось заблокировано. Он вдруг почувствовал приступ клаустрофобии. Все больше и больше это такси напоминало ему катафалк, а шофер — мифологического перевозчика душ умерших, который переправляет их на своей лодке смерти на другую сторону реки. По легенде он получал за это монету, которую родственники покойного клали в рот трупа. И несчастье тем, кто не мог заплатить: они были обречены на то, чтобы без конца бродить в преддвериях мира, который не принадлежит ни живым, ни мертвым.

Нет, кончай этот бред, если тебе суждено умереть, то это будет не здесь.

Итан закрыл глаза и попытался дышать полной грудью. Нужно взять себя в руки. Этот тип — всего лишь просвещенный адепт, человек, которого смерть сына сбила с толку, который заиклился на нем, вероятно, увидев его по телевизору. Кертис наверняка покупал его книги, затем начал за ним следить, гнаться за ним, а потом придумал всю эту систему, связанную с судьбой. Это банально: Нью-Йорк полон *сталкеров* и свихнувшихся на любой вкус.

На светофоре на Грамерси-парк такси было вынуждено остановиться

за рядом других машин. Кертис Нэвилл выглянул наружу. На тротуаре, около остановки автобуса, за стеклом рекламного щита Джордж Клуни поднимал свою чашечку кофе. «What else?»^[58] Повернувшись обратно, Кертис увидел пистолет, направленный прямо на него.

— Выходите из машины! — распорядился Итан.

Кертис положил обе руки на руль и со вздохом сказал:

— На вашем месте я бы этого не делал.

— Возможно, — согласился Итан, — но пока дуло именно у вашего виска и решения тут принимаю я.

Кертис состроил гримасу, выражающую сомнение.

— Сдается мне, ваша пушка не заряжена и вы — не убийца.

— А мне сдается, что вы не собираетесь рисковать и умирать. И я клянусь, что, если вы еще будете в машине, когда загорится зеленый, я выстрелю.

Чернокожий гигант поморщился.

— Подобного рода штучки проходят только в кино.

— Остается проверить.

На светофоре все еще горел красный, но ему оставалось еще недолго. Кертис не выглядел испуганным, несмотря на капельки пота, выступившие у него на лбу.

Итан сказал еще более угрожающим тоном:

— Вам, так верящему в порядок вещей и неизбежность событий, самое время задать себе вопрос: а что, если ваша судьба состоит в том, чтобы умереть в этот вечер?

— Я не умру в этот вечер, — возразил Кертис твердо.

В то же самое время он не сводил глаз со светофора.

— Я нахожу, что вы крайне самоуверенны, — проговорил Итан, надавливая ему пистолетом на висок.

Последовало еще полсекунды молчания и...

— Ладно! — крикнул Кертис, открывая дверь в тот самый момент, когда на светофоре вспыхнул зеленый.

Он вышел из машины, а Итан пересел на его место и надавил на газ.

* * *

22 ч 35 мин

За рулем такси Итан ехал по Парк-авеню.

И что теперь делать?

Второй день оказался изнурительным. Ему был дан второй шанс, но он не смог им воспользоваться. Он напрасно старался узнать о планах судьбы, ему не удалось их раскрыть. Не удалось спасти Джесси, не удалось найти Селин и помириться с Джимми и Марисой, не удалось обнаружить своего убийцу — он оказался заурядной марионеткой, которой высшие силы манипулируют по своему усмотрению. Для такого человека, как он, чья жизнь — попытка ускользнуть от заранее предписанного плана, это было невыносимо. В университете, интересующийся философией и гуманитарными науками куда более, чем медициной, он часами сидел в библиотеке, читая великих авторов. Ему вспомнилась фраза Камю, который считал, что *единственное достоинство человека состоит в бунте против своего положения*.^[59] Принцип, из которого он сделал двигатель всей своей жизни, но который он не смог применить сегодня.

Он в ярости стукнул по рулю кулаком. Вечно этот гнев... Машина тряслась, ход ее был неровным, а тормоза, похоже, вот-вот откажут. Чтобы проветрить, Итан опустил стекло со стороны водителя, выбросил ароматическую палочку в окно и сдвинул откидную крышу. Сквозняк мигом унес все засохшие цветы и карты «Марсельского таро».

Выругавшись, он снова поднял стекло. Однако все было не так уж плохо в этот необыкновенный день. Он был исполнен знаний и принес ему новые данные о некоторых эпизодах его жизни. Главное, он узнал о существовании дочери — Джесси. Ребенка, едва познакомившись с которым, он тотчас же потерял. Огорченный, он попытался сосредоточиться на чем-то позитивном. И снова стал думать о Селин. Он был потрясен, когда Мариса рассказала ему про ее визит. Выходит, Селин пошла по его следам, пытаясь отыскать в прошлом что-то, что помогло бы его понять. Селин, которая в этот час уже должна была выйти замуж...

Снова увидеть ее — до этого места рукой подать.

Он приехал на круглую площадь Коламбус-Сиркл. Центральный парк был совсем близко. Он поехал по Пятой авеню и прямо перед консульством Франции повернул налево. Такси устало покачивалось, поднимаясь по Ист-драйв точно верблюд. Он остановился на паркинге «Боатхауса», ресторана, где Селин отмечала свое замужество.

Итан хлопнул дверью и вышел в ночь. Отсюда была слышна зажигательная музыка, и можно было догадаться, что праздник достиг наивысшей точки.

— Красивая колымага! — похвалил молодой парковщик.

— Отстань от меня! — буркнул в ответ Итан, бросая ему ключи.

Итан вошел в главный зал в тот момент, когда джазовый оркестр заиграл первые ноты новой мелодии. Подражая Синатре, молодой певец начал песню «Отнеси меня на Луну».

Столы огромного зала с натертым паркетом далеко не все были заняты. Цвета синий, белый, красный, которые украшали ресторан в первый раз, когда он здесь был, теперь уступили место более традиционному оформлению, и разговоров на французском больше не слышалось.

Странно.

Он пробежал взглядом по залу, но не узнал решительно никого. Он вышел на крытую террасу, нависающую над озером. Несмотря на ветер, несколько освещенных фонарями-тыквами лодок еще скользили по черным водам.

За стойкой молодая буфетчица, Кейра, расставляла бутылки. Итан присел на табурет и заказал «Мартини Кей Лайм».

— Минуточку.

Работница говорила с манчестерским акцентом, она казалась крашеной блондинкой, немного простоватой, и у нее была слишком открытая блузка. Но большие глаза восполняли все недостатки: притягательные черные глаза, окутанные дымкой усталости, как бывает у тех, кому нечасто улыбается удача. Прежде чем она подала ему коктейль, Итан успел испытать к ней симпатию.

— А тут разве не должно было быть бракосочетание? — спросил он, делая глоток водки. — Церемонии с французами?

— Свадьба? Заказ аннулировали.

Итан поставил стакан и посмотрел на нее недоверчиво.

— Как это?

— Предупредили еще утром, — объяснила Кейра. — В последнюю минуту между новобрачными произошел какой-то спор. Как в кино.

— А...

— Вы их знакомый?

— Я ее знакомый, невесты... Селин.

От волнения Итан вскочил со своего места и облокотился на парапет. На другой стороне шел парад Хэллоуина, продолжавшийся в Центральном парке. Увлеченные неистовым Сатаной, скелеты и колдуны кружили в пляске шабаша вокруг фонтана Бефезда.

Пренебрегая приличиями, Кейра вышла за ним на террасу.

— Это вы тот самый человек с «Конкорда», верно?

Итан нахмурился, ему потребовались несколько секунд, чтобы понять, о чем говорит буфетчица.

— Да, — наконец ответил он, — это я, но как вы узнали, что...

— После полудня пришла женщина, — объяснила та. — Она сказала мне, что сегодня ее, возможно, будет искать мужчина. Она выпила стаканчик, и я почувствовала, что ей нужно кому-то выговориться. Она рассказала мне свою историю, точнее — *вашу* историю. В итоге она мне дала сто долларов, чтобы я передала вам кое-что.

И она протянула ему помятый конверт, на котором было просто написано:

«Message in a bottle».^[60]

Итан схватил его дрожащими руками и сразу узнал почерк.

* * *

Итан,

без сомнения, нет и одного шанса на миллион, что ты прочитаешь это письмо, но это не мешает мне писать в безумной надежде, что ты все же получишь его в течение дня. Почему бы и нет — после всего: я где-то прочитала, что НАСА отправила послание в космос для инопланетян, так что...

Так что вот: я просто хотела тебе сказать...

Сказать тебе, что моя жизнь еще полна тобой и что тысячу раз в день я думаю о тебе, надеясь, что мои мысли дойдут до тебя.

Сказать, что без тебя я медленно умираю, так как ты и есть мой якорь.

Сказать, что я помню о нас все: бесконечную чехарду, сливающиеся дыхания, расставания, свет; что все осталось во мне, что все это заразило меня, как инфекция, от которой я не могу вылечиться.

Сказать, что я пыталась от тебя убежать, но что все возвращает меня к тебе, что с тех пор, как я нахожусь в Нью-Йорке, я чувствую, что ты здесь, более чем когда-либо. Против всякой логики я цепляюсь за уверенность в том, что ты меня еще

любишь, хоть я так и не знаю, почему ты меня оставил и имела ли наша история хоть какой-то смысл для тебя.

Если мне не суждено больше увидеть тебя, я хочу, чтобы ты знал, что я ни о чем не жалею. Что страшные и болезненные удары ничего не значат в свете нашей любви.

Возможно, ты помнишь о том вечере в твоей маленькой квартире в Гринвиче, когда буря завалила Манхэттен снегом. Мы целую неделю прожили, не выходя на улицу. Это был первый день, когда снег перестал валить. Укутавшись в одеяла, мы смотрели на город через окно.

Наступил вечер, но на небе была одна-единственная звезда. Мне было грустно и одиноко, ведь на следующий день я должна была снова лететь во Францию. Я загадала на эту звезду и сказала тебе: «Видишь эту одинокую звезду, потерянную в безграничности неба? Так вот, эта звезда — я». Ты посмотрел на меня, а потом, как по волшебству, на небе зажглась еще одна звезда. И тогда ты сказал: «А эта — я». И несколько секунд мы были единственными звездами на небе Манхэттена. В сущности, я ничего другого никогда и не желала: просто знать, что рядом есть кто-то.

Так вот, если чудеса существуют, если ты получил мое приглашение на свадьбу, если ты пришел и еще питаешь какие-то чувства ко мне, знай, что одна женщина будет тебя ожидать до полуночи в том месте, где она впервые влюбилась в тебя.

Селин

В КОНЦЕ КОНЦОВ, СУДЬБА ПОБЕЖДАЕТ

*Как мухам дети в шутку,
Нам боги любят крылья обрывать.*

Уильям Шекспир

*Манхэттен
Суббота, 31 октября*

Над Манхэттеном разразилась чудовищная гроза.

Удары грома и молнии... Ливень, плотной стеной обрушившийся на город, затопил улицы и станции метро. Ветер не уступал ему: ураган яростно гнул деревья, срывал с крыш черепицу, разбрасывал по мостовой ветки и мусор.

В этот бурный вечер сбой в работе метро совпал с забастовкой такси, поэтому город был совершенно парализован. В Мэдисоне неожиданно взорвалась труба парового отопления. В Верхнем Ист-Сайде из-за дождя вышли из строя два светофора, произошла авария и погибли два человека. В Сохо несколько кварталов остались без электричества, на одной улице в Бруклине порывом ветра сломало платан, который упал на фургончик автодоставки. Водитель скончался на месте.

* * *

В южной части города ветер совсем разошелся, поднял огромные волны на море, так что паром отменили. Затопленный дождем и туманом променад Бэттери-парка был пуст. Только какая-то молоденькая француженка стояла там одна, дожидаясь кого-то.

Совсем промокшая, она дрожала от холода, но продолжала верить в любовь...

* * *

Итан снова сел в старое такси и помчался в самую гущу ливня.

Знай, одна женщина будет тебя ожидать до полуночи в том месте, где она впервые влюбилась в тебя.

Ясно, что ошибиться с местом было нельзя. Местом, где Селин в него влюбилась, было «Заварски», венское кафе в Вест-Сайде, где она тогда нашла его и предложила, будто подмигнула, знаменитые розы из шоколада.

Старое такси преодолело путь до 72-й улицы и свернуло налево, вверх по Амстердам-авеню. Но когда оно остановилось перед кафе, оказалось, что то уже давно закрылось. Но Итан все равно припарковал колымагу и вышел. Он оглядывался в поисках Селин. Под зонтом от бури было не спастись, пешеходов не было видно. Очевидно, что здесь его никто не ждал.

...где она впервые влюбилась в тебя...

Нет, он поторопился и приехал не туда. Он снова сел в машину и двинулся к Бэттери-парку. Она ждала его здесь: рядом с *Граунд-Зеро*, в тени 11 сентября, там, где еще оставались призраки мертвых башен.

Итан гнал машину вниз по 7-й авеню. Дождь лил все сильнее. Откидной верх был закрыт, но вода просачивалась в салон, и тормоза время от времени отказывали, словно машина, чувствуя чужие руки, тоже объявила забастовку.

Дворники снова заработали на Варик-стрит. Итан бросил свою развалюху на углу Бродвей-Вест и побежал к Бэттери-парк.

Он посмотрел на часы: 23 ч 11 мин. Даже если бы смерть шла за ним по пятам, ей не удалось бы догнать его до полуночи.

На бегу он почувствовал, что из кармана что-то выпало. Не сбавляя хода, он успел поймать игральную карту. Несомненно, это была одна из карт «Марсельского таро», которыми так увлекался Кертис.

Плохая карта...

Плохой знак...

Не останавливаясь, он снова взглянул на часы. И только тут понял, что циферблат разбит, а часы остановились.

Обеспокоенный, он оглянулся в поисках уличных часов. Цифровой циферблат на Черч-стрит показывал: 23 ч 59 мин.

* * *

Когда Итан заметил человека, направлявшегося к нему, было уже слишком поздно.

Кто?

Человек среднего роста и телосложения, одет в темную куртку и толстовку с капюшоном, который полностью закрывал лицо.

Кто?

В темноте ярко блестел ствол пистолета.

Первая пуля попала в грудь, опрокинув его на тротуар. Мир вокруг вдруг поблек. Лежа на земле, он попытался прикрыть дрожащей рукой живот. Человек решительно приближался.

Кто?

Он должен знать, кто пытается его убить.

Итан попытался разглядеть лицо убийцы, но раздался второй выстрел, и все вокруг померкло. Вкус крови и грохот...

Кертис был прав.

Судьба, в конце концов, всегда побеждает.

Часть третья

ПОНИМАТЬ

Жизнь — это сон, от которого нас пробуждает смерть.

Персидская пословица

Пять часов утра, Нью-Йорк просыпается.

В сумраке одно за другим загораются окна квартир, словно мерцает гигантская новогодняя гирлянда, опоясывающая город от Бруклина до Бронкса.

После короткой передышки снова заработали счетчики воды и электричества, а тысячи теней в окнах домов быстро задвигались от спальни к кухне и в душ, всегда слишком холодный.

Зевок, чашка кофе, проглоченная второпях миска мюсли, поиск радиостанции:

...вас приветствует Манхэттен 101,4. Сейчас шесть утра. Некоторые ленивцы еще в постели? Не хочу в это верить! Поторопитесь: солнце никогда не опаздывает. Сегодня в программе: посмотреть парад Хэллоуина, попробовать свежие вафли и прогуляться по Центральному парку, озаренному осенними красками. Весь день погода будет прекрасная, но к вечеру ожидаются гроза и сильный ветер. После новостей вас снова ждет музыка с Отисом Реддингом и песней «Попытайся быть немного нежнее». Вы слушаете Манхэттен 101,4 — радиостанцию для тех, кто рано встает. Манхэттен 101,4. Вы дадите нам десять минут, а мы вам — весь мир!..

Даунтаун, 6 ч 30 мин. Тренажерные залы уже битком набиты. *Working girls*^[61] «шик и шок» в фирменных майках и легинсах грациозно пыhtят на велотренажерах и беговых дорожках.

7 часов.

На улицах оживленно, уже чувствуется привычный ритм города, его дыхание.

Для 11 тысяч пожарных и 37 тысяч полицейских агентов бесконечная ночь подходит к концу и начинается новый день. День, в течение которого произойдет три убийства, пять изнасилований, семьдесят пять краж со взломом и сорок три несчастных случая.

Меньше чем за двадцать четыре часа раздастся тысяча четыреста срочных вызовов.

В метро спустится более трех миллионов пассажиров.

Тридцать шесть человек застрянут в лифте.

Огромное количество влюбленных обнимут друг друга, но на эти случаи статистика отсутствует.

Подружки будут обсуждать парней, кокетничая перед зеркалом в примерочных магазинов «Мэйсиз», «Блумингдэйл» и «Кэнел Джинз».

Приятели поговорят о политике и, опрокинув несколько кружек пива, станут жаловаться друг другу на девчонок, которых решительно не в состоянии понять.

Наконец, четыре тысячи продавцов передвижных закусочных приготовят тысячи хот-догов, брецелей^[62] и кебабов.

Обычная жизнь... что поделаешь.

Уже восемь часов. У маленькой пристани в Бэттери-парк, напротив огромных зеркальных окон отеля «Хадсон», ждет пробуждения хозяина роскошная яхта.

Манхэттен

Сегодняшний день

7 ч 59 мин 58 сек

7 ч 59 мин 59 сек

8 ч 00

Итан пошарил дрожащей рукой, не открывая глаз, и несколько раз промахнулся, прежде чем наконец удалось выключить будильник, призывно звонивший все громче и громче...

Голова была тяжелой, ресницы слиплись... Тяжело дыша, он с трудом распрямился. Яхту заливал нежный солнечный свет.

Он проверил дату на часах: суббота, 31 октября.

Обернувшись, он увидел закутанную в покрывало молодую рыжеволосую женщину, все еще спавшую рядом с ним.

Он вернулся. Опять все сначала. На этот раз Итан даже не удивился. Просто испытал невероятное облегчение, вслед за которым почувствовал острое жжение в груди.

Выбраться из кровати оказалось непросто. Его покачивало от лихорадки, голова раскалывалась, все мышцы болели. Сделав над собой невероятное усилие, он попытался сделать несколько неуверенных шагов в сторону ванной. Казалось, грудная клетка вот-вот лопнет, тяжелые удары

сердца болезненно отдавались в ушах, к горлу резко подступила тошнота, бросив его на колени перед унитазом. Его вырвало густой желчью, смешанной с кровью.

Еле поднявшись на ноги, он вытер пот со лба. Как он заметил еще во время первого возвращения, путешествие здорово подрывает здоровье.

Кажется, четвертого дня не будет, подумал он, открывая аптечный шкафчик. Проглотив три таблетки ибупрофена, он встал под душ. Прислонившись к стенке кабины, он большими пальцами помассировал себе затылок. Из опухших глаз сочился желтоватый гной, нужно было их хорошенько промыть, очистить от этих липких комков. Желудок снова скрутило. Несмотря на жаркий пар в кабине, он стучал зубами от холода. Выйдя из душа, он тут же завернулся в халат и трясущимися руками потянулся за глазными каплями, чтобы успокоить воспаленные веки.

Вернувшись в каюту, он с тревогой посмотрел на радио-будильник. Нельзя терять время! Надо найти в себе силы прожить этот день так, как будто он последний. Выйти на поле боя.

Он оделся потеплее: серые брюки из плотного твида, крупной вязки пуловер с высоким воротником и мотоциклетная куртка «Бельстафф»...

Несмотря на сотрясавший его озноб, он чувствовал, что свежий воздух ему просто необходим. Он схватил бумажник, вытащил оттуда предназначавшиеся девушке по вызову две тысячи долларов и поспешил на палубу.

Там он несколько минут жадно дышал полной грудью, утешая себя верой в чудодейственные свойства солнца и соленого ветра. Мигрень отпустила, лихорадка немного отступила. Почувствовав, что приступ проходит, он пошел к маленькой парковке.

— Добрый день, мистер Уитакер, — поприветствовал его портовый охранник.

— Добрый день, Фелипе.

— Что случилось с вашей машиной? Она...

— Да, я знаю, она не в лучшем виде.

Вид «Мазерати», израненной и побитой — та же помятая дверца, тот же пропоротый радиатор, та же сдутая шина, — погрузил Итана в угрюмую задумчивость: это бесконечное возвращение, абсурдное и утомительное, было еще и страшным.

— Я ее немного испортила. Надеюсь, что вы не захотите мне...

Он повернулся на звук ласкового голоса и понял, что таинственная рыжеволосая девушка шла за ним всю дорогу от яхты. Красивая и стройная... Она была завернута в постельное покрывало с орнаментом

византийской мозаики, закрывающее ее от груди до коленей. Волосы цвета ржавчины полыхали вокруг нее словно языки пламени, создавая удивительное ощущение, что она сошла с полотна Климта.

Итан с сомнением посмотрел на нее.

— Вы меня не узнаете? — спросила она, почти забавляясь.

— Нет, — признался он.

Она надела солнечные очки, что не позволяло посмотреть ей в глаза.

— Две тысячи долларов за ночь! — сказала она, протягивая ему купюры. — Я знаю тех, кого бы это просто оскорбило. А я воспринимаю как комплимент...

Итан смущенно взял деньги, не переставая спрашивать себя, кто же такая его загадочная собеседница.

Наконец она сняла очки, и он увидел ее глаза. Если бы из всех его талантов у него оставался только один, то это наверняка была бы способность «видеть людей насквозь», определять характер тех, с кем он встречается.

У нее были очень темные карие глаза, печальные и умные. Привлекательная улыбка, спокойная уверенность в себе, но где-то таилась тщательно скрываемая слабость, какое-то расстройство, и это делало ее красоту, и так лишенную всякой искусственности, пугающе настоящей.

— Просто представьте, что я вешу на тридцать кило больше, — с вызовом бросила она.

Сбитый с толку, Итан изо всех сил пытался вспомнить ее, но память отказывала. Если бы он встречался с такой женщиной, то уж точно ее не забыл.

Вдоволь насладившись его замешательством, таинственная незнакомка решила подбросить ему подсказку:

— Вы вернули меня самой себе, доктор, вы помогли мне обрести свободу.

Итан прищурился. Она назвала его *доктором*, значит, это бывшая пациентка.

— Морин!

Морин О'Нил — она была одной из первых его клиенток, когда он открыл практику в Гарлеме. Он вспомнил ненавидевшую себя ирландку, страдающую от лишнего веса и чудовищно одинокую, которая работала маникюршей в одном из бесчисленных *косметических салонов* квартала. Привлекательная девушка, но с огромным набором комплексов. Она подсела на оксикодон^[63] и все плотнее замыкалась в своем внутреннем мире, мрачном и полном страдания. Он помог ей бороться с зависимостью

и поддержал в поиске своего пути. Но однажды без всякого предупреждения она перестала посещать сеансы, и он вынужден был признать лечение неуспешным.

— Я путешествовала, — объяснила она. — Побывала в Азии, потом в Южной Америке. Вы были правы: нужно начать жизнь с чистого листа, нужно набраться смелости открыть в себе те силы и способности, о которых ты и не подозревал.

— Я помню, вы тогда рисовали.

— Да, я продолжила этим заниматься, и, когда вернулась из Перу, в «Тиффани & К°» заинтересовались моей работой, это была линия украшений по мотивам искусства инков.

Он посмотрел на нее с глубокой нежностью, ошарашенный подобной метаморфозой. Трудно было поверить, что депрессивная, закомплексованная девочка, которую он когда-то знал, так расцвела и превратилась в эту восхитительную женщину, стоящую перед ним.

— Всем этим я обязана вам. Вы были терпеливы, не осуждали меня, бились со мной, когда я была совсем слаба.

— Я не сделал ничего особенного, — пожал плечами Итан.

— Вы сделали самое важное: вы были первым, кто увидел во мне что-то хорошее. Каждый раз, уходя от вас, я уносила с собой крупинку вашего расположения и дружбы, которые копила по зернышку в своем сердце. Вы убедили меня, что на дураков не надо обращать внимания, убедили в том, что во мне есть сила, которая только и ждет своего часа.

— Тем не менее в один прекрасный день вы перестали ко мне ходить.

Она нежно посмотрела на него.

— Я думаю, вы прекрасно знаете, почему я больше не приходила. Как это называют в психоанализе, когда пациент влюбляется в своего психолога? Перенос эмоций?

Он не ответил, и какое-то время они оба молчали.

— Вы научили меня уважать себя, Итан... — Она замялась, но потом продолжила: — ...Но, судя по тому состоянию, в котором вы были вчера, вы не очень бережете себя. И мне больно это видеть.

Немного удивленный, Итан почувствовал, что пришло время поговорить начистоту.

— Вчерашнего вечера я совершенно не помню.

— Неудивительно: я подобрала вас мертвецки пьяного в туалете «Клуба 13».

«Клуб 13» был одним из элитных ночных клубов Митпакинг дистрикт. [64] Итан часто бывал там, но не помнил, что заходил туда в тот пятничный

вечер.

— Я вышла с вами на улицу, — продолжала Морин, — и попыталась найти вам такси, но вы наотрез отказались садиться в какую-либо машину, кроме своей. Я вынуждена была сесть за руль, чтобы отвезти вас домой.

— Мы попали в аварию?

— В машине вы стали абсолютно неуправляемы. Отстегнули ремень безопасности и хотели выпрыгнуть наружу, крича, что хотите идти пешком. Пытаясь вам помешать, я потеряла управление, машина въехала на тротуар и врезалась в дорожный указатель. К счастью, скорость была маленькая, и никто не пострадал.

Итан потряс головой. Наконец-то кусочки пазла стали складываться в общую картину, хотя многого пока не хватало.

— Я раздела вас и уложила в постель, — продолжала Морин, — но, поскольку я боялась оставлять вас одного, решила провести ночь рядом с вами.

Провести ночь...

Решив прогнать все сомнения, он спросил:

— А мы с вами, мы не?..

— Учитывая состояние, в котором вы находились, это было физически невозможно! — съязвила Морин.

Итан не смог удержаться от улыбки, и, на долю секунды заглянув друг другу в глаза, они почувствовали странное единение.

— Я могу вам хоть чем-нибудь помочь? — спросила девушка.

Было очевидно, что она действительно за него беспокоится.

И, возможно, она рассказала ему не все.

— Все будет хорошо, — заверил он ее. — Вы и так уже много сделали для меня, и я у вас в долгу.

Но Морин его ответ не устроил.

— Я вижу, что-то не так, что-то с вами очень не в порядке.

В уголках глаз у нее блеснули слезинки. Итан развел руками и, как мог, изобразил ободряющую улыбку.

— Я вас отвезу?

— Я лучше возьму такси, — отказалась Морин.

— Сегодня они бастуют!

— Уж найду какое-нибудь! — заверила она и пошла обратно на яхту, чтобы одеться.

Словно не услышав ее слов, Итан крикнул ей вдогонку:

— Жду вас здесь!

И стал смотреть, как она идет к яхте.

Оставшись один, Итан вынужден был признать, что чувствует себя гораздо лучше. Мигрень чудесным образом прошла, температура спала, должно быть, на несколько градусов. Порой теплый женский взгляд действует лучше любых лекарств.

Некоторое время он постоял в задумчивости. Если он хочет, чтобы этот день не стал последним, нельзя позволить себе ошибиться. На этот раз он сумеет обойти все ловушки, расставленные судьбой у него на пути.

Для начала он не поедет на машине, которую, кажется, просто запрограммировали ломаться и попадать в аварии. Он возьмет мотоцикл, что сделал бы и в прошлый раз, если бы ему не помешало нападение клана Джардино. Он пошарил в кармане куртки и нащупал пульт управления воротами одного из маленьких гаражей, выстроенных вдоль парковки. Внутри находилась копия старинного BMW R51/3, знаменитой модели 50-х годов, с низким сиденьем и круглыми фарами, сверкавшей никелированными деталями по черному корпусу, словно доспехи, отделанные серебром.

Итан оседлал мотоцикл, нажал на газ и выехал из гаража как раз тогда, когда такси Кертиса въезжало на парковку. В этот же миг Морин захлопнула за собой дверь яхты.

— Уже иду! — крикнула она шоферу, торопясь навстречу подъезжавшей машине.

Огромный чернокожий вылез из своего «Чекера» и оперся о капот, ожидая клиентку.

— Красавчик, — сказал он, указывая на мотоцикл.

Итан предпочел сделать вид, что не заметил его жеста. Он надел шлем и очки.

Перед тем как сесть в машину, Морин подошла к нему и поцеловала в щеку.

— Спасибо, что нашли мне такси.

— Да он сам приехал.

— Обязательно звоните, если я вам понадобится, — сказала она, вынимая из сумочки ручку.

И, словно они были школьниками, она написала ему свой номер прямо на ладони, а потом быстро забралась в такси на заднее сиденье.

Кертис посмотрел на Итана с печальной улыбкой.

— Знаете что — вы мне очень нравитесь, Уитакер, — признался он,

усаживаясь за руль, — но вам следует понять одну вещь: битву, которую вы затеяли, еще никому не удалось выиграть.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ ТАМ

Живите сейчас вопросами. Быть может, вы тогда понемногу, сами того не замечая, в какой-нибудь очень дальний день доживете до ответа.

Райнер Мария Рильке

*Манхэттен, сегодня
Суббота, 31 октября 2007 года
8 ч 25 мин*

Ветер дул в лицо. Итан на полной скорости пересек ТрайБиКэ. ^[65]

В голове один за другим мелькали вопросы. Поймет ли он смысл того, что с ним произошло? Почему каждый раз ему дается новый шанс, несмотря на то, что события неизменно повторяются и он ничего не может изменить?

Нельзя сдаваться. Нужно бросить все силы и изменить ход событий, несмотря на то, что исход этой битвы действительно кажется предрешенным.

Не снижая скорости, он ехал по оживленной улице.

Одного взгляда на старинную модель хватало, чтобы Итану уступали место, и он, ловко лавируя между машинами, быстро продвигался вперед.

Кто же его убийца?

Поскольку он предчувствовал, что четвертого дня не будет, именно сегодня ему необходимо узнать, кто же ровно в полночь раз за разом всаживает в него три пули.

Сегодня или никогда.

Три пули, выпущенные почти в упор по одной и той же траектории: первая попадает в грудь, две другие — в голову.

Он не сможет разобраться в этом убийстве, пока не сложит всю историю по кусочкам. Возможно, в его жизни произошло какое-то событие, значения которого он до конца не понял. Возможно, в этом городе есть кто-то, кого он смертельно обидел, унизил или предал, сам того не сознавая. А

жажда мести толкнула этого человека на убийство.

Но кто же это?

Лицо какого мужчины — или женщины — скрывал капюшон?

И есть ли связь между убийством и бессонной ночью в пятницу, о которой остались лишь смутные воспоминания? Он снова попытался восстановить события того вечера, отталкиваясь от того, что только что рассказала Морин.

Он работал допоздна у себя в кабинете и вышел из здания, когда пятничный вечер был уже в разгаре. Поскольку никаких моральных принципов у него не было, то первый стаканчик он опрокинул в «Социалисте», кубинском баре на Вест-стрит с видом на Гудзон. До этого он все прекрасно помнил. Помнил плиточный черно-белый пол, стены цвета абсента, свечи на столах и вентилятор на потолке. Он пришел один, сел у барной стойки и опрокинул несколько мохито в ритме тимбы и мамбо. С этого момента воспоминания становились отрывочными. Он не мог вспомнить, как ушел из этого бара, но в голове замелькали другие картинки: декадентская обстановка «Хогз энд Хейферс», еще одного бара, где собирались байкеры, напоминающие персонажей из «Безобразного Койота», со всеми этими *bad girls*^[66] в микроскопических шортах, официантками в кожаных штанах и стенами, увешанными трофеями — бюстгальтерами, забытыми здесь посетительницами. Здесь он, должно быть, заливал тоску виски с пивом, а потом закончил свое печальное путешествие в «Клубе 13», где и подобрала его Морин. Об этом эпизоде у него, к несчастью, не осталось ни малейшего воспоминания, несмотря на все усилия восстановить ход событий.

Почему часть памяти стерта? Селективная амнезия? Вытеснение? Результат алкогольной и наркотической интоксикации?

Тогда что же такое о своей жизни он пытается скрыть от самого себя?

* * *

Он припарковал мотоцикл на Джейн-стрит и почти побежал к «Клубу 13». Зажатый между Челси и Вест-Вилледж, Митпакинг-дистрикт тянулся вдоль больших оживленных улиц. Район быстро развивался. За несколько лет старый «квартал мясников» превратился в новомодное место. Вместо скотобоен появились лофты, бутики известных фирм и симпатичные ресторанчики. Все здесь было, как в сериале «Секс в большом городе». Однако в это утро на улицах почему-то ужасно пахло говядиной, и это

нарушало стильное очарование района.

Итан на ходу вытащил из кармана мобильник и оставил сообщение на автоответчик Лоретты Краун. Знаменитая афроамериканская теледива была совладелицей клуба, благодаря ее покровительству Итана здесь всегда хорошо принимали, несмотря на драконовские правила фейсконтроля. Он не особенно любил это место, но часто приходил сюда: именно здесь нужно было появляться на людях, здесь обычно было полно знаменитостей, а во время *fashion week*^[67] на площади в несколько сотен квадратных метров собирались самые красивые женщины планеты.

Он остановился перед красивым кирпичным зданием, нажал на кнопку звонка и стал ждать, когда ему откроют.

— Мистер Уитакер? — удивился охранник, огромный гаитянин с детским лицом.

— Привет, Ромульд, мне нужно видеть Гюнтера. Он еще здесь?

— Входите, я вас провожу.

Он вошел за охранником в лифт для сотрудников, и они стали подниматься на последний этаж. Двери открылись, и они оказались в галерее, нависавшей над огромным залом клуба. Над танцполом в форме подковы возвышался диджейский пульт, а вокруг раскинулись столики и леопардовые канапе сиреневого цвета. Все было оформлено в пурпурных и фиолетовых тонах, в зале среди тщательно продуманного беспорядка мягко поблескивали колонны из розового мрамора. В этот ранний час клуб атаковал батальон уборщиц, перед которым стояла боевая задача ликвидировать следы вчерашней ночи.

Через несколько секунд он вошел в кабинет Гюнтера Карра.

— Итан! Или ты ранняя пташка, или совсем не ложился!

Сидевший за столом перед ноутбуком управляющий встал, чтобы поздороваться. Темный костюм, коротко подстриженные сидящие волосы и очки «D&G»... Он старался сделать изящным каждый свой жест.

— Пошли со мной, давай выйдем отсюда, там спокойнее.

Гюнтер увлек Итана к винтовой лестнице, ведущей на плоскую крышу, где был оборудован лаунж-бар. Там было просторно, росли пальмы в кадках и открывался потрясающий вид на Гудзон с обзором в 360 градусов. У огромного бассейна с подогревом играла музыка. Это место в шутку называли «VIP-ванной», и в разгар вечера пробиться сюда было почти невозможно. Но в этот ранний час тут никого не было, и с трудом верилось, что всего лишь несколько часов назад здесь толпилось множество людей, стремящихся во что бы то ни стало получить коктейль за пятьдесят долларов.

— Ну, чем могу быть полезен?
— Для начала маленький кофе.
Щелкнув пальцами, Гюнтер передал заказ Ромульду.
— Что еще?
— Ты помнишь, что я приходил вчера?
— К чему ты ведешь?
— Ты помнишь, что я приходил? Ты меня видел?
— Да, Итан, ты был здесь.
— Один?
— Больше я ничего сказать не могу. Здесь было полно народу, это был юбилей одной...

— Пожалуйста, постарайся, — перебил Итан.
— Мы с тобой пересекались, верно, — стал припоминать Гюнтер, — но не разговаривали. Я даже не уверен, что ты меня заметил. Ты выглядел как бы немного не в себе.

Гаитянин поставил перед ним чашечку эспresso.
Итан поблагодарил его. Пошарил в карманах, вытащил мобильник и прочел ответ на посланное сообщение.

— Мне нужно просмотреть записи с камер наблюдения, — объявил он Гюнтеру.

— Что ты хочешь узнать?
— Хочу узнать, что я вчера делал и с кем разговаривал.
— Я не могу тебе показать, это конфиденциально.
Итан залпом выпил кофе, а потом сказал:
— Сейчас тебе позвонит Лоретта, будешь объясняться с ней.

Гюнтер нахмурился и в свою очередь достал мобильник — айфон, инкрустированный бриллиантами. Положил его перед собой на стол.

Поискав во внутренних карманах куртки, Итан обнаружил там пачку сигарет. Пачка была полной. Путешествие «назад в будущее» опять расставило все по местам. Он уже почти собрался закурить, как вдруг вспомнил свое обещание.

Завтра брошу. Если все еще буду жив, на этот, раз брошу, клянусь.

Только вот сейчас было не совсем завтра.

Несмотря ни на что, он решил «сделать, как надо», подавил желание зажечь сигарету и вместо этого устремил на Гюнтера равнодушный взгляд в ожидании звонка Лоретты. Ждать пришлось недолго, через пару минут бриллиантовый мобильник мелодично завибрировал.

— Здравствуйте, — сказал Гюнтер, взяв телефон.

Беседа заключалась в монологе королевы ток-шоу и длилась несколько

секунд.

— Хорошо, — заверил управляющий и положил трубку.

* * *

Часом раньше

За несколько километров от них, в номере гранд-отеля, молодая женщина открыла глаза. Селин бесшумно встала с постели, стараясь не разбудить спящего рядом мужчину. Она приоткрыла занавески, чтобы посмотреть на город, раскинувшийся у ее ног. Манхэттен еще переливался голубоватым металлическим светом, который вскоре уступит место утренней золотистой дымке. Шум улиц, свет, движение — все в этом городе напоминало об Итане. Все в этом городе причиняло ей боль.

Вдруг на оконном стекле мелькнула какая-то тень, словно по прозрачной поверхности пробежала легкая рябь. Она быстро обернулась, но в комнате все было тихо. В эту же минуту она почувствовала резкий приступ тошноты. Вокруг все закружилось, и у нее возникло странное ощущение дежавю. Чтобы поскорее избавиться от неприятного чувства, она пошла в ванную и долго стояла под душем, пока не почувствовала себя лучше. Когда она вышла из душевой кабины, неприятное ощущение почти прошло.

Но полностью не исчезло.

* * *

— Все очень просто, — объяснил Гюнтер, открывая ноутбук. — Все, что снималось прошлым вечером, записано на жесткий диск. Развлекайся. Позови меня, если возникнут проблемы.

Итан посмотрел на экран: поле было разделено на четыре части, в каждой был виден свой уголок клуба, снятый под разными углами. Прикосновениями пальцев он мог активировать изображение с каждой камеры и даже увеличивать кадр. Все снималось в полумраке, зал был погружен в красноватую полутьму. Звук можно было не включать, все равно игравшая в клубе плохая музыка все заглушала. Итан быстро прокручивал запись, пока не увидел свое изображение. Судя по отметкам в нижней части экрана, он приехал один в 23.46. Охранник пропустил его, не

задерживая, несмотря на то, что в клубе шла частная вечеринка. Молодая актриса телесериалов, подражавшая Пэрис Хилтон, — о которой не было слышно уже больше двух лет, — праздновала там с большой помпой день рождения.

Итан продолжил свои изыскания и благодаря записи постепенно восстановил ход вечера. Много раз он замечал свой силуэт в разных уголках клуба. Сначала в баре, где он пил в одиночестве, не принимая участия в общем веселье, а потом за столиком в углу. Кадры быстро сменяли друг друга, но вдруг он быстро нажал на кнопку «ПАУЗА», чтобы лучше рассмотреть одну сцену: вместе с ним за столиком сидел какой-то человек. Среднего телосложения, в джинсах и черном джемпере с капюшоном, который закрывал лицо.

Убийца!

Итан почувствовал, как учащенно забилось сердце. Лоб покрылся испариной, спина стала влажной от холодного пота, а ладони похолодели. Трясущимися руками он пустил запись дальше. Собеседник сидел к камере спиной, правда, несколько раз он повернул голову, но этого было недостаточно, чтобы разглядеть его лицо. Разговор длился около четверти часа. Судя по смене кадров, было очевидно, что камера не снимала беспрерывно. После разговора его собеседник, которого разглядеть так и не удалось, вдруг пропал, в то время как Итан оставался в поле зрения камеры. Он находился в клубе еще больше получаса. Наконец он увидел, как вываливается из «Клуба 13», опираясь на руку Морин, в состоянии очевидной невменяемости.

И все.

Раздираемый волнением и страхом, Итан снова просмотрел запись. Уткнувшись в экран, он пытался рассмотреть лицо своего убийцы, увеличивая изображение. Мужчина это или женщина? Несомненно, мужчина, хотя с уверенностью сказать все же нельзя. Встречались ли они прежде? На эти вопросы не находилось ответа, потому что все было нечетким, расплывчатым, изображение лица, и так наполовину скрытое капюшоном, было искажено.

— Ты знаешь этого типа? — спросил он Гюнтера, показывая на экран.

— Первый раз вижу. А ты что скажешь, Ромульд?

Гаитянин покачал головой.

— Он был здесь вчера вечером, мистер Уитакер. Вы сами попросили меня его впустить.

Совершенно растерявшись, Итан потер глаза. Ситуация снова расплывалась. Одна часть истории прояснялась, но возникала другая, еще

непонятнее предыдущей.

Он вышел из клуба и пошел по Джейн-стрит, все еще раздумывая о том, что только что узнал.

И что ты теперь будешь делать?

На каком фронте вести бои и какова должна быть стратегия? Он помассировал виски, с досадой признав, что мигрень возобновилась, да и температура, судя по всему, снова повысилась. Он порылся в карманах, пытаясь найти хоть что-нибудь: таблетки, никотиновую жвачку... Но ни одного из любимых средств спасения с собой не оказалось.

Сев на мотоцикл, он понял, что забыл шлем и очки на террасе «Клуба 13», но возвращаться не захотел.

Какой смысл принимать меры предосторожности, если судьбой уже все предрешено?

Как можно стремиться избежать худшего, если избежать его все равно невозможно?

Из мрачной задумчивости его вывел звонок телефона. Продюсер NBC была явно обеспокоена его опозданием. Некоторое время он обдумывал заманчивую возможность пойти на передачу и на этот раз повести игру по своим правилам, обратившись напрямую к Селин и Джесси, но вдруг понял, что не знает, что им сказать. Так что он отказался от этой мысли и просто не ответил на звонок.

Он нажал на сцепление, включил передачу и некоторое время слушал рокот мотора. Потом, как смерч, понесся на юг.

Совершенно беззащитный, он мчался на полной скорости, дразня и искушая судьбу. День только начался. Если он не сможет докопаться до правды, то подождет, пока правда сама не придет к нему. Сейчас он готов посмотреть ей в глаза.

Но разве можно всего за один день исправить ошибки целой жизни?

В одиночку мы идем быстрее, вдвоем — дальше.

Африканская пословица

*Манхэттен, сегодня
Суббота, 31 октября*

Меня зовут Джимми Кавалетти, мне 38 лет. Я сижу в поезде, который везет меня на Манхэттен.

Вчера вечером моя дочь не вернулась домой. Я ждал ее до двух часов, а потом взял машину и обшаривал улицы Бостона весь остаток ночи. Я ее не нашел. Она ушла, и это из-за меня. Я ранил ее, я ей солгал.

Я прижимаюсь лбом к стеклу, на котором блестят отсветы утреннего солнца. Мне холодно. Жгучая слеза катится по моей щеке и падает на мозолистую руку. Чтобы никто не заметил, что я плачу, я закрываю глаза и позволяю воспоминаниям вихрем закружиться в моей голове.

* * *

Апрель 1993 года

Я склоняюсь над колыбелью, чтобы посмотреть на крошку, которой всего несколько часов, и изумляюсь, какая же она маленькая. Новорожденные — я уже видел их множество, но об этом ребенке мне хочется заботиться.

Окажусь ли я на это способен?

Май 1993 года

Мариса взяла несколько книг в библиотеке: «Руководство для начинающих родителей», «Как воспитывать ребенка?», «Что делать, если ребенок плачет?». В промежутках между кормлениями, пакетами памперсов и походами к педиатру она говорит, что это невозможно, что ее

уже «достал» этот карапуз. Мне же, напротив, все это кажется таким естественным и таким гармоничным.

И я скрываю, как я счастлив.

Рождество 1994 года

Снег завалил Бостон. В доме собачий холод. Обогревательный котел отдал богу душу уже несколько дней назад, а у нас нет денег его заменить. Мы с Марисой и ребенком укутываемся в одеяла. Мне стыдно, и я весь дрожу от бешенства.

Июнь 1995 года

Я сжигаю все фотографии Итана. Я выбрасываю его документы, я отдаю его одежду в одну ассоциацию, а книги — в библиотеку. Я хочу стереть любой след его присутствия. Я хочу изгнать его из нашей жизни.

Почти каждую ночь я вижу один и тот же кошмар: Итан возвращается в Бостон и забирает у меня мою дочь.

Ноябрь 1996 года

На стройке я ссорюсь с мастером. Я не желаю больше, чтобы меня критиковали целыми днями, в то время как я тружусь в поте лица за смехотворную плату. Это не первая наша перепалка, но на этот раз очень скоро разговор переходит на крик. Когда кончаются аргументы, он швыряет мне свою строительную каску в лицо. Нос весь в крови, я кидаюсь на него и ударом кулака отправляю на землю. Нас растаскивают, и меня вышвыривают вон.

Я не говорю об этом Марисе и жду, пока найдется другая работа: заведующий хранением на складе быстрозамороженных продуктов.

Март 1997 года

Отныне я предоставлен сам себе. Я купил старый подержанный грузовичок и несколько инструментов. Поначалу я соглашаюсь на все, что угодно: подстричь газоны, поправить ограду, что-то покрасить. Я работаю по четырнадцать часов в день. Это тяжело, но я хочу, чтобы Джесси могла потом мной гордиться.

Февраль 1998 года

Я нанимаю своего первого служащего. Второй приходит еще до лета. Трудные месяцы уже позади, но, когда я заговариваю с Марисой о том, чтобы завести второго ребенка, она лишь пожимает плечами.

Апрель 1999 года

Джесси шесть лет. Она с удивительной легкостью научилась читать. Она задает вопросы обо всем, демонстрируя необыкновенный здравый смысл. Часто я спрашиваю себя, как мне удалось сделать такую умную девочку.

А потом вспоминаю.

И это причиняет мне боль.

Потом она мне улыбается.

Она называет меня папой.

И я забываю обо всем.

Январь 2000 года

Ради нее я бросил курить и выпивать упаковку пива в день.

Ради нее я стал лучше.

Ради нее я способен на все.

Весна 2001 года

В субботу, во второй половине дня, когда Мариса ушла за покупками, я выхожу гулять с Джесси. С ней я вновь открываю для себя Бостон: Музей изобразительных искусств, гигантский аквариум, «корабли-лебеди» на катке Фрог-Понд, библиотека Кеннеди, Тропа Свободы, ^[68] зеленые зоны Кембриджа...

Часто мы вместе ходим на бейсбольный стадион «Фенуэй Парк» посмотреть, как играют «Ред Сокс», хотя Мариса считает, что это пустая трата денег.

Во время каникул я вожу ее на лесные прогулки в Аппалачи, чтобы научить тому, чему научил меня мой отец: как ловить рыбу на муху, как называются деревья, как найти дорогу, если заблудишься, как построить шалаш или водяную мельницу, как управляться со швейцарским ножом.

Декабрь 2002 года

Директор школы вызывает нас с Марисой, чтобы поговорить о нашей дочери. Джесси только что блистательно прошла целую серию тестов, которые каждый год предлагают школьникам Род-Айленда и Массачусетса. Великолепные результаты дают ей возможность с будущего месяца поступить в пилотный класс престижного учебного заведения Провиденса, входящего в систему Университета Брауна. Какое-то время мне кажется, что это шутка, но потом я понимаю, что он действительно думает, что я соглашусь отдать свою дочь в интернат в полутора часах езды от нашего дома.

— Все расходы покроеет стипендия, — уверяет он.

— Но ведь Джесси всего десять!

— Конечно, вы можете отказаться, но это тот случай, когда другой возможности может и не представиться. А если все пройдет хорошо, через несколько лет ваша дочь будет принята в «Лигу плюща»!^[69]

— И речи не может быть о том, чтобы Джесси уехала из дома, она еще слишком маленькая. Пока я не вижу в этом смысла. Это еще ребенок, вы понимаете! Ребенок!

Директор какое-то время колеблется, а затем, после длительного молчания, говорит:

— Если позволите говорить откровенно, мистер Кавалетти, я думаю, что для людей вашего круга такой шанс — это подарок небес, и если вы его упустите, ваша дочь никогда вам этого не простит.

— Конечно, согласны! — отрезает Мариса.

Я встаю и выхожу из кабинета, хлопнув дверью.

2 января 2003 года

— Не забудь шарф или опять простудишься.

Я нагибаюсь к Джесси и завязываю ей шарф вокруг шеи.

— Хорошо, время прощаться, но мы с мамой приедем проведать тебя на будущей неделе, ОК?

Прежде чем уехать, я в последний раз осматриваю университетский городок, устроенный по типу английского колледжа, с длинными зданиями из красного кирпича, окруженными великолепными зелеными газонами. На вершине главного здания гордо реет флаг Университета Брауна. На нем — четыре открытые книги, а над ними восходящее солнце и девиз: «In deo speramus» — «В Бога верим».

— Я не хочу туда идти, папа!

— Слушай, мы обсуждали это уже тысячу раз, — говорю я заученный текст. — Стипендия — это уникальный шанс для тебя. Шанс, о котором мечтают все. Мы никогда не сможем оплатить тебе такое образование.

— Я знаю.

Зимнее солнце стоит в зените, но оно не может победить жуткий холод, который охватил всю Новую Англию в последние несколько дней. Я смотрю на Джесси. У нее изо рта валит пар. Она укутана в куртку, но мне она кажется такой маленькой, миниатюрной, хрупкой.

— Уверен, что все будет хорошо, и у тебя будет там много друзей.

— Ты прекрасно знаешь, что нет.

Я изображаю успокаивающую улыбку уверенного отца, но ей не стоит медлить, ибо в глубине души все плотины, сдерживающие отчаяние и печаль, у меня вот-вот прорвет.

— Ладно, иду, — решается она, забрасывая за спину сумку, почти такого же веса, как и она сама.

— До скорого свидания, — говорю, глядя ее по красивым светлым волосам.

Она уже почти поворачивается ко мне спиной, но я вижу, что у нее глаза блестят, и догадываюсь, что ее плотины тоже вот-вот прорвутся.

* * *

Я выхожу из университетского городка пешком и возвращаюсь к своему старому грузовичку, который я поставил в укрытие, как можно дальше, чтобы Джесси не было стыдно перед другими учениками. Резкий ветер парализует мне руки и ноги. Чтобы согреться, я решаю пробежаться. Воздух, который я вдыхаю, очень холодный, и он замораживает мне сердце.

7 января 2003 года

Я встаю, так и не сомкнув глаз ночью. Бледный свет в ванной. Две таблетки валиума из аптечного шкафчика. Кофе-пойло, выпитый стоя на кухне. Первая сигарета. На улице оттепель: снег превратился в дождь, и на тротуарах люди барахтаются в грязи. И снова — бутылки пива, открываемые с десяти часов, снова эта черно-белая жизнь, потерявшая все свои краски.

Грузовичок весь влажный. Я открываю заднюю дверь, чтобы взять

ящик с инструментами. Джесси — там, она лежит на старом покрывале, покрытом пятнами краски.

Я ужасно пугаюсь.

— Джесси! Все хорошо, моя дорогая?

Она с трудом приходит в себя и бормочет, еще толком не проснувшись.

— Я убежала, папа. Я не хочу туда возвращаться.

Я сжимаю ее в объятиях, согреваю, целую. Лицо у нее белое и холодное, как мрамор.

— Все хорошо, моя дорогая. Ты останешься с нами. Ты останешься с нами.

Весна 2004 года

В маленькой столярной мастерской я собираю этажерку из сосны для комнаты Джесси. Из старого телевизора, обсыпанного опилками, идет шумовой фон какого-то вечернего ток-шоу. Я кладу первый слой лака и тут вдруг узнаю голос, которого не слышал уже более одиннадцати лет. По спине пробегают мурашки, я поворачиваюсь к экрану.

Итан — гость Лоретты Краун, он представляет свою книгу. В изумлении я приближаюсь к экрану. Он испытывает ту самую привлекательную неловкость, свойственную тем, кто впервые приходит в телестудию, но свежесть и искренность впоследствии обычно притупляются и уступают место профессионализму. Стоит мне только его увидеть, я понимаю, что он стал звездой в своей области и что ближайшие годы это «его» время. Его предстоящая слава меня успокаивает: отныне он стал частью совсем другого мира, и нет никакого риска увидеть, как он заявляется к нам. Если мы не совершим ошибки, вздумав его искать, он не возвратится никогда.

Почти успокоенный, я предаюсь ностальгии, глядя на него. Мне любопытно узнавать его интонации, выражение его лица, его взгляд.

— Эй! Я уже третий раз тебя зову! Ты что, не слышишь?

В мастерскую врывается Мариса. Поворачивает голову к экрану. Но ее тревога не длится и двух секунд.

Она сразу же все понимает и выключает телевизор.

— За стол!

Осень 2005 года

С некоторых пор Джесси изменилась. Ее провал в Университете

Брауна не прошел даром. Она лишилась мотивации, стала вялой, часами просиживает перед телевизором, смотрит идиотские программы и ничего больше не делает в школе.

Чем старше она становится, тем сильнее похожа на Итана, и это каждый день напоминает мне, в какой опасности я нахожусь.

Май 2006 года

Случилось то, что должно было случиться. Увидев Итана по телевизору, местные вдруг вспомнили, что он когда-то здесь жил. И теперь каждый то и дело упоминает о нем и выдумывает подробности о былой дружбе с нашей новой «местной знаменитостью». Городская библиотека откопала в архивах старые книги, когда-то принадлежавшие ему, с его именем, старательно выведенным на форзаце. Мне следовало их сжечь, а я подарил им.

Иногда Джесси задает нам вопросы, на которые мы стараемся отвечать как можно более неопределенно. С грехом пополам нам удается сохранять контроль над ситуацией, но так было лишь до сегодняшнего дня, когда все рухнуло. Накануне она услышала Итана по радио и теперь вернулась домой, купив одну из его книг. Настал полдник. Не отрываясь от книги, Джесси открывает холодильник, наливает себе стакан молока и собирается сесть за маленький стол. Мариса, вернувшаяся с работы, входит в комнату. Увлеченная чтением, Джесси рассеянно берет печенье, окунает его в молоко и подносит ко рту...

И тут вдруг на нее обрушивается внезапная и неожиданная пощечина, печенье вылетает из руки, стакан с молоком опрокидывается, падает на пол и разбивается.

Ошарашенная, она смотрит на мать, ничего не понимая, с ненавистью и болью одновременно. Открывает рот, чтобы потребовать объяснений, но потрясение настолько велико, что она не может произнести ни слова и убегает к себе в комнату.

Вчера вечером

Пятница, 30 октября 2007 года

Отныне мы с Джесси все время ссоримся из-за пустяков. Время наших интересных прогулок в Мэнский лес кажется беспрельдно далеким. Боюсь, как бы она чего не заподозрила. Она уже не задает вопросов про Итана, но это еще хуже, чем если бы задавала, и ее присутствие давит на

нас, словно невидимая угроза. Оказавшись между Марисой, которая только и делает, что говорит о проблемах с деньгами, и Джесси, которая меня игнорирует и презирает, я все реже и реже бываю дома. Сейчас девять вечера, и я возвращаюсь из паба. Я много выпил. Во всяком случае, слишком много, чтобы это можно было скрыть. Я хлопаю дверью грузовичка, делаю глоток ментолового напитка и иду по улице, стараясь не шататься. Из дома до меня долетают крики. Когда я вхожу в прихожую, Мариса и Джесси бурно спорят. Уже второй раз с начала учебного года Джесси выгнали из лица. На этот раз исключение мотивировано серьезным проступком: она курила в туалете сигарету с дурью, от которой избавилась, сбросив в унитаз и спустив воду. Школа сообщила в полицию, и копы вечером поспешили нанести нам визит.

Мариса в страшном гневе.

— Мы из кожи вон лезем, чтобы оплачивать для тебя приличную школу, а ты вот как нас за это благодаришь!

Джесси пожимает плечами и даже не думает ей отвечать. Тогда Мариса выкладывает свой козырь про ее провал в Университете Брауна:

— Четыре года назад тебе представился уникальный шанс, а ты его профукала! У тебя были выдающиеся способности, а ты все испортила. Продолжай в том же духе и закончишь тем, что будешь упаковывать товары в «Вулмарте» или жарить бифштексы в «Бургер-кинг»!

Тут я чувствую потребность вмешаться в разговор и начинаю свой перечень упреков, твердя как попугай, что очень разочарован тем, что она принимает наркотики.

— Ты закончишь не в «Бургер-кинге», а в тюрьме или в больнице!

Если на выговор от матери она никак не реагировала, то мои слова ее задевают.

— Это ты говоришь? Ты — ни на что не способный алкоголик! Все, за что бы ты ни взялся, проваливается. Ты даже не можешь обеспечить нам нормальную жрачку и оплатить счета за этот прогнивший дом.

Я вдруг чувствую, что взрываюсь, виной этому алкоголь, и я позволяю себе произнести необдуманные слова, которые приведут к ужасным последствиям:

— К счастью, когда твой паршивый отец тебя бросил, под рукой оказался я, чтобы кормить тебя в течение пятнадцати лет!

Мариса кричит, чтобы я замолчал, но слишком поздно.

Дело сделано.

*Манхэттен, сегодня
Суббота, 31 октября*

Меня зовут Джимми Кавалетти, мне 38 лет. Я сижу в поезде, который везет меня на Манхэттен. Вчера вечером моя дочь не вернулась домой. Она ушла, и это случилось из-за меня. Я причинил ей боль, я ей солгал.

Центральный вокзал. Поезд подходит к перрону. Я — точно заблудившийся турист, меня толкают, а я иду слишком неуверенно. Я не бывал на Манхэттене с того года, когда Итан исчез из нашей жизни. Я знаю, что город изменился и нынешний Нью-Йорк уже не имеет ничего общего с Нью-Йорком моей молодости. Но мне необходимо найти Джесси. И сделать это как можно быстрее. Я не сказал об этом Марисе, но утром я обнаружил, что моего старого пистолета, который я хранил у себя в мастерской, нет на месте.

Пожалуйста, Джесси.
Не делай глупостей.
Я иду искать тебя.

ОДНАЖДЫ В НЬЮ-ЙОРК-СИТИ

Что касается будущего, то ваша задача не предсказывать его, а помочь ему осуществиться.

Антуан де Сент-Экзюпери

Даунтаун Манхэттена

Перед супермаркетом «Уэлфуд»

10 ч 04 мин

— Смотри, мама, я индеец! Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хуууууууу!

— Перестань вести себя, как дурачок, Робби, и возвращайся в машину.

С орущим ребенком на руках Мередит Джонстон закладывала сумки, набитые провизией, в багажник «Тойоты» цвета абрикоса. Маленький мальчик, одетый индейцем, кружил вокруг нее в воинственном танце:

— Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хууууууууу!

* * *

Итан мчался по даунтауну на предельной скорости, лицо его обдувал ветер. Грант-стрит, Лафайет, Бродвей... Мотоцикл хорошо держался на дороге и легко проскальзывал мимо витрин.

На ходу он посмотрел на часы, у него было какое-то дурное предчувствие относительно Джесси. В этот третий день он не пошел на передачу. Следовательно, если все происходит точно так же, Джесси должна еще находиться в кафе-магазине, предаваясь размышлениям о своем незавидном существовании.

С пистолетом на расстоянии вытянутой руки.

И преследуемая судьбой.

* * *

За столиком у окна в «Сторм-кафе» сидела светловолосая и хрупкая

девушка. Она вновь и вновь перечитывала вырезку из газеты «Нью-Йорк таймс», которую кто-то оставил на сиденье на вокзале, где она провела ночь. В статье говорилось о психоаналитике, который соблазняет Америку. О том человеке, которого она много раз видела по телевизору и все книги которого прочитала.

Джесси никак не могла оторвать взгляд от крупной фотографии на первой полосе. Что скрывается за этой улыбкой — обаятельной, но какой-то натянутой? Что прячется в глубине искрящегося взгляда, где тем не менее угадываются грусть и усталость?

Вчерашний спор с родителями имел, по крайней мере, один плюс — он вскрыл нарыв, который понемногу отравлял их жизнь, вытащив на свет все то, что она смутно чувствовала уже давно. После ужасных слов Джимми она убежала из дома с твердым намерением найти отца-призрака, который все время ее преследовал, чтобы задать ему один-единственный вопрос: почему ты меня бросил?

Но сегодня утром, когда она оказалась у порога его офиса, решимость уже была не такой твердой. Она замерзла, чувствовала себя опустошенной, хрупкой, словно трухлявая ветка сухого дерева, крошащаяся, точно мел. В десять лет ряд учебных тестов определил ее как чрезвычайно способного ребенка. Однако она ничего не смогла извлечь из этой так называемой интеллектуальности. Главным образом потому, что ее мучил страх. Страх остаться без любви и защиты. Страх оказаться безоружной, встретившись лицом к лицу с жестокой реальностью. Страх оказаться беспомощной, от которой уже ничего не зависит. Страх и отвращение к жизни в безжалостном мире, который только и делает, что перемалывает слабейших.

Она посмотрела через стекло на бездомного, который спал в нише на другой стороне улицы. Она всегда испытывала сострадание к беднякам, но хорошо ли это? Психолог в лицее заставил ее усомниться в этом, произнеся странные слова: сострадание делает тебя чувствительной, следовательно — слабой, чтобы иметь успех, надо в первую очередь думать о себе.

Она натянула куртку, подхватила сумку «Истпак», лежавшую на сиденье, и встала, чтобы выйти из кафе. И тут у нее вдруг закружилась голова. Скудные сбережения ушли на билет, и, кроме нескольких печений, она со вчерашнего дня ничего не ела. В кармане она чувствовала пистолет, украденный в мастерской отца. В округлых формах его рукоятки было что-то придающее уверенности. Она лягнула зубами и пожалела о том, что не взяла с собой чего-то более теплого, чем ее куртка. В этот момент ей хотелось растянуться на земле, завернуться в одеяло и заснуть, чтобы

никогда больше не проснуться.

* * *

После поворота на Фултон-стрит Итана ослепило яркое солнце, и он поднял руку, чтобы защититься. Мотоцикл вильнул, но он сумел его выровнять. Он быстро мчался по Фултон-стрит. Пролетел перекресток и еще издалека заметил вывеску «Сторм-кафе».

Джесси!

Он увидел ее в двадцати шагах впереди, она переходила улицу не по пешеходному переходу. На миг от сердца отлегло, но тут он заметил по встречке абрикосового цвета «Тойоту», которая на полной скорости летела прямо на нее.

— Смотри, мама, я индеец! Ху-Ху-Ху-Ху-Ху-Хуууууууу!

Мерedit вздохнула. Этот мальчишка сейчас окончательно сведет ее с ума.

— Мама!

Она повернулась и измученно крикнула:

— Я поняла, Робби: ты — индеец, ты — индеец!

— Девочка, мама! Она переходит! ОСТОРОЖНО!

* * *

— ОСТОРОЖНО!

Машина врзается в тело.

Все происходит в мгновение ока. В одну секунду, которая расширяется, покрывая трещинами лак реальности, ломая обычный порядок вещей. В этот короткий миг ход судьбы сбивается с колеи, смятый непредвиденной волной в излучине времени.

* * *

Когда Мерedit вновь поворачивает голову, тормозить уже поздно, слишком поздно, чтобы предотвратить неизбежное. Все происходит очень быстро, но она уже знает. Знает, что будет до и после. Знает, что сегодня ее жизнь перевернется. Что больше ничто не будет, как прежде. Что она не

будет больше спать спокойным сном и что остатки невинности и свежести, которые еще жили в ней, улетят навсегда. Что искаженное ужасом лицо этой девочки будет преследовать ее каждую ночь.

* * *

— ОСТОРОЖНО!

Крик доносится откуда-то со стороны прохожих.

Джесси поднимает голову. Она видит машину, несущуюся на нее, и понимает, что сейчас все будет кончено. По правде говоря, в этот момент она чувствует себя такой пустой и такой уставшей, что у нее возникает ощущение, что она уже умерла. Бывало, в болезненном бреде она иногда спрашивала себя, что ощущают в полете те, кто выпрыгнул в окно. Последняя капля жизни — есть ли у нее какой-то особенный вкус за секунду до смерти?

* * *

Двигаясь с противоположной стороны, Итан выворачивает руль влево и блокирует заднее колесо, укладывая мотоцикл практически набок. Это единственное, что он смог сделать, чтобы спасти Джесси. Слетев со своего «БМВ», скользящего по асфальту посреди мостовой, он катится несколько метров по земле. Он чувствует гудрон, сдирающий его кожу. Он знает, что при любом падении с мотоцикла травмы неизбежны. У него нет кузова, нет ремня и подушки безопасности. На нем нет даже шлема, ведь он забыл его в «Клубе 13». Жестокое напоминание о безжалостности судьбы.

Дважды его череп тяжело ударяется о землю. Удар так силен, что он уверен: больше уже не поднимется. Он думает о том, что ему еще утром сказал Кертис: *битву, которую вы затеяли, еще никому не удавалось выиграть.*

Жаль — ему бы очень хотелось продолжить партию и поиграть еще хотя бы несколько часов.

* * *

Мотоцикл продолжает скользить, пока не врежется в буфер «Тойоты»,

заставляя ее в *последний момент* изменить траекторию движения. Джесси чувствует машину, которая ее задевает, а также дуновение смерти, которое лишь слегка касается ее лица. Машина отлетает на тротуар и врежется в «Сторм-кафе», разбивая вдребезги витрину и переворачивая столы и стулья, стоящие у окна.

* * *

А затем время возобновляет нормальный ход. Движение само собой остановилось, и тревожный гул пошел над толпой. В кафе-магазине все служащие и клиенты целы и невредимы. Защищенные ремнями безопасности, Мередит и Робби в шоке, но тоже не пострадали.

— Мама, ты видела, как надулась подушка безопасности!

Вокруг Итана столпилась небольшая группа, они изумлены, увидев, что он почти тотчас же поднялся. Правая сторона его лица вся в грязи и ободрана от подбородка до уха. Губа разбита, один из зубов сломан. Он искал Джесси взглядом, но ее тут уже нет.

— Мама, ты видела, как надулась подушка безопасности! Ты видела, как она надулась? Видела? А?

— Да, Робби, я видела.

Две полицейские машины прибыли на место, и понемногу эмоции уступили место повседневной работе: люди обменивались координатами адвокатов, полицейские записывали свидетельские показания, и все были поражены исчезновением девочки, которая играла главную роль во всех рассказах. Итан хотел было поехать на ее поиски, но полицейские потребовали, чтобы он предъявил права и страховку на мотоцикл, которой у него при себе не оказалось. Выслушав его объяснения, они потребовали, чтобы он проводил их к себе, чтобы там закончить со всеми формальностями. Сев на заднее сиденье машины, он почувствовал вдруг острую боль в голове, но она почти тотчас отпустила.

— Хотите, отвезем вас сначала в больницу? — предложил один из детективов. — Надо проверить, нет ли сотрясения.

— Схожу потом, — пообещал Итан.

И захлопнул дверь. В окно он заметил маленького мальчика из «Тойоты», который в десятый раз расхваливал матери достоинства подушки безопасности...

Еще охваченная волнением, Джесси бежала, почти задыхаясь. Она испугалась масштабов катастрофы, в которой винила себя. Надо было быть более внимательной! И зачем только она пошла через улицу не по переходу?

Перед глазами мелькали картинки — жестокие, хаотичные, путанные. Она не все могла понять в случившемся, но, если подумать, становилось очевидно, что она обязана жизнью «человеку на мотоцикле». Бросив свой мотоцикл по колеса «Тойоты», он изменил траекторию ее движения, и это спасло ее от неминуемой смерти. Едва почувствовав себя вне опасности, она инстинктивно постаралась скрыться, чтобы избежать встречи с полицией, и сделала это, даже не узнав, есть ли жертвы.

Она остановилась, чтобы перевести дыхание. И, раздавленная чувством вины, рухнула на тротуар. Внутри была пустота. Ни энергии, ни искры, ни жизни. Она прислонилась к стене и обхватила голову руками, из глаз хлынули слезы. Она сидела так в полной прострации, пока не почувствовала, что на нее легла холодная тень. Тогда она подняла глаза и увидела чернокожего внушительного телосложения и с бритым черепом. Он склонился к ней и поднес к ее лицу свою огромную руку, где на пальцах значились четыре буквы FATE. Джесси открыла было рот, чтобы закричать, но какое-то шестое чувство ее остановило. От этого человека исходила какая-то успокаивающая благодать. Он вытер ей слезы своим большим пальцем и протянул руку, чтобы помочь встать на ноги.

— К... кто вы такой? — спросила она, отступая на шаг.

— Тот, кто приносит хорошие новости, — ответил Кертис.

Нетерпеливый сигнал клаксона заставил их обернуться. Старый «Чекер» перегораживал Сидар-стрит. Поглядев на машину, Джесси подумала о такси, которые она видела в фильме Альфреда Хичкока.

— Садись, — предложил большой чернокожий.

— И куда мы поедem? — спросила она подозрительно.

— Изменять судьбу.

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ С ТОБОЙ

Глагол «любить» трудно спрягать: прошедшее время — сложное, настоящее время — индикатив, [\[70\]](#) а будущее время — всегда условное.

Жан Кокто

— Вот и все, бумаги в порядке.

Итан закрыл портфель и проводил полицейских до «Форда Краун Виктория», украшенного девизом нью-йоркской полиции: «Вежливость, профессионализм, уважение».

Манхэттен

Гавань Норт-Коув

11 ч 32 мин

— Вы уверены, что не хотите в больницу? — еще раз спросил полицейский помоложе.

— Со мной все хорошо, — заверил Итан.

Он попрощался с ними и вернулся на яхту умыться и обработать раны.

При выезде с парковки *детективы*, проехали мимо странного вида такси, марки «Чекер», припарковавшегося рядом, чтобы высадить хрупкую молоденькую блондинку, которая сделала пару неуверенных шагов по площади, точно птица, прилетевшая в гнездо.

Джесси впервые попала в это чудесное место и была немножко растеряна. Она подняла голову и окинула взглядом изящные башни из розового песчаника, сверкавшие на солнце. Построенный на берегу Гудзона, Бэттери-парк-сити отвоевал место у воды в 80-х годах. Квартал был построен на искусственной насыпи из земли и камней, извлеченных при рытье котлована для фундамента башен-близнецов.

Позади атриума «Винтер-Гарден» она увидела шикарные яхты, пришвартованные в небольшой гавани, вид на которую открывался, словно вырез вдоль эспланады. Джесси направилась к дорожке, пролежавшей в тени деревьев, которую украшали корзинки с цветами. Она вела к приморскому курортному комплексу.

Девушка подошла к причалу как раз в тот момент, когда Итан вышел на мостик яхты. Столкнувшись нос к носу, оба пришли в замешательство. Застигнутая врасплох, Джесси развернулась и побежала.

— Подожди! — закричал Итан и ринулся за ней. — Подожди!

Но девушка не остановилась.

— Джесси!

Его голос прозвучал, словно крик из самого сердца. Он окликнул ее по имени, и ее порыв тотчас же сошел на нет. Ошеломленная, она выпустила из рук сумку и развернулась.

Как он узнал, кто она такая?

Ветер обдувал отца и дочь, которые стояли на дорожке друг напротив друга. Между ними было не более двух метров.

Она увидела его раны и порванную одежду, вспомнила «мотоциклиста» и тут же поняла, что именно *он* ее спас.

— Я уже три дня тебя ищу, — сказал он, подходя.

Джесси не поняла, что он имеет в виду, но это не страшно: отец знал про нее, он искал ее, он ее спас.

Он как будто подарил ей жизнь во второй раз.

* * *

Грациозная яхта только что покинула гавань и быстро плыла по волнам Гудзона. От ее блестящих бортов во все стороны летели брызги, которые обдавали паромы, идущие от Эллис-Айленда и статуи Свободы.

Солнце скрывали тонкие облака, и свет казался каким-то неземным. Джесси прислонилась к стальным поручням на мостике и зачарованно смотрела на контуры небоскребов и Бруклинский мост. Девушке казалось, что ей принадлежит весь город. Итан зашел в капитанскую рубку, защищенную ярким козырьком, и остановил яхту у Губернаторского острова, а затем скрылся в каюте. Оттуда он вышел с завтраком на подносе и пригласил Джесси присоединиться к нему на *мостике*.

Ветер стих, и солнечные лучи заливали стол.

Он налил ей стакан фруктового сока и стал готовить единственную сладость, которую умел делать. Вылил в большую чашу стакан натурального йогурта, положил туда кусочки банана, крошеный миндаль и ложку кленового сиропа.

— Это же десерт, который делала моя бабушка! — воскликнула Джесси.

Итан кивнул.

— Это она научила меня его делать. Она готовила его нам на полдник, когда мы с Джимми возвращались из школы.

Она посмотрела на него с удивлением, не ожидая, что у них окажутся общие воспоминания. Это придало ей уверенности. Для Итана все было гораздо сложнее. Теперь, зная об их родстве, он стал более застенчив при разговоре, чего не было при предыдущих встречах.

После долгого молчания Итан наконец решился. Здесь, у слияния двух рек, между небом и морем, перед самым знаменитым небоскребом в мире, он решил рассказать ей про все: про детство и подростковый возраст, который провел вместе с Джимми, о том, как встретил в лицее Марису и окончил учебу, про унижения на стройках, про жажду знаний и желание достигнуть чего-нибудь в жизни, которое одним осенним вечером пятнадцать лет назад привело к бегству на Манхэттене.

— Не знаю, что тебе наговорили Джимми и Мариса, но ты должна знать, что при уходе я и не подозревал о беременности твоей матери, а она никогда не говорила мне о твоём существовании.

— Но ты же взял и исчез! Ни с того ни с сего!

— Да, — признал он. — Но это случилось внезапно. Мне было двадцать три года и мне казалось, что мою жизнь расписали за меня. Я же хотел открыть новые горизонты, встретить других людей, доказать себе, что я способен достичь свободы...

— И ты не пытался еще раз встретиться с ними?

— Знаешь, учитывая обстоятельства моего исчезновения, думаю, что твои родители не слишком-то жаждали моего возвращения.

Потом Итан все-таки признался:

— Я не слишком горжусь своим поступком.

— А как же мама? Ты ее не любил?

— Мы тогда были молоды, — сказал он, качнув головой.

— Ты не ответил на мой вопрос, — продолжала настаивать она.

Итан прищурился и посмотрел вдаль.

— Не то чтобы не любил... Я не любил ее настолько, чтобы остаться. Она не была той самой женщиной, в которую влюбляешься раз и навсегда. К тому же любовь не могла решить все проблемы.

— В таком случае, любовь была ненастоящей, — отрезала Джесси.

— Ты так думаешь, потому что ты — еще ребенок. На самом деле все гораздо сложнее.

— Я не ребенок! — возмутилась она. — Ты говоришь в точности, как мой...

— Если я и говорю, как твой отец, — сказал он с легкой усмешкой, — то лишь потому, что я тоже твой отец. Ну, или хочу им стать.

Затем некоторое время никто не прерывал молчания. Они смотрели на чаек, которые жадно кружили над яхтой, привлеченные подносом с едой.

Наконец Итан высказал то, что у него было на сердце:

— В любом случае я очень горжусь, что у меня такая дочь.

— Это потому, что ты меня не знаешь.

— Это покажется странным, но я знаю не так уж мало. Ты убежала из дома, чтобы найти меня, вырезав мою фотографию из газеты. У тебя в кармане куртки пистолет, но вряд ли у тебя хватит смелости и решимости направить его на себя.

Она перехватила его взгляд блестящими глазами, пораженная тем, что он сказал.

— Я знаю, что сейчас жизнь кажется тебе мучительной и безысходной, ты часто думаешь о смерти. Для тебя окружающий мир несправедлив и возмутителен. Страдания других заставляют страдать и тебя саму, потому что ты благородна и чувствительна. В силу своего возраста ты склонна преувеличивать крайности и быстро переходишь от глубокой скорби к восторженной радости.

Вновь поднялся ветер. Джесси застегнула куртку. Осеннее солнце мягко освещало здания на берегу моря и приглушало металлический блеск, от которого в ясную летнюю погоду слепило глаза.

— Джимми и Мариса — твои единственные настоящие родители, которые всегда будут с тобой. Я уверен, что Джимми всегда был прекрасным отцом, который любит тебя и всегда о тебе заботится.

Джесси едва заметно кивнула. Итан положил ей руку на плечо. Ему очень хотелось сказать, что он тоже всегда будет рядом, что, несмотря ни на что, они наверстают потерянное время. Но он не знал, что случится под конец поездки, и поэтому не хотел давать ложных обещаний.

— Знаешь ли, неважно, чем ты будешь заниматься в жизни. Важно не обманывать себя. У тебя обязательно будут мечты, и ты постарайся их осуществить...

Она задумалась и решила не рассказывать про все, подойдя к теме с другой стороны:

— Иногда, когда я видела тебя по телевизору или читала одну из твоих книг, мне казалось, что возможно все. — Она поискала слова, чтобы уточнить свою мысль. — В тебе мне нравилась способность убеждать людей, что их жизнь не стоит на месте и еще ничего не потеряно.

Ее слова смутили Итана. И Джесси уверенно завершила свою речь:

— Я тоже хочу вселять уверенность в тех, кто ее потерял.

Растроганный этим признанием, он стал расспрашивать ее об учебе, родителях, круге чтения и интересов. По мере разговора она рассказывала все больше и больше. Он понял, что она очень образованная девушка, любознательная и в то же время крайне недоверчивая для своих лет. Девушка была пессимисткой и придерживалась фаталистического взгляда на мир. Она считала себя неспособной быть хозяйкой собственной судьбы, ей не хватало уверенности в себе, но она заботилась о других. Тогда он использовал дар, который она ему приписывала, чары, граничащие с гипнозом, чтобы убедить ее в обратном: жизнь стоит того, чтобы ее прожить, можно прекратить страдания и добиться большего, только пройдя через испытания. Понемногу Джесси перестала возражать. Он впервые увидел ее улыбку, она даже начала шутить. Затем, в свою очередь, стала расспрашивать его о жизни и о работе.

Со свойственной ей интуицией она догадалась, что за маской успеха скрывается разочарованный в жизни человек, который тоже испытал много горя.

— А ты встретил ту самую, свою единственную?

Итан покачал головой, глядя на пассажирские корабли, которые проходили мимо быстрых полицейских катеров.

— Встретил, но не смог ее удержать.

— Может, еще не поздно? — спросила она. Поскольку он не отвечал, она процитировала его собственные слова: — Я думала, что никогда не стоит отчаиваться.

— Иногда нужно признать, что ты упустил свой шанс и слишком поздно пытаться все исправить.

— А ты уверен, что эта женщина больше тебя не любит?

— Она сегодня выходит замуж!

— Правда? Какая жалость, — она искренне вздохнула.

Преисполнившись любопытства, она вновь стала спрашивать его, и тогда Итан поведал ей свою историю с Селин, начиная с их встречи в Париже до уведомления о свадьбе, которое она ему отправила. А потом Итан внимательно выслушал взгляд на свою историю с новой — женской стороны. Они проговорили так примерно еще полчаса.

* * *

Солнце подошло к зениту и озарило волны Гудзона золотистым

светом. Подплывая к гавани, Итан подумал о Джимми, ведь тот был один в городе и вне себя от горя искал дочь. Итан предложил Джесси позвонить ему по мобильному и встретиться с ним и дал ей свой «Блэкберри». Она вышла на палубу, чтобы сделать звонок. Из-за шума мотора и криков чаек разговора он не услышал, но догадался, что Джесси пыталась успокоить Джимми. Как только они подошли к причалу, Джесси запрыгнула на мостик, вновь полная энергии и хорошего настроения.

— Вернусь через час, — весело пообещала она.

Он хотел было поспорить, но она не дала ему на это времени. С ловкостью, присущей молодости, она резво соскочила с мостков на дорожку. Оказавшись перед синеватыми стеклами Винтер-Гарден, она обернулась и помахала ему рукой. Итан, улыбаясь, ответил ей тем же. Он с радостью убеждался, что к ней вернулась жажда жизни. Он ничего ей не обещал, но был уверен, что проживет достаточно долго, чтобы увидеть, как она станет взрослой. После этой встречи он сам был исполнен надежд и решимости — его переполняло желание жить, и он верил, что судьбу можно изменить.

Жизнь часто похожа на партию в покер: выиграть можно и с плохой картой.

КОГДА ЖЕ ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ?

— Теперь мне необходимо уехать, но я не допущу, чтобы это отразилось на наших отношениях. [\[71\]](#)

Последние слова, не слышные зрителю,

которые Билл Мюррей прошептал

Скарлетт Йоханссон в фильме

«Трудности перевода» Софи Копполы

Манхэттен

Гавань Норт-Коув

13 ч 21 мин

Итан остался на яхте один и занялся тем, что приходилось делать после каждого выхода в море: стал проверять шварты и кранцы, мыть мостик и борта, окна и люки. Пока он пытался установить тент над рубкой, ветер усилился, и его задача усложнилась.

— Помочь?

Он поднял голову — в клетчатой рубашке из плотной ткани и кепке «Ред Сокс» перед ним стоял Джимми, приехавший на пристань.

* * *

Джесси миновала лабиринт улиц у Уолл-стрит и вышла к станции метро «Брод-стрит». Перепрыгнула через турникет и спустилась на платформу. Из тоннеля с шумом выехал далеко не новый поезд, и из переполненных вагонов на платформу высыпали пассажиры.

Девочка шагнула в вагон и стала молить Бога, чтобы не появились контролеры.

Она привстала на цыпочки и попыталась разобраться в схеме метро. Через несколько минут состав приехал в Мидтаун, и Джесси решила выйти

на Таймс-сквер. Было около двух часов дня, и повсюду ходили туристы. Толпа почти не двигалась, дети плакали, машины сигналили, девушки толкались, чтобы сфотографироваться с *Голым ковбоем*.^[72] Среди этого водоворота Джесси нашла полицейский патруль, который подсказал ей, как добраться до места.

* * *

— И ты взял и отпустил ее?

— Да.

— И даже не спросил, куда она пошла?

Итан и Джимми стояли лицом к лицу на пристани, словно боксеры перед поединком.

— Не переживай, она сказала, что скоро вернется.

— У тебя нет ни малейшего понятия, куда она могла пойти?

— Нет, я ей доверяю, вот и все.

— Ты доверяешь четырнадцатилетней девочке, которая не знает Нью-Йорка и разгуливает одна по Манхэттену?

— Это самый безопасный город в мире, Джимми! Мы уже давно не в 80-х!

— А как же ствол?

— За кого ты меня принимаешь? — ответил Итан, протягивая ему пистолет с перламутровой рукояткой. — Я стащил его у Джесси так, что она и не заметила.

— И гордишься собой?

— Я сказал лишь, что, если бы ты не оставил его у себя, и проблемы бы не возникло. Двадцать лет прошло, и я еще раз советую тебе избавиться от него.

— Ну и наглость!

Несмотря на все свое возбуждение, Джимми немного успокоился.

Уже наполовину убежденный, он поинтересовался:

— И как ты ее находишь?

— Прекрасная девочка — умная, живая и тонко чувствующая.

— Значит, ты знаешь, что сейчас дела не особо хороши.

— Да, я понял.

— Ее выгнали из лица.

— Да, она рассказала, что ее засекли с травкой.

— Представляешь!

— Ну, мы же тоже курили, — пожав плечами, заметил Итан в ее оправдание.

— Знаешь, ни к чему хорошему это не привело, — возразил Джимми.

* * *

Селин примеряла свадебное платье, стоя перед большим настенным зеркалом в номере гостиницы «Софитель». Сияющее кружевное платье из органызы контрастировало с потухшим взглядом молодой женщины. Она постаралась улыбнуться, но ее лицо скривилось, и ей захотелось расплакаться. Она чувствовала себя усталой, подавленной, лишенной воли и сил. Поглядев в зеркало, она заметила небольшие морщинки у глаз и губ. Ей недавно исполнилось тридцать, а тридцать — это далеко не двадцать. Конечно, выглядела она молодо, но лицо уже потеряло яркость и свежесть, а кожа стала не такой гладкой, как раньше. А дальше будет только хуже. На солнце набежало облако, и в комнате стало сумрачно. На миг Селин представила себе свое горькое будущее: придет старость, тело станет дряхлым, память начнет подводить. Этот день должен был стать одним из самых счастливых в ее жизни, но он скорее походил на траур — траур по молодости. Траур по мечте о любви. Она мечтала о буре чувств, но теперь назад пути нет.

Кто-то постучал. Селин почувствовала себя так, будто ее схватили с поличным. Она взглянула на дверь.

— Войдите.

* * *

— А у тебя дети есть? — спросил Джимми.

— Да, — ответил Итан. — Девочка.

— Правда? И сколько же ей лет?

— Четырнадцать с половиной.

Джимми посмотрел на него и погрозил пальцем.

— Джесси — моя дочь, и тебе ее не отнять!

— Может быть, но ты не имел права говорить ей, будто я ее бросил!

— А ты не имел права вот так исчезать!

Они перешли на повышенные тона. Из-за прошлых обид Джимми, казалось, вот-вот бросится в драку, но Итан примирительно развел руками.

— Я понимаю, вам с Марисой пришлось нелегко, — признал он. — Но все это в прошлом. Сейчас имеет смысл просто перевернуть эту страницу навсегда.

Джимми бросил на него подозрительный взгляд.

— Не считай меня угрозой себе, Джимми. Это ты вырастил Джесси, ты ее воспитывал. Именно ты — ее настоящий отец.

Эти слова слегка отрезвили Джимми, и он успокоился. А Итан продолжал:

— Но все-таки признай, что в нашем беспокойном мире забота всех нас троих, а не только вас двоих, будет для нее лучше.

— Не знаю, — ответил его друг, пожимая плечами.

— Хватит оглядываться на прошлое! Облегчи себе жизнь и пусти в ход деньги, которые Мариса упрямо копила много лет.

— Откуда ты об этом знаешь?

— Это долгая история, — ушел от ответа Итан.

— Послушай, нам твои деньги не нужны.

— Что-то сомневаюсь. Но опять же — эти деньги предназначены не вам, а моей дочери! От них зависит ее благополучие — учеба и ее дальнейшее будущее. Я даже не прошу вас говорить, что это я их передал.

* * *

Селин вытерла слезы.

— Войдите.

Она ожидала увидеть Себастьяна или Зоэ, но в номер вошла белокурая девочка лет пятнадцати.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Эээ... здравствуйте.

Джесси смущенно приблизилась. Селин не сводила с нее глаз. Это лицо, эти глаза напоминали ей...

— Мне кажется, мы уже встречались. Вы приезжали к нам в Бостон...

— Да, — вспомнила Селин. — Ты была еще маленькой.

— Мне было десять. Меня отправили в мою комнату.

Молодая женщина смотрела на нее, не говоря ни слова, пораженная удивительным сходством с Итаном, которого тогда не заметила. Она настолько не ожидала ее прихода и не понимала его причины, что даже не представляла, что сказать.

— Сегодня у вас особый день, — сказала Джесси.

Селин кивнула.

— У вас очень красивое платье.

— Спасибо.

Джесси поколебалась, но затем решилась:

— Вам покажется странным то, что я скажу. Конечно, уже слишком поздно, и жизнь взрослых гораздо сложнее, чем я могу себе представить...

* * *

Итан с Джимми сидели за столиком на палубе. Светило солнце, и дул ветер, гнавший волну по Гудзону. Прямо как в старые добрые времена они открыли две бутылки пива «Корона». Разговор перетек в более мирное русло и остановился на чемпионате по бейсболу: пару дней назад «Ред Сокс», команда их детства, выиграла матч. Казалось, жизнь вошла в нормальное русло, и будущее выглядело многообещающим, будто и не было этих пятнадцати лет.

Внезапно Джимми вскочил на ноги.

— Это Джесси! — сказал он, прикрыв от солнца глаза.

— Я же тебе говорил, что ей можно доверять.

— Странно, она не одна. Пойдем посмотрим. Ты знаешь эту женщину в свадебном платье?

Теперь уже Итан привстал со стула и схватился за поручень.

Он узнал Селин и понял жест Джесси.

— Ну что? — продолжал допытываться Джимми.

Он повернулся к Итану и увидел, что на глаза у того навернулись слезы.

— Что? Я думаю, что твоя дочь в четырнадцать лет уже способна решать самые тяжелые проблемы на свете.

— Какие это?

— Возвращать людям уверенность в себе, которую они давно потеряли.

Что мы считаем началом, часто — конец. А дойти до конца означает начать сначала.

Т. С. Элиот

Штат Нью-Йорк

Среда, 31 октября 2007 года

16 ч 02 мин

Асфальт так и мелькал под колесами. Широкие шины, низкое сиденье, рычащий мотор, массивная наклонная вилка — мотоцикл мчался к Хэмптонсу. На хромированных деталях отражалось небо, а солнечный блик заставлял зажмуриться. На темно-красном топливном баке красовался логотип фирмы «Харлей-Дэвидсон».

За рулем сидел Итан.

Позади — Селин.

Выехав из Нью-Йорка, они в каком-то опьянении пролетали километр за километром на огромной скорости. Это были волшебные мгновения. Она обнимала руками его грудь и восторженно прижималась к нему. Накал при их встрече напоминал только начинающуюся любовь, а затем, когда они немного успокоились, стало казаться, что они теперь уже никогда не расстанутся. Они оставили все проблемы в прошлом и решили не тревожить волшебное настоящее бесконечными извинениями и оправданиями. Они полагались на очевидность и на счастье быть вместе.

* * *

Они миновали череду фешенебельных поселков и старинных портов для китобойных судов на Атлантическом побережье между Саутгемптоном и Монтоком, которые образовывали сердце Хэмптон-бич. Летом переполненный туристами, осенью этот «американский Довилль» становился куда более тихим. Несмотря на плотность населения и дома миллионеров, эта полоса земли, вдающаяся в океан, сохраняла неизменный

шарм, который так нравится художникам: здесь черпали вдохновение Дали и Дюшан, здесь нарисовал множество своих шедевров Джексон Поллок. Летом 1956 года в городке Амагансетт провели медовый месяц Мэрилин Монро и Артур Миллер. Согласно легенде, эта летняя шалость была лучшим периодом в жизни актрисы.

Через три часа Селин и Итан прибыли в Монток, на самый конец правого берега Лонг-Айленда. Местные называли это место «Концом»: здесь была конечная железнодорожная остановка, конец путешествия, конец истории.

Мотоцикл остановился перед старинным рыболовным домиком, полускрытым за дюнами. Они размяли ноги на чистом песчаном пляже, о который разбивались могучие волны. Дул сильный порывистый ветер. Над ними синело яркое небо с тонкими перышками облаков пастельных тонов.

— Ты всех сюда привозишь? — пошутила Селин, заходя в дом.

Главная комната сохранила старинный интерьер с открытыми балками, мебелью из белесого дерева и безделушками, расставленными повсюду: штормовой лампой, миниатюрным парусником, компасом, подзорной трубой, коллекцией морских звезд и морских коньков. На стене, рядом со спасательными буйами, висели рыболовные сети вперемешку со снастями и поплавками.

Несмотря на хорошую погоду, в доме было прохладно. Итан хотел было заняться дровами, чтобы разжечь огонь, но Селин взяла его за руку и повела к лестнице.

— Я думала, ты бросишься показывать мне спальню.

* * *

Руки соединяются.
Губы тянутся к губам.
Тела ищут друг друга.
Украденная свобода, крохи счастья, которые удалось урвать,
путешествие в невесомость.
Короткая траектория вне времени.
Губы впиваются друг в друга, тела сплетаются, сердца пылают.
Сжигающее и всепоглощающее пламя.
На кровать брошена граната без чеки.
Головокружение, нехватка кислорода, пустота внутри живота.
Губы шевелятся, тела хватаются друг за друга, дыхание учащается.

Волосы перепутываются, ресницы трепещут, слышатся вздохи.
Как поцелуй ангела.
Как музыка сфер.
Как головокружение у канатоходца, который пытается удержать равновесие на высоте.

* * *

Арабеска, вытатуированная на плече, представляла собой изречение одного индийского племени по поводу природы любви. *Часть тебя вошла в меня навсегда и поразила меня, словно яд.*
Снаружи свистел ветер, оконные стекла дрожали.

* * *

Селин, закутавшись в одеяло, вышла на веранду. Тучи рассеялись, и небо сияло идеальной синевой. Она посмотрела на горизонт, пытаясь проследить взглядом за пылающим солнцем, клонившимся к закату. Мало-помалу оно опустилось ниже уровня воды. Перед тем как окончательно исчезнуть, верхний краешек светила, казалось, раскрасил горизонт, и тут Селин увидела знаменитый *зеленый луч* — последний луч солнца.

Он был виден всего один захватывающий миг — от солнца порхнул изумрудный луч и тут же исчез — так же быстро, как и возник. Селин на миг застыла, зачарованная зеленым отсветом, который, как говорят, не удалось передать ни одному художнику. Говорят, это цвет рая.

Ей вспомнилась древняя шотландская легенда, гласившая, что последний солнечный луч дает тому, кто его увидел, способность развеивать иллюзии и читать в людских сердцах.

К ней вышел Итан с двумя дымящимися чашками.

— Попробуй, тебе понравится! — предложил он, протягивая одну.

Она не преминула его поддеть:

— Я знала, что любовь начинается с шампанского и заканчивается отваром из ромашки. Но не так же скоро...

— Никакой это не отвар, а прекрасный теплый грог! Из ароматного рома, лимона, корицы и меда.

— Горячий!

Она отловила ложечкой шкурку бадьяна, плавающую на поверхности,

и попробовала на зуб.

— Хочешь, приготовлю макароны? — спросил он, обнимая ее за талию.

— Заманчиво...

— Мою знаменитую лапшу с чернилами каракатицы...

— Я все спрашиваю себя, как я выдержала пять лет без этого блюда?

— Ну, тогда можно пойти в ресторан. Тут неподалеку есть один, им владеет француз. Он приготовит тебе запеченного омара с солью и рис с ананасами.

— Звучит здорово, но я должна вернуться на Манхэттен.

— Что?

— Я пригласила всех своих родственников, они проехали шесть тысяч километров, чтобы присутствовать на свадьбе, которую я в последнюю минуту отменила. Должна же я им все как-то объяснить.

— Позволь мне поехать с тобой.

— Нет, Итан, я должна сама все уладить. Я уеду сегодня вечером и завтра же вернусь к тебе.

На несколько секунд на лице Итана застыло разочарование, но почти сразу оно сменилось облегчением. Как можно быть таким идиотом? Сегодня он спас свою дочь, помирился с Джимми и вновь обрел любовь. Но тень смерти все время витала над ними. День еще не закончился, и он, как и раньше, опасался, что все завершится выстрелами и кровью. И он ни за что на свете не согласился бы пойти на риск, чтобы подвергнуть опасности любимую женщину. Он посмотрел расписание поездов на своем мобильнике, и они поспешно стали одеваться, чтобы не опоздать на поезд.

* * *

Этим субботним вечером вокзал Монток был наполнен гомоном и криками молодежи, которая вырядилась так, будто готовилась праздновать Хэллоуин. На платформе можно было встретить Человека-Паука, Чубакку, Халка и принцессу Лею, которые ждали поезда со своими друзьями.

Лонг-Айленд-экспресс до станции Пенн отправляется со второго пути. Отойдите от края платформы.

— Завтра утром я сяду на поезд из Нью-Йорка в 9.46, — пообещала Селин, сверившись с брошюрой компании «МТА».^[73] Он прибывает чуть раньше часа. Встретишь меня?

— А потом?

— Потом?

Они смотрели друг на друга, зачарованные любовью, которая читалась в их глазах.

— А что будем делать потом? — спросил Итан, взяв ее за руку.

— Что хочешь.

— Поженимся?

— Да, — согласилась она с улыбкой. — Но сразу предупреждаю: после случившегося мне сложно будет заставить родню снова приехать в Соединенные Штаты!

— Не страшно, не будем никого приглашать, нам никто не нужен и никогда не был нужен.

— А потом? — спросила она в свою очередь.

— Переедем в Сан-Франциско? — предложил он. — Ты же об этом мечтала...

— Хорошо, но как же твоя работа?

— Буду работать там. А твои ученики?

— Найду других. В Калифорнии достаточно школ.

— Поезд отходит! — предупредил начальник станции.

Селин шагнула на ступеньку вагона.

— А потом? Заведем детей?

— Сколько захочешь, — заверил Итан.

— Как минимум двух?

— Как минимум трех.

Контролер закрыл дверь. Селин села у окна. Пока поезд отходил от вокзала, она смотрела на Итана, которой стоял на платформе, и по его губам прочла: «Я тебя люблю».

— Я тоже тебя люблю, — ответила она.

Вот и все.

* * *

А что, если настоящая любовь начинается тогда, когда заканчивается страсть?

* * *

Сияющий от счастья Итан сел на свой «Харлей», который взял

напрокат в Нью-Йорке, и, спокойный и возбужденный от счастья одновременно, понесся по пустынной дороге, ведущей к маленькому домику. С улыбкой на глазах и волосами, развевающимися на ветру, он без конца вспоминал о своей вновь обретенной любви. Чудеса случаются чаще, чем мы того ожидаем. Порой жизнь отходит от своих жестоких принципов и дарит нам новое счастье. Но не слишком ли все хорошо, чтобы быть правдой?

Он вернулся домой уже ночью. Прогулялся по пляжу, долго смотрел, как звезды и луна отражаются в океане. Сколько времени он не замечал красоты окружающего мира? В последние годы жизнь проходила мимо, он все больше погружался в разочарование. Это невероятное приключение было просто необходимо, чтобы найти силы совсем не скатиться в ад уныния. Он уже почти утонул, но все-таки смог выбраться на поверхность. Жизнь заиграла новыми красками.

Вновь поднялся ветер, и разбушевавшиеся волны «смыли на песке следы расставшихся влюбленных».

* * *

Последние часы человека могут стать самыми счастливыми за всю его жизнь.

* * *

Через три четверти часа Лонг-Айленд-экспресс прибыл на вокзал Саутгемптона. Нью-Йорк был еще далеко. Вагон дрожал от веселых криков болельщиков, скандировавших название своей хоккейной команды: «Рейнджерз»! «Рейнджерз»! «Рейнджерз»!

На сиденье напротив Селин какой-то семилетний Супермен заснул на руках матери, одетой в костюм Зены, королевы воинов. Двери закрылись, молодая француженка, повинувшись какому-то внезапному порыву, вышла на платформу и посмотрела вслед удаляющемуся поезду.

Почему она решила уехать от Итана всего через несколько часов после того, как вновь его обрела? Ради объяснения с родственниками? Но родственники могут и подождать. На самом деле ей хотелось вновь оказаться рядом с любовью всей ее жизни. Не потому, что она сомневалась в его чувствах, а потому, что почувствовала, что их счастьем угрожает какая-

то неведомая опасность.

Опасность.

* * *

Итан налил себе чашечку кофе и пошел в гостиную, где в камине потрескивал яркий огонь. Он погасил все электрические лампы и оставил лишь керосиновую. Настенные часы из стекломассы показывали почти десять. Он поставил чашку на лодку из навощенного дерева, превращенную в этажерку, и присел на корточки, чтобы покопаться в коллекции пластинок, которую приобрел на блошином рынке в Ист-Хэмптоне. Достал диск «Роллинг Стоунз», осторожно вынул из конверта, протер пыль, поставил на проигрыватель и установил сапфировый звукосниматель на начало дорожки с «Энджи».

Ждать оставалось еще два часа. Два часа до того, как он узнает, собирается ли убийца вновь попытаться с ним покончить. На этот раз Итан был совершенно уверен, что все пройдет по-другому. Третий день был особенным: ему удалось повернуть судьбу и вновь обрести вкус к жизни. Может быть, в этом есть какая-то логика. Может быть, смерть ждет его в конце пути. Может быть, удастся вырваться из замкнутого круга. Может быть, он еще увидит и воскресенье, и понедельник, и вторник...

Он достал из кармана пистолет с перламутровой рукояткой, который отобрал у Джесси, и положил на журнальный столик — прямо под рукой. Если убийца появится, он, не колеблясь, выстрелит первым.

Он глотнул кофе и вновь взглянул на часы. Затем устроился в гамаке, закрыл глаза и стал слушать теплый звук винила, обогащенный треском и шипением от царапин на пластинке, что лишь усиливало красоту музыки.

*Порой, только покинув сцену, мы можем узнать,
какую роль играли.*

Станислав Ежи Лец

23 ч 59 мин 58 сек

23 ч 59 мин 59 сек

Треск.

Шум ветра, волн и дождя.

Скрипящая дверь открывается и вновь закрывается.

Итан открыл глаза. Комната погружена в полутьму. И как только он мог заснуть, все время оставаясь настороже? Он резко проснулся и с тревогой обнаружил, что Селин рядом с ним, ее голова лежит у него на плече. Почему она вернулась, не предупредив? Он ничего не слышал! Он с испугом повернул голову к настенным часам. Полночь! Он попытался высвободиться, не разбудив ее, но тут вдруг почувствовал чье-то присутствие рядом.

Слишком поздно.

Посеребренная рукоятка оружия сверкнула в темноте, и прямо перед ним возник силуэт человека в капюшоне. Итан открыл было рот, чтобы что-то сказать. Возможно, удастся его урезонить, возможно...

Слишком поздно.

Первая пуля пробила ему грудь, уйдя в диван и сбросив вскрикнувшую Селин на пол.

Словно пришпиленный к софе, Итан прижал руку к животу и поднял руку, чтобы защититься.

Пистолет — на журнальном столике. Нужно... Слишком поздно.

Убийца не оставил ему времени подняться. Вторая пуля попала Итану в голову. Он покатился по полу, а убийца двинулся к нему, направив оружие, чтобы выстрелить в третий раз.

Селин закричала и бросилась к Итану, чтобы прикрыть его.

Последняя пуля поразила молодую женщину в самое сердце, отбросив ее на паркет. Она упала, повернув лицо к своему возлюбленному.

Струйка крови потекла у Итана изо рта, но, прежде чем окончательно потерять сознание, он на секунду обрел полную ясность. Все плыло вокруг него, но он сумел наконец рассмотреть лицо убийцы.

И тогда все вдруг прояснилось, и он понял, что в странном расследовании, которое он вел уже три дня,

жертва,

следователь

и виновник —

это один и тот же человек.

Он сам...

— Нелегко... добиться, чтобы дух презрел жизнь...
Но разве ты не видишь, по каким ничтожным причинам
от нее с презрением отказываются?

Сенека

Преодолевая ветер и дождь, вертолет «Скорой помощи» с трудом приземлился на пляже Монтаук. При помощи местной бригады «Скорой помощи», Сади и Рико, сотрудники Службы неотложной помощи больницы Сент-Джуд, сделали все возможное, чтобы стабилизировать состояние раненых.

Они уложили Селин и Итана на носилки, которые потом поместили в вертолет, и пилотам была дана команда их эвакуировать.

Вертолет взлетел строго по вертикали и взял курс на Манхэттен.

* * *

В голове Итана
Между смертью...
...и жизнью

Я слышу шум винта вертолета, несущего нас к больнице. Я чувствую, что жизнь уходит, а еще чувствую присутствие Селин, которая борется со смертью, и ощущаю тревогу врача, который нас сопровождает.

На этот раз — все кончено. Я знаю, что не будет больше ни пробуждения, ни нового дня.

В моем сознании все удивительно ясно, как будто все замки вдруг слетели. Картинки последних месяцев моей жизни пролетают в моей голове без каких-либо искажений и цензуры. Они показывают разочарованного, погруженного в глубокую депрессию человека. Человека опустошенного и смотрящего жизни прямо в глаза. Человека, который больше не спит, разве что под снотворным, которому, чтобы выйти на улицу, необходим смертоносный коктейль — антидепрессанты,

болеутоляющие и анксиолитики. [74] Человека, который, стараясь выиграть все, умудрился все потерять: любовь, дружбу, семью, самоуважение, вкус к жизни и тягу к другим людям.

Теперь все ясно, и все возвращает меня в ту самую пятницу, в тот самый вечер, когда в моей памяти произошел black-out. [75] Теперь я отчетливо вспомнил, что произошло в конце того дня. Вспомнил об ощущении крайнего переутомления, об ощущении краха, которое у меня не было больше сил переносить, о назойливой мысли, которая переросла в уверенность: теперь смерти я боюсь меньше, чем жизни. Я вспомнил, как снял телефонную трубку, чтобы набрать номер, который дал мне один из моих высокопоставленных пациентов. Вспомнил нейтральный голос на другом конце провода, с которым я договорился о встрече. Вспомнил посланный мне номер тайного счета, на который я поручил своему банкиру перевести 300 тысяч долларов, ликвидировав весь свой портфель акций. Вспомнил, как я вышел из офиса и вдруг понял, что до назначенной встречи еще очень далеко. Вспомнил, как начал обходить бары, чтобы попытаться хоть как-то забыться. Вспомнил, что оказался в «Клубе 13» незадолго до полуночи и прождал там еще полчаса, пока некий человек не подсел к моему столику.

Человек в капюшоне.

Лучший наемный убийца в Нью-Йорке.

Я вспомнил его потухший взгляд и неподвижное, точно каменное лицо. Вспомнил его монотонный голос, когда он спросил, о ком идет речь в контракте, который я хочу ему предложить. Вспомнил, как протянул ему коричневый конверт, из которого он вынул фотографию: мою фотографию. Вспомнил, что он не выказал ни малейшего удивления — вне всяких сомнений, мой поступок был не так оригинален, как мне думалось.

Я вспомнил его последний вопрос, к которому я оказался не готов:

— Сколько пуль?

Я вспомнил, что помедлил, прежде чем ответить:

— Три: одну — в грудь и две — в голову.

И вспомнил, как он встал, а я остался за столом. Допил свой стакан, сказав себе, что на этот раз точку невозврата я преодолел.

И что так — даже лучше.

Команда интернов и медсестер собралась на крыше больницы, чтобы принять раненых. Из-за резких порывов ветра вертолет несколько минут летал вокруг здания, прежде чем ему удалось приземлиться. По радио сотрудников больницы уже проинформировали о состоянии пациентов. Из этой информации можно было понять, что надежд почти не осталось.

НА ЗЕМЛЕ, КАК НА НЕБЕ

Господи, дай мне душевный покой, чтобы принимать то, чего я не могу изменить, мужество — изменять то, что могу, и мудрость — всегда отличить одно от другого.

Молитва о душевном покое

*Больница Сент-Джуд
Воскресенье, 1 ноября 2007 года
1 ч 15 мин*

Доктор Шино Мицуки толкнул дверь закусочной «Элвис-динер», находившейся прямо перед входом в отделение «Скорой помощи». Он сел у стойки и заказал жасминовый чай, который ему подали вместе с fortune cookies. За окном гремела гроза. Под огнем молний металлический трейлер сотрясался от дождя и ветра, точно корабль в эпицентре шторма. Мицуки ослабил галстук и подавил зевоту. Отхлебнул чая, достал печенье из упаковки и разломил его, чтобы прочесть пословицу, написанную на маленькой полоске бумаги: «Тот, кто избегает безумств, не так разумен, как ему кажется».

Врач потер веки и какое-то время поразмышлял над этим изречением, как будто оно было предназначено лично ему. Размышления прервал писк его пейджера. Он положил бумажку на стойку и вышел из кафе, не обращая внимания на ливень.

*В голове Итана
Между жизнью...
...и смертью*

Я плаваю в воздухе над коридорами больницы без усилий, точно птица, парящая в небе. Я слышу надсадные голоса, крики. Вижу врачей и медсестер, которые суетятся вокруг меня, но я чувствую, что жизнь уходит. Я ищу Селин в других комнатах. Нужно торопиться. Я хочу еще раз побороться за нее, но у меня уже нет сил. Я растекаюсь, рассеиваюсь,

словно прах, который уносит ветер, после того, как его развеют.

Створки приоткрываются. Я замечаю тело Селин, окруженное людьми из «Скорой помощи», которые пытаются вернуть ее к жизни. Я хочу приблизиться к ней, но какая-то сила мне мешает. Прежде чем дверь опять закрывается, я слышу несколько криков, растянутых во времени: «Ребята, отходит!», «Похоже, конец», «Необратимая сердечная недостаточность». И тут я впервые осознаю, что она вот-вот умрет из-за меня. В этот последний день обретая счастье, я не взял в расчет то самое ужасное предчувствие, которое столько раз пыталось меня предостеречь: «Если ты ее любишь, надо ее защитить, а чтобы ее защитить, тебе надо исчезнуть».

Я ее убил.

Я ее убил.

Я ее убил.

* * *

4 часа ночи

Два тела.

В двух разных помещениях.

Два тела, которые несколькими часами раньше любили друг друга.

Две пары рук, которые сжимали друг друга в объятиях.

Две пары губ, которые искали друг друга.

Погруженная в искусственную кому, Селин продолжала жить только благодаря аппарату искусственного дыхания, который вентилировал ее легкие в ожидании возможной пересадки сердца.

Итан в состоянии клинической смерти лежал с закрытыми глазами. Кровь больше не поступала в его мозг, и его нейронные функции были необратимо разрушены. Однако удары сердца и температура его кожи позволяли думать, что не все еще потеряно окончательно.

Но это была лишь иллюзия.

Рядом с ним стояла Клэр Джулиани, одна из молодых интернов больницы, и смотрела на него с грустью.

Вдруг дверь в реанимационную резко отворилась, и появился Шино Мицуки.

— Обнаружили его водительские права! — бросил он ей.

Клэр посмотрела документ Итана и увидела, что разрешение на

изъятие органов отмечено галочкой. ^[76]

— Можно начинать процедуру, — сказал Мицуки. — Предупредите Дитриха и центры пересадки.

— Подождите! — ответила Клэр. — Какая у него группа крови?

— Четвертая. А что?

— Это именно та, что у той молодой женщины, что ожидает сердце!

Шино Мицуки покачал головой и вышел в коридор. Клэр вышла за ним.

— Доктор, мне кажется, мы могли бы рискнуть...

— Об этом не может быть и речи, и вы это прекрасно знаете!

— А почему бы и нет? Берем сердце и пересаживаем. Таким образом, не будет никаких проблем ни с хранением, ни со сроками транспортировки.

Мицуки резко остановился и строго посмотрел на интерна. Она заканчивала годичную стажировку под его руководством, и ему предстояло поставить ей оценку. Оценка явно не могла польстить. Несмотря на несомненные положительные качества, молодая женщина слишком легко поддавалась волнению. Она часто опаздывала и оспаривала решения вышестоящих, создавалось впечатление, что она постоянно отстаёт от хода событий.

— Мы никогда не получим на это разрешения, — отрезал он.

— Но у этой женщины редкая группа крови. Она будет месяцами стоять в списке ожидания со всеми связанными с этим рисками. И кто может быть уверен, что она доживет?

— Никто, — согласился врач.

— А мы можем спасти ее уже сегодня вечером.

— Но на все есть порядок, Клэр.

— Порядок, да плевать на него! — воскликнула она с вызовом.

* * *

Я плаваю над своим телом и слышу, как они обсуждают нас, как если бы я уже был мертв. Но по громкой реплике этой Клэр, молодого интерна, я понимаю, что еще остается надежда спасти Селин, пересадив мое сердце ей. Что же сделать, чтобы переубедить Шино Мицуки и его дурацкую карму? Я чувствую себя уже совсем далеко. Принимай же ее предложение, черт возьми, принимай!

* * *

Но верный своей натуре хирург внимательно посмотрел на ассистентку и ледяным тоном объявил:

— Если хотите когда-нибудь стать хорошим врачом, вам следует понять одну вещь: правила — это то, что нас защищает.

А она ему метко возразила:

— Правила — это то, что нас душит.

— Обсуждение закончено, Клэр.

* * *

Глубокой ночью в нескольких километрах оттуда

Облокотившись о парапет, нависающий над рекой, в промокшей одежде и с лицом, омываемым дождем, отчаявшийся человек отбросил капюшон, который обычно был у него на голове, и дал дождю свободно литься на него, как если бы так можно было смыть с него все его преступления. Несколькими часами раньше он гордился тем, что был самым лучшим наемным убийцей Нью-Йорка. За четыре года он выполнил более пятидесяти контрактов, и все — без сучка, без задоринки. Десятки жертв, убитых с полным хладнокровием, и ни разу его рука не дрогнула. Однако в этот вечер его качнуло, и третья пуля попала в женщину, которой вообще не должно было там быть. Впервые в жизни он запаниковал и, рискуя быть схваченным, сам вызвал «Скорую помощь» прямо со своего мобильного. Почему именно сегодня? Почему в таких обстоятельствах? Он не мог себе это объяснить. На него вдруг накатило отвращение и отталкивающий страх. Повинуясь порыву, он изо всех сил швырнул свой револьвер в черные воды Ист-ривер. Но этого ему показалось недостаточно, и он взобрался на парапет и остался, сохраняя равновесие, стоять над пустотой, подняв голову к небу. В это время дождь усилился, и он закрыл глаза, пытаясь найти в себе мужество прыгнуть.

* * *

Больница Сент-Джуд

4 ч 30 мин

Шино Мицуки хлопнул дверью своего кабинета. Он посмотрел в окно, но горизонт был скрыт потоками дождя, исполосовавшими стекла. Хотя ему трудно было это признать, но он проникся аргументами Клэр. Он снял телефонную трубку и попросил, чтобы его связали с Центром трансплантации. Возможно, он смог бы сделать эту операцию, получив все необходимые разрешения. Несколько угрожающих раскатов грома прогремели в небе, и лампочки вдруг затрещали. Когда его соединили, Мицуки вдруг резко повесил трубку. Нет, это заведомо обречено: ему никогда не получить необходимых санкций. При пересадке сердца количество доступных трансплантатов всегда ограничено, в них всегда огромная потребность, и правила очень строгие.

Оно вышел из кабинета так же быстро, как вошел, а потом заглянул к интерну.

— Клэр, сделайте анализ на антитела, проведите диагностику вирусных инфекций и морфологический контроль пары. Начинаем трансплантацию.

— А как же порядок? — удивилась молодая женщина.

— В этот вечер наплюем на порядок.

* * *

Он согласился. В его руках, я в этом уверен, Селин будет жить. И теперь я могу исчезнуть. Блестящие отражения сверкают вокруг меня, как кристаллы. Я уже ничего не вешу, я испаряюсь, исчезаю, охваченный молочно-белым туманом. Но прежде чем меня окончательно не станет, я чувствую какую-то фосфоресцирующую оболочку, которая обволакивает меня своим жаром и блеском. И на последнем издыхании я понимаю все: что времени не существует, что жизнь — это единственное, что у нас есть, что не надо ее презирать, что все мы связаны друг с другом и что самое главное всегда ускользает от нас.

* * *

5 часов ночи

Шино Мицуки сам вскрыл грудную клетку Итана, разделив грудную кость. Сердечная мышца сокращалась нормально и не имела признаков контузии. Гроза снаружи усилилась, закрыв стекла операционной густой завесой дождя.

В соседнем помещении другой хирург, которому ассистировала Клэр, вскрыл грудную клетку Селин и начал подключать искусственное кровообращение.

Мицуки препарировал аорту и полые вены, затем остановил сердце Итана при помощи кардиоплегического^[77] раствора. И зачем он только позволил втянуть себя в эту историю? Если обнаружится, что он действовал без разрешения, он наверняка пропал. Возможно, даже потеряет свою должность и дипломы.

Хирург, который оперировал Селин, работал под музыку. Он делал это изысканно (или с плохим вкусом, по мнению Мицуки, который так и не оценил бесцеремонность коллеги) и ставил записи известных песен, у которых в названии было слово «сердце»: «Открой свое сердце», «Ты похитила мое сердце», «Сердце в Нью-Йорке».

Мицуки извлек сердце, отделив вены, аорту и легочную артерию и стараясь не повредить синусовый узел, который должен будет обеспечивать сердечный ритм после имплантации. В одно мгновение он разрушил свою карму и потерял положение, на приобретение которого положил столько лет. И как только он дал втянуть себя в эту операцию? Он верил в свою жизнь, крепко стоявшую на якоре принципов, и в свои убеждения, но его жизнь оказалась подобна жизни других — хрупкой.

В то время как Джо Кокер затянул «Освободи свое сердце», хирург зажал аорту и полые вены, отвечающие за кровообращение Селин с одной и с другой стороны ее сердца. Машина приняла эстафету от сердца и легких, а температура крови была переведена с 37 °C на 26 °C, чтобы сократить потребности в кислороде.

Мицуки погрузил сердце Итана в охлажденный раствор для гипотермии. Затем сам перенес его в смежную комнату и там стал помогать коллегам в продолжении операции.

Проливной дождь обрушивался водопадами, делая больницу похожей на подводную лодку. Клэр извлекла сердце Селин, оставив на месте часть предсердия. Мицуки заботливо поместил в организм молодой женщины

сердце Итана. А потом началась сложная операция, состоявшая в том, чтобы соединить ткани, наложить швы на четыре точки соединения, то есть на оба предсердия, на аорту и легочную артерию. Глядя на Клэр, сконцентрированную на своей задаче, Шино вдруг осознал, что именно ради нее он пошел на эту операцию. Чтобы понравиться ей и подняться в ее глазах. Вот уже десять месяцев она работала под его руководством, и он заставлял себя думать, что эта женщина его раздражает, что она неустойчивая и заурядная. Но истина заключалась в том, что он смотрел только на нее и только ее он находил живой, эмоциональной и отзывчивой. А это были именно те качества, которые отсутствовали у него самого. Ему хотелось контролировать свои эмоции, но именно они и настигли его, и теперь это стало большой проблемой.

Сердечной проблемой.

* * *

Операция длилась всю ночь.

Очистив трансплантат от воздуха, который в нем оставался, команда медиков восстановила кровообращение. Постепенно сердечная мышца разогрелась и снова начала функционировать.

Было 9 часов 03 минуты, когда электрошок заставил сердце Итана забиться в теле Селин.

* * *

Когда Шино Мицуки высунул нос наружу, дождь прекратился, небо стало прозрачным, и яркое солнце блесело в лужах, окружавших металлический трейлер закусочной «Элвис-динер».

Шино толкнул дверь фастфуда и направился к стойке, чтобы заказать два черных кофе. Выходя на стоянку больницы, он заметил Клэр Джулиани, которая курила, опершись на капот своей колымаги, «божьей коровки», перекрашенной в безобразный сиреневый цвет. Он подошел к молодой женщине. Она дрожала от холода и застегнула пальто с воротником, украшенным посеребренными английскими булавками. Она была его противоположностью, полной противоположностью. Культура, религия, образ жизни: что у них вообще может быть общего? Вне всяких сомнений, ничего. И тем не менее...

Шино попробовал улыбнуться и протянул ей стакан с кофе. Клэр посмотрела, нахмурилась, видимо, удивленная таким дружеским жестом, непривычным со стороны ее патрона. Шино колебался (без сомнения, он мог стать посмешищем и потерять честь), но собрал всю свою волю в кулак и все же решил погладить жизнь против шерсти:

— Вот уже десять месяцев, как вы пришли в нашу больницу...

* * *

Стояло прекрасное осеннее воскресенье.

Нью-Йорк вибрировал, жужжал, содрогался.

В больнице Сент-Джуд, месте сосредоточения всего счастья и всех несчастий, жизнь продолжалась со своей чередой рождений и смертей, выздоровлений и скорбей, ликования и уныния.

Ближе к вечеру в палате интенсивной терапии, когда лучи заходящего солнца засверкали на стеклах, Селин открыла глаза.

Нет случаев, есть только встречи.

Поль Элюар

*Двумя месяцами позже
31 декабря, утро*

Меня зовут Селин Паладино, мне только что исполнилось 30, и я бегу вокруг замерзшего озера Мэнского леса. Меня окружает снежный пейзаж и опьяняет это замороженное пространство и яркое солнце, которое заставляет сверкать иней на ветвях елей. Пар валит у меня изо рта. Я удлиняю шаги, пытаюсь проверить свои возможности. Мое пересаженное сердце больше не нервничает, оно бьется быстрее при отдыхе и реагирует медленнее во время усилий.

Я бегу.

После операции я четыре недели пролежала в больнице и вот уже месяц проделываю упражнения на выносливость в реабилитационном центре. Я почти ежедневно сдаю экзамены: медицинский контроль, чтобы снимать малейшую температуру, обнаруживать любое сердцебиение, находить признаки инфекции и дисфункции трансплантата. Я знаю, что наиболее часты смертные случаи в первый год после пересадки.

Итак, я бегу.

Бегу быстрее.

Я живу в огне, я двигаюсь вдоль бездны, я танцую на краю пропасти. Но какое время мне отпущено? Месяц? Год? Десять лет? Кто на самом деле это знает? Моя жизнь, возможно, висит на волоске, но и у остальных — точно так же.

Я снова поднимаюсь по тропинке, ведущей к парку, усыпанному рыхлым снегом. Стоящий на опушке леса сверхсовременный медицинский центр напоминает большой параллелепипед из серого камня и стеклянных перегородок. Я поднимаюсь по лестнице, чтобы попасть в свою комнату. Быстро принимаю душ, переодеваюсь и спешу, чтобы не пропустить прием у кардиолога.

Он вежливо здоровается со мной, но на его лице я угадываю

беспокойство. Я сажусь перед ним, готовая услышать все, пусть даже самое худшее. В последнее время я не очень хорошо реагирую на медикаменты: у меня почечная недостаточность, повышенное давление и диабет.

— Не буду ходить вокруг да около, — начинает он.

Надевает очки и еще раз смотрит результаты моих последних анализов, которые выведены у него на экране.

Я стою прямо. И сохраняю спокойствие. Я не боюсь. Даже несмотря на то, что меня подташнивает, ноги тяжелы и чувствуется усталость.

— Вы беременны, мисс.

Несколько секунд его слова плавают по комнате, а я никак не могу ухватить их смысл.

— Вы беременны, — повторяет он, — но это — не такая уж хорошая новость.

Вдруг я чувствую слезы, которые текут по моим щекам, и мое пересаженное сердце наполняется благодарностью.

— Давайте будем говорить начистоту: вполне возможно говорить о беременности после трансплантации, но не через два месяца после операции и не в вашем состоянии. Если вы еще живы, то лишь потому, что проходите очень сильную обработку, связанную с подавлением иммунитета. Эти медикаменты проходят через плаценту и усиливают опасность зародышевых аномалий и врожденных пороков. Рисковать было бы безрассудством, это очень опасно для вас и для вашего ребенка.

Он говорит, но я его уже не слушаю.

Я — в другом месте.

С Итаном.

И с ним

я бессмертна.

Эпилог

ЖИЗНЬ, И НИЧЕГО ДРУГОГО

Полтора года спустя

Этим весенним днем на огромном газоне Центрального парка ребенок делает свои первые шаги под умиленными взглядами матери и старшей сестры.

Со времени трагедии, которая их сблизила, Селин и Джесси чувствовали себя объединенными некоей особенной связью и помогали друг другу переживать превратности судьбы. Вдвоем, возможно, бежать и не так быстро, но дойти можно явно дальше...

Джесси возобновила занятия в школе и помирилась с родителями. Что же касается Селин, то она стойко перенесла осложнения, связанные с пересадкой сердца.

Хоть они никогда об этом не говорили, обоим приятно было думать, что где-то на небесах есть человек, который смотрит на них, наблюдает за ними.

В это время на другой стороне Бруклинского моста заходящее солнце отражалось на зеркале заднего вида старого такси с закругленными формами.

Опершись на капот, большой чернокожий с незрячим глазом и странный врач-азиат продолжали свой оживленный разговор.

Сегодня вечером, как и в другие вечера, Судьба и Карма обсуждали окончание истории, начавшейся давно.

Истории любви и смерти.

Истории тьмы и света.

Истории женщины и мужчины.

Одним словом, жизнь продолжалась.

Я включил в эту книгу несколько цитат, которые мне понравились и вдохновили меня.

В частности, фраза «Нью-Йорк — это город, где чувствуешь себя, как дома, когда некуда идти» — цитата из книги Мелиссы Бэнк «Учебник по охоте и рыбной ловле для девушек».

«Случай — это Бог, который действует инкогнито» — эту фразу часто приписывают Альберту Эйнштейну.

«В то утро тень смерти имела крылья» — очень красивое высказывание из статьи Бруно Д. Кота и Мишеля Лелупа в «Экспрессе» от 20 сентября 2001 года.

«Это любовь делает идиотом, или уже надо быть идиотом, чтобы влюбиться?» — Орхан Памук.

Слова: «Я заметил, что даже люди, которые утверждают, что все предопределено и что мы ничего не можем изменить, смотрят по сторонам, прежде чем переходить улицу» — принадлежат Стивену Хокингу.

«Любовь начинается с шампанского и заканчивается отваром из ромашки» — слова Валери Ларбо.

Наконец, я довольно-таки вольно обошелся с географией Нью-Йорка и с календарем.

Гийом Мюссо

notes

Примечания

«Любовь властелина» (Belle du Seigneur) — книга Альбера Коэна, одного из наиболее читаемых писателей Франции. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. перев.*

Граунд-Зеро — участок в Нижнем Манхэттене площадью 65 000 м², на котором до 11 сентября 2001 года располагался комплекс Всемирного торгового центра. Название происходит от английского термина, обозначающего «эпицентр».

«All Along the Watchtower» («Бессменно на сторожевой башне») — песня Боба Дилана из альбома, вышедшего в декабре 1967 года. Ее потом исполняли многие музыканты, одна из самых знаменитых кавер-версий была записана Джими Хендриком в 1968 году. В британских чартах версия Хендрикса дошла до 5-го места, в американских — до 20-го. Сам Дилан высоко отзывался о кавер-версии, созданной Хендриком, и на концертах предпочитал исполнять песню в его обработке.

Терапия, основанная на импровизированных сценариях, которые разыгрываются группой участников, и позволяющая выявить неврозы. — *Прим. авт.*

Прогулки и разговоры.

Десенсибилизация и Переработка Движениями Глаз (Eye Movement Desensitization and Reprocessing, EMDR) — психотерапевтический метод, использующийся для лечения посттравматического синдрома. Основан на ритмичном движении глаз, напоминающем то, что происходит во время сна. Это позволяет мозгу быстро «переработать» шок, вызванный произошедшей травмой. — *Прим. авт.*

Препарат из разряда антидепрессантов, улучшающий настроение, снижающий напряженность, тревожность и чувство страха.

YATTA — переводится примерно как «Я сделал это». Этот выкрик вошел в моду благодаря персонажу Хиро Накамура из американского сериала «Герои».

Джеймс Блант (настоящее имя — Джеймс Хиллиер Блант) — популярный английский певец и музыкант.

«*Костры амбиций*» — роман Тома Вулфа, вышедший в 1987 году. В книге описано, как богатый финансист с Уолл-стрит после убийства молодого чернокожего парня в Бронксе становится объектом травли журналистов. Его привычная жизнь полностью разрушена. — *Прим. авт.*

CBGB — музыкальный клуб, существовавший с 1973-го по 2006 год в Нью-Йорке. Название клуба расшифровывается как Country, BlueGrass, Blues, но он, вопреки намерениям основателя, стал известен не столько исполнением кантри или блю-грасс, сколько тем, что здесь зародились панк-рок и нью-вейв.

Любовь и судьба. Слово «fate» (судьба) заменяет здесь привычное слово «hate» (ненависть) из песни Эйю.

«Марсельское таро» — название карт таро с особым, исторически сложившимся типом рисунка. Впервые это название употребил Папюс в книге «Цыганское Таро» (1889). Но еще долго после того европейские оккультисты называли этот тип «итальянским», потому что в нем используются итальянские знаки мастей. Во Франции такие карты производились с XVII века не только в Марселе, но и в других городах. Окончательно ввел в обиход название «Марсельское таро» Поль Марго, опубликовавший в 1949 году книгу с одноименным названием, в которой были описаны символические значения всех 78 карт.

Коллекция Фрика (Frick Collection) — одна из лучших частных коллекций старой западноевропейской живописи в мире, собранная американским промышленником Генри Фриком и выставленная на всеобщее обозрение в его особняке на 5-й авеню в Нью-Йорке.

Кей лайм (key lime) отличается от обычного лайма размером (он меньше), ароматом (он более ярко выражен) и вкусом (он кислее). Для этого коктейля используют водку со вкусом взбитых сливок или ванили (за счет добавки такая водка слаще на вкус). Обычную водку использовать нельзя, потому что коктейль получается слишком кислым.

Бог стадиона (Dieux du stade) — название двух книг, нескольких календарей и DVD, впервые увидевших свет в 2001 году. Это сборник полуобнаженных эротических фотографий членов французской сборной по регби. В течение следующих нескольких лет моделями становились представители других видов спорта.

«Here Comes the Sun» — песня Джорджа Харрисона с альбома 1969 года «Abbey Road». Одна из самых известных песен Харрисона, записанная в составе «Битлз».

Если ты не знаешь ни своего противника, ни себя самого, то в любом бою тебя ждет поражение.

Димсам или дяньсинь — легкие блюда, которые в китайской традиции чаепития подают вместе с чашкой китайского чая, как правило, до обеда. Они представляют собой разложенные по нескольким блюдцам небольшие порции фруктов, овощей или морепродуктов.

Одно из имен Будды. — *Прим. авт.*

Один из самых знаменитых видов Нью-Йорка — нанорама Манхэттена. Эти виды мы постоянно видим в фильмах, на открытках и сувенирах — и все это именуется «нью-йоркский скайлайн».

«Безлимитный Холдем» — самая популярная разновидность покера на сегодняшний день.

Блайнд (blind) — ставка, которую игрок обязан сделать до того, как получит карты. Это так называемая «слепая» ставка, обязательная во всех видах покера.

American Airlines (Американские авиалинии) — жаргонное название сильнейшей стартовой руки в покере: два туза — АА. Название произошло от совпадения аббревиатур.

Флоп — одна из ключевых стадий розыгрыша, первые три общие карты, появление которых оказывает существенное влияние на весь дальнейший розыгрыш.

Ребай — возможность докупить фишки в ходе турнира.

Showdown — последняя стадия игры, когда все оставшиеся игроки открывают свои карты и сравнивают их, чтобы выяснить, у кого лучшая комбинация и, соответственно, кто является победителем и данной раздаче.

Стетсон (ковбойская шляпа) — фетровая, кожаная или соломенная шляпа, с высокой округлой тульей, вогнутой сверху, и с широкими подогнутыми вверх по бокам полями. Названа так по имени ее создателя Джона Стетсона в 60-х гг. XIX века.

Ипотечные кредиты серии «prime» — это работа с надежными заемщиками, имеющими очень хорошую кредитную историю и строгие стандарты кредитов; кредиты «subprime» — это работа с клиентами, желающими получить более высокое соотношение кредит-залог и имеющими «серые» доходы.

Instant Karma (Мгновенная Карма) — песня Джона Леннона, выпущенная в виде сингла 6 февраля 1970 года «Apple Records» и ставшая третьим синглом музыканта. Это одна из трех песен Леннона (наряду с «Imagine» и «Give Peace a Chance»), попавшая в Зал славы рок-н-ролла, а также одна из самых быстро записанных песен в истории рок-музыки.

Стерва вернулась (*англ.*).

«*Сердце субботней ночи*» — второй студийный альбом Тома Уэйтса, вышедший в 1974 году. В 2003 году он занял 339-е место в списке «500 величайших альбомов всех времен» по версии журнала «Rolling Stone».

Жильбер Беко — французский певец, композитор, пианист и актер.

Имеется в виду Сесилия Саркози. В 2005 году, когда Саркози занимал пост министра внутренних дел, случился скандал. Сесилия завела роман с владельцем американского рекламного агентства Ришаром Аттиасом, ушла от мужа и улетела с Ришаром в Нью-Йорк. Номер августовского журнала «Пари матч» 2006 года с фотографией Сесилии Саркози и Ришара Аттиаса на обложке стал самым продаваемым за десятилетие. — *Прим. ред.*

Молескин (буквально «кротовая кожа») — плотная хлопчатобумажная ткань черного цвета.

Привет! Как дела? (*англ.*)

Едете вниз, верно? (англ.)

Как поживаете? (*англ.*)

Не бойтесь, мамочка вас любит (*англ.*).

М (число Маха, названо по имени австрийского ученого Эрнста Маха) в аэродинамике — отношение скорости движения тела к скорости звука. Сверхзвуковая скорость самолета в М 1,0 — это 1230 км/ч, в М 2,0 — 2460 км/ч и т. д.

Джандуйя — шоколад, содержащий около 30 процентов пасты из лесных орехов. Назван по имени карнавального персонажа-марионетки Джандуйя, олицетворяющего собой образ коренного жителя Пьемонта.

Лекарство, применяемое при неврозах и психопатиях, сопровождающихся напряжением, тревогой и страхом, а также при бессоннице.

Стандарт GSM используется в США в двух диапазонах, которые отличаются по частоте от европейских GSM900 (диапазон 900МГц) и DCS1800 (диапазон 1800МГц). Американский GSM работает в диапазонах 850МГц (GSM850) и 1900МГц (PCS1900). Телефоны «triband» обычно работают в GSM900, DCS1800 и PCS1900.

«Не дай мне уйти» (*англ.*) — название одной из песен группы «U2».

Вверх тормашками (*англ.*).

«Девушка из Нью-Йорка» (*англ.*) — название одной из песен группы «Modern Talking».

«В моей тайной жизни» (*англ.*) — название песни Леонарда Козна.

Медработник со среднеспециальным образованием.

Motown Records (Мотаун Рекордз) — американская звукозаписывающая компания, в настоящее время входит в состав «Юниверсал Мьюзик Групп». «Мотаун» специализировалась на продвижении чернокожих исполнителей. В 1960-е годы здесь было разработано особое направление ритм-энд-блюза — так называемое «мотаунское звучание». Под этим лейблом начинали свою карьеру самые выдающиеся звезды черной музыки тех лет — Стиви Уандер, Дайана Росс, Лайонел Ричи, Майкл Джексон и др.

«*Бостон Ред Сокс*» — профессиональная бейсбольная команда. Клуб был основан в 1901 году, он является второй бейсбольной командой Бостона, после «Ред Стокингз». За всю историю клуб играл в одиннадцати мировых сериях и семь из них выиграл.

Working poors — категория трудящихся, которые по совокупному доходу семьи не достигают прожиточного минимума.

Опоздали! Котла уже нет! Бойлера тоже! *(англ.)*

Карсон Маккалерс (1917–1967) — американская писательница. В 1947 году она пыталась покончить с собой, лечилась в нью-йоркской клинике, была частично парализована. Потом впала в депрессию, сильно пила, перенесла несколько тяжелых операций, пережила несколько инсультов. С 1962 года передвигалась в кресле-каталке. Скончалась от кровоизлияния в мозг после полуторамесячной комы.

Со-Милз-Паркуэй (Saw Mills Parkway) — автострада длиной в 28,93 мили (46,56 км) в штате Нью-Йорк, США.

Децеребрация — удаление (или отделение) переднего отдела головного мозга.

Тупая травма головы, особенно в височной области, может привести к разрыву средней менингеальной артерии и вызвать быстрое образование extradural haematoma); в этом случае требуется срочное хирургическое вмешательство.

Fortune cookies — печенье, подающиеся в китайских ресторанах в Северной Америке, с записочками внутри, на которых написаны предсказания или какие-то мудрые мысли. — *Прим. авт.*

Джордж Клуни снялся в рекламной кампании «Nespresso — what else?» — «Неспрессо — что же еще?»

Камю пишет: «Бунт является первой очевидностью. Но эта очевидность извлекает, индивида из его одиночества, она является тем общим, что лежит в основе первой ценности для всех людей. Я бунтую, следовательно, я существую».

Послание в бутылке (*англ.*).

Working girls — работающие девушки (*англ.*).

Брецель (Brezel) — крендель диаметром 10–15 см, широко распространенный в Южной Германии.

Оксикодон — обезболивающий препарат, полусинтетический опиоид, получаемый из тебаина. Опасен высокой вероятностью развития зависимости.

Митпакинг дистрикт (Meatpacking District) — исторический район на западе Нижнего Манхэттена. На западе квартал ограничен шоссе Линкольна, на севере — 14-й улицей, на востоке — 8-й авеню, на юге — 13-й улицей и Гэнзвурт-стрит.

Так называют квартал на Манхэттене. Название является аббревиатурой от «Треугольник ниже Кэнал-стрит» (TRiangle BElow CAnal street). Этот треугольник ограничен Кэнал-стрит, Вест-стрит и Бродвеем.

Плохие девчонки (*англ.*).

Fashion week — неделя высокой моды (англ.).

Тропа Свободы (Freedom Trail) — туристический маршрут длиной в 6 километров, позволяющий осмотреть главные достопримечательности Бостона.

Лига плюща (The Ivy League) — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах. В состав Лиги входят Йельский университет, Университет Брауна, Гарвард, Принстон, Колумбийский университет и др. Считается, что все они отличаются очень высоким качеством образования.

Индикатив (изъявительное наклонение) — в нем глаголы обозначают действия, которые происходят реально, происходили или будут происходить.

I have to be leaving but I won't let that come between us. — *Прим. авт.*

Голый ковбой — знаменитость Манхэттена, музыкант, играющий на гитаре на Таймс-сквер. Из одежды на нем лишь пара ковбойских сапог, шляпа и плавки. — *Прим. авт.*

«Метрополитэн Транспортейшн Ауторити» — крупная транспортная компания, осуществляющая пассажирские перевозки в штате Нью-Йорк (*прим. авт.*).

Анксиолитики — препараты, которые действуют на симптомы, связанные с тревогой.

Авария в энергосистеме — нарушение нормального режима всей или значительной части системы, связанное с повреждением оборудования, недопустимым временным ухудшением качества электроэнергии или перерывом в электроснабжении. Аварии в энергосистемах часто называют термином «блэк-аут», в среде специалистов также используется термин «системная авария».

В США действует правило: следует оформить карту донора, если хочешь подарить свои органы после смерти. Во Франции правило иное: там автоматически считается, что пациент готов отдать свои органы, если только он не оформил на это отказ еще при жизни.

Кардиоплегия — комплекс мер, направленных на защиту миокарда во время основного этапа хирургического вмешательства, включающий в себя остановку сердца (асистолию), кровяную либо фармакохолодовую протекцию миокарда. Кардиоплегия применяется при операциях на сердце с использованием аппаратов искусственного кровообращения.

Название стихотворения Марины Цветаевой. На самом деле стихотворение называется «Вчера еще в глаза глядел», там есть строка: «Жить приучил в самом огне».